

Виктор Воронов
ПРИГОРШНИ
ИЗ ТУЕСКОВ ПАМЯТИ

Части первая, вторая и третья
Борок семь туесков

ЧЕРЕМХОВО
ЧИКОЙ
ЧИТА

БАЙКАЛ
ИРКУТСК
БОРЗЯ

ШЕЛЕХОВ
МОСКВА
ПУСТОШКА
ПОВАРОВКА

*Где-то багульник
на сопках цветёт...*

ВИКТОР ВОРОНОВ

ПРИГОРШНИ ИЗ ТУЕСКОВ ПАМЯТИ

ЧАСТИ ПЕРВАЯ, ВТОРАЯ И ТРЕТЬЯ
Сорок семь туесков

ЧЕРЕМХОВО

ЧИКОЙ

ЧИТА

БАЙКАЛ

ИРКУТСК

БОРЗЯ

ШЕЛЕХОВ

МОСКВА

ПУСТОШКА

ПОВАРОВКА

Москва – 2005 – 2007 – 2010

УДК 92
ББК 84(2)
В 75

Автор благодарен за помощь в издании и оформлении книги Швецовой Е.Е., Вороновой Л.М., Швецову Т.Е., Корниловой В.И., Воронову В.Вас., Марковой Т.М., Воронову В. Викт., Вороновой А.В., Шкультину А.И., Мироновой Г.Г., Хайрюзову В.Н., Бережному П.П., Фаризовой Н.Ф., Герасименко Т.Н., Степанцову М.В., Петрову В.И., Орлову А.И., Коровину А.Б., Адрианову А.Д., Васильеву Н.М., Мачитову З.Ш., Сущевичу В.А., Федосееву И.И., Сапронову Г.К., Попову В.Д., Парипса Н.А., Парипсе И.Н., Сибриной Н.М., И.В. Шекуновой, Ф.Э. Шереги.

Воронов В.В.

В 75 Пригоршни из туесков памяти: Части первая, вторая и третья. Сорок семь туесков. – М.: «Издательство «Проспект», 2010 – 328 с.
ISBN 978-5-98597-178-1

Эта книга о земляках автора – замечательных и удивительных людях Забайкалья и Прибайкалья, о тех, кто никогда особенно ничего не ждал, не ждёт и не будет ждать от властей, от начальства, от «барина», от «воеводы», от «милостей царя», а кто опирается всегда, и, прежде всего, на собственные силы и добивается всего в жизни сам – своим трудом!

Третье объединённое издание включает, выпущенные в 2005 и 2007 годах, части первую и вторую «Пригоршни из туесков памяти», а также новую Часть третью. При этом автору, несмотря на прошедшие с предыдущих изданий годы и приобретённый за это время опыт, не потребовалась их особая доработка. Всё это вновь воспринимается не как своеобразный отчёт или мемуары, а как душевные размышления о самом сокровенном, дорогом и многократно обдуманном. К тому же читать книгу можно, открыв наугад любую страницу, где почти каждый абзац – небольшое самостоятельное произведение.

В книгу также вошли, полюбившиеся читателям, тонкие наблюдения о пчёлах, природе, времени, труде, жизни, простых и прекрасных людях, которых автору посчастливилось встретить в других уголках нашей необъятной Родины, любовно и гордо зовущейся Россией. Именно с ней – Россией – неразрывно связаны судьбы автора и близких его сердцу людей, упомянутых в его **пронзительных туесках доброй памяти.**

ISBN 978-5-98597-178-1

УДК 92
ББК 84(2)

© Воронов В.В. 2010

Глубокоуважаемые читатели!
Бесконечно благодарен всем, кто нашёл время прочесть, пролистать, поддержать в руках части первую и вторую «Пригоршни из туесков памяти», или ознакомился с ними на сайте в Интернете (www.voropovv.ru).

Объединяя их в одно издание вместе с новой Частью третьей, искренне рад и надеюсь, что всё это, по-прежнему, воспринимается как наши с вами совместные впечатления и размышления об:

- увиденном;
- услышанном;
- пережитом;
- прочувствованном;
- и самом душевном...!!!

**С пожеланиями добра и здоровья
Виктор Воронов**

***Посвящается Швецовым –
Евдокие Ефимовне и
Серафиме Никифоровне –
моим маме и бабушке,
и жене – Ларисе Михайловне!***

О Г Л А В Л Е Н И Е

Часть первая

<i>От автора</i>	12
О туесках и пригоршнях	13
Фото из семейного альбома	16
Глоток Родины	18
Чикой	24
Школа.....	32
Промхоз.....	41
Черемхово.....	48
Тётя Поля	51
Война, Победа и победители	53
Затягиваемое расставание	58
Самое лучшее время... ..	72
Охотничья страсть	79
Задержавшаяся осень	81
Звуки тишины	84
Любование жасмином	86

Часть вторая

<i>К дорогим моим читателям</i>	88
Одним дыханием...	89
Шелехов – юность моя!	95
О комсомоле	103
Байкал и мы	117
Снова о пчёлах и Пустошке	128
И вновь самое лучшее время...	138
Родные запахи	150
Туман	153
Припозднившаяся зима	155
 <i>Из ранее неопубликованного</i>	
<i>Встречая Новый год</i>	157
<i>Барс-а</i>	160
<i>Размышления у байкальской воды</i>	169

Часть третья

Малые Родины и полустанки жизни	173
Заглянув в записную книжку	182
Белочки	193

Наши дома и жилища	197
ПГС-67-1	202
Интенсив	209
Белое пламя	217
Поваровка-Загородное	220
Необыкновенное обыкновенное	225
Академия	228
Осенний этюд	235
Земляки	237
Полустанок с названием «БАМ»	242
Человек планетарного масштаба	249
СССР – Россия – Япония	252
На развилках жизни	256
Сразу всё вместе	259

Из ранее неопубликованного

«Новый год» в августе	261
Последний снег зимы	266
С опавшими листьями осень	268

Из личного архива

Отклики души	269
Мы – «Иваны, ...помнящие своё родство», Владимир Дмитриевич Попов	280

И снова отклики души...	286
Страница из Элитной охотничьей энциклопедии..	294
Слово о Байкале	297
Обращение к землякам	303
Письмо директору школы	305
Приветствие к 125-летию Черемхово	307
Приветствие к 90-летию Иркутского комсомола ..	310
Приветствие шелеховским комсомольцам	313
Мгновения жизни на фотографиях в тусках книги	314
Наша песня	327

Часть первая

Москва — 2005

A scenic landscape featuring a calm lake in the foreground, with mountains in the distance under a clear blue sky. The scene is partially framed by green trees in the bottom right corner.

Эти записи – тусски, как я их назвал, сделаны для себя и самых близких мне людей – мамы, жены, брата, сына, племянников и племянниц, невесток, тестя и тёщи, сватовъёв.

Однако вскоре я почувствовал необходимость предоставить возможность их прочесть своим землякам-черемховцам, а также шелеховчанам, иркутянам, москвичам и тверичам.

А теперь, думаю, пусть хоть раз их прочтёт или пробежит глазами и может быть найдёт в них для себя что-то своё, сокровенное, свежее и родниковое любой желающий.

Я буду этому только бесконечно признателен!

Автор

О ТУЕСКАХ И ПРИГОРШНЯХ

По словарю известного исследователя русской словесности Владимира Ивановича Даля **туес** – восточно-сибирское слово (уменьшительное – **туесок**) – «...бурак, бурачок, берестяная кубышка, с тугою крышкою и со скобкой или дужкой в ней».

Деревенские умельцы делали их из бересты. Для этих целей выбирали ровную, с меньшим количеством сучков на основной части ствола, берёзу. Спиливали её весной или летом, когда по ней шёл берёзовый сок и ещё не появилась сладковатая гущина – мезга. Далее распиливали берёзу на отмеренные, по предполагаемой высоте туеска, куски и специальным инструментом – сколотом (типа стамески) снимали кругами внутренний – жёлтый слой бересты, начиная с тонкой части, как бы с вершины, дерева.

Затем, снятую кругами и цельную (не разорванную) бересту (сколоту) запаривали в горячей воде, заворачивали снизу и сверху, обрачивали вторым слоем бересты – «рубашкой» (уже не цельной, а с замком) и ставили дно. Оно выпиливалось и подгонялось впритирку. Береста после кипятка ссыхалась и дно держалось очень крепко. А сверху делали крышку с дужкой или скобкой.

Туески бывали разных размеров – от самых маленьких, в которые не смогла бы даже пролезть рука ребёнка, до больших, в которые почти как в кадки (бочки) хозяйки аккуратно, слой за слоем, укладывали и солили губастые сырые грузди и рыжики. Занесённые с мороза в дом, они источали приятный запах берёзы и берёзового сока. В них в ранешние времена держали разное – сметану, бруснику, соль, творог, сахар, простоквашу и даже молоко. В туесках оно подолгу не скисало.

Конечно, туески были не такие, как сейчас в большинстве своём встречаются среди продаваемых сувениров. А настоящие – двойные, без стыка на внутреннем слое и достаточно прочные. Подобный туесок привезли нам родственники жены из Шелехова. Изготовлен он был более ста лет назад. И он, по-прежнему, пригоден для всего того, для чего и был сделан каким-то прекрасным и мастеровитым человеком из села Олха Иркутской области в те такие теперь уже далёкие времена...

Мы тоже в течение жизни многое складываем в свои своеобразные **туески памяти**.

И вот как хозяйка, принося в дом туески из погреба или из кладовки – с холода, как тогда говорили, радовала их содержимым своих домочадцев, так и мне хочется из **туесков своей памяти** выплеснуть **пригоршни** ярких и родниковочистых воспоминаний и впечатлений **о жизни простых, настоящих людей, с которыми мне посчастливилось в разное время встретиться...**

А **пригоршня**, по словарю В.И.Даля, – «...мера сыпи, всего сыпучего: сколько загрести можно в обе ладони вместе...». Так двумя ладонями рук, совмещая их вместе, можно взять пригоршню зерна, земли, кедровых орехов, брусники, голубики... Пригоршней можно зачерпнуть воду из родника или ручья, чтобы умыться или утолить жажду... Купаясь в реке, пригоршней можно захватывать воду и плескать её себе в лицо или, играя как в детстве, друг в друга.

...Так вот, купаясь в воспоминаниях, **пригоршнями** выплёскиваю **из туесков своей памяти** самое-самое сокровенное и дорогое моему сердцу...

ФОТО ИЗ СЕМЕЙНОГО АЛЬБОМА

Этой фотографии почти сто лет. На ней, слева, запечатлён мой дедушка по материнской линии – Швецов Ефим Никитич – забайкальский казак, георгиевский кавалер, большевик, красный партизан, хлебопашец. Он, к сожалению, не дожил до моего рождения, но я много о нём знаю со слов бабушки и мамы, а также бережно храню копию этой сохранённой ими фотографии.

Он прошёл срочную службу в Забайкальском казачьем войске, затем всю первую мировую империалистическую войну 1914–1917 годов, где был награждён георгиевскими крестами, вернулся большевиком в родное забайкальское село Зерен, устанавливал власть Советов в рядах красных партизан в гражданскую войну, а потом, как и многие, снова пахал, сеял, убирал урожай, вступал в колхоз, по чьим-то наветам два раза почти по полгода держался в «органнах», но был, по-види-

мому, полностью оправдан. Об этом свидетельствует ответ на запрос моей мамы в 1996 году в Читу: «...ни в каких архивах не сохранилось документов о его репрессировании».

А на другой фотографии, примерно той же давности, крайняя слева – моя бабушка Швецова Серафима Никифоровна с маленькой дочкой, будущей моей тётёй Ирой, свёкром – моим прадедушкой Никитой Клеонидовичем, женой брата мужа Миланьей Кузьмовной и её сестрой Матрёной. Она в те далёкие годы спрятала дедушкины **георгиевские кресты**, как наиболее ценные в доме вещи, в **один из туесков** в кладовке. Японские солдаты, воевавшие на стороне белой армии и зашедшие в их дом, вместе с туесками со сметаной и другими продуктами унесли, к сожалению, и этот туесок с боевыми наградами.

Добрую память о никогда не виданном дедушке и гордость, что я тоже являюсь потомком забайкальского казака, гураном, как зовут себя коренные жители Забайкалья, я несу в себе всю жизнь. И когда я бываю в Георгиевском зале Московского Кремля и читаю имена георгиевских кавалеров, то каждый раз испытываю трепетное волнение от великой общности с неувядаемой славой наших российских героев.

*...Сюда мы с тобой
непременно должны
Однажды вернуться,
однажды вернуться...*

*Михаил Матусовский
(Из песни «Берёзовый сок»)*

ГЛОТОК РОДИНЫ

(три дня через тридцать три года)

нестерпимую летнюю жару порою т-а-к х-о-ч-е-т-с-я утолить жажду глотком холодной, студёной воды.

А с прожитыми годами всё больше и больше ощущаешь потребность и даже жгучую необходимость в **глотке**

из светлого и чистого родника детства – глотке Родины.

Как от холодной родниковой воды сводит зубы, так и от глотка Родины замирают душа и сердце.

В народе не зря говорят: «Тянет туда, где зарыта пуповина...». Так и меня с братом Владиславом тридцать три года неумолимо тянуло в далёкое и родное забайкальское село Черемхово, находящееся в верховьях реки Чикой – на юго-западе Читинской области.

Здесь мы, трое братьев, жили в детстве с мамой, отцом и бабушкой.

Родственников в этом селе у нас никогда не было. Но на вопрос коллег и друзей: «А к кому же вы собираетесь ехать?» – я

отвечал, что ко всем, кто помнит нас, нашу семью – к тем, кто был и есть дороже, и ближе, и роднее...

Все эти годы, прошедшие с момента нашего переезда отсюда, жизненные дороги проходили у нас в стороне от Черемхово. Когда я летел по служебным делам на БАМ, в Хабаровск, Тынду, Якутск, Читу, Благовещенск или ещё куда-нибудь в дальневосточные края, то всегда в первую очередь, старался «завернуть», хотя бы на один день, к родителям – вначале в Борзю, куда они переехали из Черемхово в 1969 году, а затем в Иркутск, куда они перебрались позднее, в 1988 году. (Кстати, один из моментов такой нашей семейной встречи в 1981 году – на фотографии).

В 2002 году мы с братом решили, что всё-таки не надо откладывать, надо съездить в Черемхово и самим провести людей и родные места, да детям и племянникам показать родину их родителей.

...И вот уже яркое июльское солнце, отражаясь от зеркальной глади священного моря Байкала, бьёт прямо в вет-

ровое стекло автомашины, которая мчит нас из Иркутска на восток, за тысячу километров – в таёжное и горное Забайкалье. И хоть так хотелось остановиться и пообщаться в очередной раз с нашим любимым Байкалом, но поскольку главные наши устремления были направлены вдаль, ограничили эти приятные мгновения лишь любованием нашим красавцем через окно автомобиля.

Тридцать три года – немалый срок... И воды в нашей реке Чикой много утекло, да и в нас, в стране и в мире многое изменилось. Но когда мы всё ближе и ближе подъезжали к Черемхово и стали мелькать и всплывать где-то в памяти такие знакомые названия соседних селений – Барахоево, Коротково, Большаково, Красная речка, Фомичёво, Захарово, Осиновка, Шимбилик, Могзон, Большая речка, Афонькино – мы как-будто вновь окунулись в наше далёкое бо-соное детство...

Сегодня детство кажется нам таким чистым и светлым, как родник. От этого тянет к нему и хочется пить, пить и пить эту кристальную свежесть чувств и простых человеческих отношений...

Ещё тянет к деревне. Деревня, какой я её помню с детства, тоже кажется такой светлой и самобытной. Думаешь – вот жил бы и жил здесь и не знал бы много всего грязного, плохого, нечестного, что, к сожалению, в немалом количестве встречалось и встречается у нас на жизненном пути.

В моей жизни и жизни брата эти два образа – детство и деревня соединены как бы вместе. И именно они являются

для нас заповедниками всего самого лучшего, самого сладкого, самого вкусного и самого, самого замечательного!

Прекрасные и добрые люди окружали нас в детстве. Мама, бабушка и отец всячески помогали им жить лучше, учили и наставляли их детей, отстаивали существование в селе главного очага культуры – средней школы, строили общими усилиями спортзал, пристройку к школе, Дом охотника.

Односельчане со своей стороны также помогали нам всем, чем могли.

...А вот мы уже сидим в гостеприимном доме Бураковых – старых друзей наших родителей – неторопливо слушаем Василия Петровича и Веру Кузьминичну о житье-бытье черемховцев за прошедшие годы. И от их, неизменившегося с годами, говора кажется, что всё как и прежде, что как бы и не было этих десятков лет...

Но это не так. Время беспощадно – изменяются и люди, и селения. К нашему удивлению, количество дворов в селе не только не уменьшилось, но даже увеличилось – примерно, раза в полтора. Оказывается, сюда переехали семьи из дальних таёжных поселений. В селе уложили асфальт и даже в части села, вместо одной традиционной вытянутой вдоль Чикоя улицы, возникли две, а местами даже три. На домах, как в городе, появились номера. В школе оборудован компьютерный класс, построена котельная и сделано центральное отопление. Но печи остались в каждом классе – как и раньше – на всякий случай. Уголь для котельной привозят из вновь разработанного разреза около Зашулана – деревни, казавшейся тогда такой далёкой. Одноклассники оттуда жили в школьном интернате, но на выходные ездили домой. А про залежи угля тогда ходили только отдельные слухи, а об их промышленной разработке никто ещё и не заикался...

Но всё это было сделано, как потом выяснилось, ещё в первые десять-пятнадцать лет после нашего отъезда. А сей-

час, к сожалению, разваливается промхоз, безжалостно вырубается тайга и даже кедровые леса, закрылся курорт Ямаровка, редко ходит рейсовый автобус и также редко приходит почта...

Да и о многом другом мы услышали в эти памятные дни. Но главное, что мы:

Встретились: с нашей любимой учительницей математики Татьяной Дмитриевной Соболевой, учительницей Серафимой Ивановной Кожемякиной, семьями Бураковых, тёти Поли и друга детства Яковлева Николая Михайловича, с пионервожатой Грешиловой Любой, с одноклассниками: Шишмарёвым Сергеем Максимовичем, с кем сидели за одной партой – нынешним главой администрации, Колесниковым Иваном Ефремовичем, одноклассниками: Анной Васильевной Михайловой, Надеждой Никитиной и Фаиной Диановой .

Побывали: в родной школе, в знакомых классах, где уже в середине июля был проведён ремонт, полы сверкали и пахло, как и раньше перед началом учебного года, свежей краской; в промхозе – заглянули в кабинет директора, где работал отец; в нашем старом доме – где, как и прежде, живёт семья директора школы; в администрации села – ранее назывался сельсовет; в магазине – на месте бывшего «сельпо», где стояли в очередях за хлебом (в конце лета – перед «шишкованием») и дефицитными товарами.

Поклонились на кладбище могилам тех, кого, к сожалению, не застали в живых, но кого помним, уважаем и может быть кому в своё время не успели сказать тёплые и благодарственные слова...

Поговорили со многими – с кем успели за эти дни

встретиться, поздороваться, узнать друг друга и обрадоваться этой редкой и почти невероятной, но, к счастью, действительно предоставленной нам жизнью возможностью.

Съездили, как и в ранишние времена – как «выезд в свет» – на курорт Ямаровка, что в десяти километрах. Попи-

ли знакомую с детства минеральную воду «Ямаровка», полюбовались красавцами-кедрами, подышали чудным воздухом соснового леса, запахом тайги, багульника и брусничника.

Угостились в хлебосольном доме Бураковых забайкальскими пельменями,

ухой из хариуса, жареным ленком и земляничным вареньем.

Пробежались по лесочку и лугам, где собирали грузди и землянику, косили для коровы Маньки сено...

Вспомнили, что сено гребли деревянными граблями, которые нам делал дедушка Карпов, Максим Епифанович, замечательный деревенский умелец и мудрый старик. Это его внук – Юрка, оставил мне на всю жизнь отметину на голове, почти у виска, сбивая в школьном дворе бумажные самолётики самодельными копьями-дротиками, а сбив с заборного столба меня, пятилетнего мальчугана, наблюдавшего за всем этим.

Постояли в нескольких местах на берегу Чикоя, и под его мирное и строгое течение припомнили многое из прошлого...

ЧИКОЙ

икой – река моего детства. Как я помню, его почему-то всегда называли в мужском роде – «он», а не она – река. «Убежали купаться на Чикой», «рыбачат вверх по Чикою», «большая вода на Чикое» – было слышно постоянно.

К Чикою относились всегда уважительно, как бы «на Вы». Ведь эта быстрая и горная река, берёт свое начало где-то в гольцах Сахандо и несёт свои воды в реку Селенгу, которая в свою очередь пополняет озеро Байкал.

Когда мы подросли и стали Чикой переплывать, то выбирали место с учётом его стремительного течения. Ведь прямо, как равнинную реку, её (его) не переплывёшь, тебя обязательно снесёт течением, как бы ты сильно с ним не боролся.

Вода в Чикое всегда, даже в июльскую жару, холодная. Смешно, конечно, но после купания мы, как правило, грелись у разведённого на берегу костра. А уж дров Чикой приносил нам сам – и много. На его берегах были всегда ветки, брёвна, деревья, целые коряги. А местами – у берегов или мест впадения в него других небольших ручьёв и речек, образовывались целые заторы (плотинки) из всего этого, принесённого течением. Их почему-то называли «лом». Наверное, потому,

что в них были сломанные деревья, ветки и т.п. И чтобы далеко не носить дрова, около них мы и собирались, разводили костры и купались. Здесь же пекли картошку, рыбачили. Иногда не уходили с реки целыми днями – «пропадали на Чикое».

Своё русло Чикой иногда менял, смещался то в одну, то в другую сторону от села, подмывал крутые берега и обваливал их, образовывал протоки в широких местах. В этих протоках мы и купались. А иногда плавали и через основное русло Чикоя.

Одну из проток, как вспомнил мой брат Владислав, звали «Лахинской протокой». Она была на другом конце деревни – напротив дома Лахиных – большой и работающей семьи сельского механизатора. Мама часто хвалила их за трудолюбие и приводила в пример другим. Два Николая – Лахин и Васильев, или как мы их тогда каждого звали – Колька, верховодили на этой протоке во время наших купаний. Там был сделан мосток для ныряния и было постоянное место для костра. Ставились своеобразные рекорды по прыжкам в воду – «солдатиком» и «головой», устраивались заплывы через протоку и много всего такого забавного и интересно-го, увиденного нами в кино или вычитанного в книгах.

Летом в дождливую погоду или в жару, когда далеко, в верховьях реки, таяли ледники в гольцах, Чикой становился большим и суровым. Вода в нём мутнела. Могучее течение несло огромные вывороченные с корнями вековые сосны, лиственницы, ели и другие смываемые с берегов предметы и даже части каких-то, по-видимому, расположенных близко к воде, построек.

Уровень воды поднимался высоко. Вода заливала все широкие поймы и низкие места. Стадо деревенских коров в это время уже не могло ежедневно переплывать на ту сторону реки, где была хорошая трава, а паслось вдоль реки со стороны села.

При этом далеко разносился могучий и тревожный шум Чикоя.

Естественно, что прекращалась всякая рыбалка. Рыба не клевала, да и корму ей в мутной воде, по-видимому, было предостаточно.

Но как только большая вода спадала и Чикой вновь становился кристально чистым и светлым, рыбаки устремлялись к нему.

Мой брат, Вовка, не мог сидеть летом без рыбалки. Он всё время мастерил новые и новые снасти.

Вначале мы делали «закидушки» – это не длинные лески с одним или двумя крючками на концах. К ним привязывали в качестве грузила камни и забрасывали в реку, предварительно закрепив другой их конец за колышек на берегу.

В то время жилка (леска) была большим дефицитом. Её старались тратить лишь на поводки к крючкам. А сами закидушки сплетали из ниток, катушки которых выпрашивали у бабушки и мамы. Их сплетали и «сучили» руками на коленях – получалась довольно прочная нить. Кстати, валенки в деревне подшивали тоже ссученными нитками, предварительно промазанными варом, наверное, для прочности и влагостойкости, которые назывались дратвой.

Особенно удачны были закидушки в ямах и на глубоких местах. На них попадался хариус, налим, ленок, чебак и другая рыбёшка.

Потом стали, по примеру старших, делать «перемёты» из шёлковых шнуров, покупаемых в сельповском магазине на деньги, взятые у родителей или скопленные в копилке.

К ним на поводках из жилки подвешивалось большое количество крючков с червяками. И также, как закидушки, они забрасывались с грузилом, опять же из берегового камня, поперёк реки, предварительно размотанные с палки вдоль берега.

Когда перемёты вытаскивались, то, как правило, на них всегда попадалось хоть немного, а иногда и много рыбы.

И закидушки, и перемёты ставились поздно вечером, а вытаскивались рано утром.

Брат, Владислав, вспоминает, что когда мама, встав подоить корову и выпустить её в стадо, будила их с Вовкой, то они, протирая со сна глаза, шли на реку проверять снасти.

Но с какой гордостью они затем несли домой добытый трудом улов на специально срезанной ветке прибрежного ивняка! Действительно – «охота пуще неволи»!

Больше всего Вовка увлекался рыбалкой на хариусов или, как мы их тогда все звали, – «харюзов». Для этого он делал специальную мушку-обманку из ярких перьев петуха, пуха дикого кабана и цветных ниток. Подбирал всё это под вкус рыбы, наверное, интуитивно или исходя из рыбацкого опыта.

Рыбалка велась на перекатах Чикоя – на самых быстрых местах-стремнинах. Удилища делали из берёзы или черёмухи. Обманка забрасывалась без поплавка и без грузила. Она велась на натянутой течением леске по поверхности воды.

Когда хариус схватывал обманку, делалась подсечка, а затем хариус выбрасывался на берег и отцеплялся с крючка.

У меня была в связи с моей быстрой реакцией резкая подсечка. Отец всё время говорил, что я рву губы харюзам. Они у меня действительно часто срывались в воду.

Владимир в этом деле был «мастак». За короткое время он мог «надёргать» немалое количество харюзков.

Наш дядя Тима всё время при встречах вспоминал, как Вовка при его приезде к нам в гости быстро приносил с реки пойманную им рыбу – «в один момент наловит уже...».

Это были наши детские увлечения. А отец с Бураковым Василием Петровичем и Юриным Григорием Даниловичем рыбачили на спиннинг. Это было серьёзное занятие. Вовка позднее тоже стал с ними ездить на такую рыбалку, как правило, на Большую речку. Это была одна из речек, впадающих в Чикой.

Рыбалка велась днём – на блесну, а вечером и ночью – на «мышь». Это деревяшка, обшитая каким-либо мехом, обычно мехом бурундука или белки, с тремя или пятью якорями разных размеров. Она забрасывалась спиннингом (без грузила) в реку, и ленок или таймень принимали её за плывущую по реке мышь. Иногда они пробовали её хвостом, а чаще всего схватывали сразу и становились добычей рыбака.

Таким способом добывались ленки, таймешата, а иногда и большие таймени.

Особо крупные таймени ловились, как правило, в утреннем предрассветном тумане, когда так хочется поспать... Головы некоторых из них даже не входили в ведёрные кастрюли, а в длину они достигали двух или даже более метров.

А как изумительно вкусен таймень жареный на простой деревенской чугунной сковороде! При этом он, наверняка, не уступает, а может быть даже и превосходит по своим вкусовым качествам различные другие рыбы и морепродукты, называемые деликатесными.

Богат был в то время Чикой рыбой. Но поймать её стоило немало труда и сноровки...

В наш недавний приезд в Черемхово, Василий Петрович Бураков вспоминал, что действительно «...ловил тайменей на двадцать шесть – двадцать восемь килограммов...» и даже показал старые фотографии с рекордными уловами.

Вот его рассказ о лучении рыбы ночью острогой: «... «коза» (подставка для костра – прим. автора) стоит на лодке. Смолья «**понакладает**»... Один стоит – колет, другой – гонит. А лодкой уж не «**шабаркнешь**», чтоб об лодку стукнуть шестом... не спугнуть рыбу – сразу убежит... кверху гонишь лодку. И колоть надо уметь... Дед Михей, помните, только меня брал лучить. Я же лёгонький, а он здо-ро-вый... Смолья «**накладёшь**», и он меня как катит... Ага... **Быстрина**. Я подмогать ему... надо. «Кого ты подмогаешь. Я один управлюсь. Рыбу гляди на быстрине. Только мимо не давай!». Раз... Раз... Раз. «Главное, что пойдёшь лучить – первую рыбину не вздумай промазать!» ...Первая рыбина... всё... а-а... так... хорошо. Фарт будет... и пошёл...

...На остроге четыре зуба и жало. С шестом метра три – чтоб на глубине лучить... держать острогу умело надо... ...Сейчас никто не ходит лучить...

...Вот **смольё** с сосны, с корней зажжётся... Долго горит и **светит** браво...».

В Чикой впадает много рек и речушек. Выше нашей деревни, с противоположной стороны, в Чикой впадает речка с красивым названием Иссутай. Что это название означает, неизвестно. Река эта в малую воду очень даже безобидная –

можно перебрести вброд на перекате. А вот в большую воду она становится шумной и могучей. В ней как бы просыпается огромная сила, она сливается с большой водой Чикоя и затапливает небольшие косы и острова. При обычном её уровне на ней очень любили рыбачить мои братья. Они уходили туда на целый день и усталые, но довольные, возвращались к вечеру, когда все мы уже очень о них волновались.

Именно там, на другой стороне Чикоя, был знаменитый в те времена иссуйский бор, состоящий из прекрасных устремлённых в небо стройных забайкальских сосен. Одно любование ими доставляло тихую радость общения с великими творениями природы.

Вообще-то Чикой и вся его широкая, извиляющаяся и простирающаяся на десятки километров в обе стороны долина – от одних гор до других – поистине прекрасны и изумительны!

Особенно это великолепно, если смотреть на долину Чи-

коча как бы с высоты птичьего полёта – с высокого хребта, который был за полями и покосами. Это, наверное, ближний к деревне хребет. Мы забирались с братьями на него ранней зимой, по первому снегу, охотясь на белок.

Дух захватывало от открывающейся панорамы. Виделось так далеко, особенно за ту сторону Чикоя, где были основные деревенские покосы, луга, болота и протоки. В солнечную погоду всё искрилось и было особенно праздничным и непередаваемо красивым.

Да и сама тайга в долине и прилегающих к ней горах также прекрасна – и зимой, и летом. Зимой – своей суровостью и строгостью, особенно в трескучие морозы. Летом – дурма-

нящим и ни с чем не сравнимым запахом тайги, состоящим из запахов брусничника, багульника, мха и много другого.

Поэтому, слова услышанной в студенческие годы песни «...за туманом и за запахом тайги...» имеют самую реальную основу. И всякий раз истосковавшись в городах по «запаху тайги» и вновь оказавшись в тайге, вдыхаешь полной грудью этот запах, этот воздух, этот аромат трав, смолы и всего, всего такого знакомого с детства...

Так же не забываем мною всю жизнь удивительный вкус черемховского земляничного варенья, которое бабушка варила на небольшой печке, сложенной прямо у нас в огороде, из собранных нами в лесу с братьями ягод!

Удивительно красивы горы – отроги Яблонового хребта. На них можно глядеть бесконечно. Вот эти за рекой – далёкие – они всегда кажутся синеватыми. А эти, с противоположной стороны деревни, – близкие – их видно в том цвете, в каком они находятся в то или иное время года. Например, серо-белые – зимой и зелёные – летом. В любое время в них находишь что-то особенное и привлекательное. И всегда хочется заглянуть за эти горы – узнать, что за ними. Какая там жизнь? Несмотря на то, что знаешь, что за ними такие же горы и такая же кажущаяся безмолвной и действительно почти безлюдная на десятки и даже сотни километров тайга...

А выше нашего села по Чикою располагались небольшие селения и охотничьи зимовья. Один их перечень звучит таёжно-поэтично – Поварня, Харцага, Чикокон, Анга, Егоровка, Икшель, Семиозёрье, Ядрихино, Усть-Ямаровка... Все эти знакомые с детства названия отзываются в памяти новыми пригоршнями воспоминаний.

ШКОЛА

кола была для всех в селе святым местом и пользовалась неперекаемым авторитетом и уважением. Тяга к знаниям, стремление вывести своих детей «в люди» и дать им образование были в то время огромными.

Построена школа была давно, до войны, в самом центре села, на высоком месте – из крепких лиственничных брёвен. Вид этих брёвен с годами не ухудшался, а приобретал всё более строгий и солидный оттенок. Во всём чувствовалась «рука мастера» – добротность и основательность. Видно было, что строили школу с большим старанием и прилежанием.

В одном из «крыльев» школы, где позднее располагалась «учительская», была «квартира» одной учительской семьи Кардашей, затем переехавших в г. Хилок. В детстве с их детьми мы и проводили время в школьном дворе – наш дом стоял как раз напротив. Так что школьный двор был для нас как бы и двором нашего дома.

Вначале, как мне помнится, школа была семилетней. Чтобы стать ей средней школой, требовалось соблюдение определённых требований: расширение количества учебных классов, наличия спортзала, производственных мастерских и т.п.

Когда моя мама – Евдокия Ефимовна Швецова (она оставила свою девичью фамилию), будучи в то время директором школы, в конце пятидесятых годов прошлого века, поставила эти вопросы на общешкольном родительском собра-

нии, то все родители откликнулись на призыв оказать школе помощь. Было решено, что за каждого ученика родители привозят на строительство пристроек и спортзала школы по два строевых бревна.

И вот так общими усилиями был собран строевой лес. Затем мы, школьники, на уроках труда «шкурили» эти брёвна, то есть сдирали с них кору. А уже строители из промхоза, выделенные моим отцом – директором промхоза, возводили нужные школе постройки.

Конечно, к этому ещё следует, наверное, добавить то, с каким трудом мамой и её коллегами, были «выбиты» средства на расширение школы в районном и областном отделах народного образования, сколько нервов и сил было на всё это потрачено.

Зато с какой радостью потом ученики занимались в спортивных секциях в новом и впервые построенном в селе спортзале. Школа получила статус «средней образовательной школы», и нам повезло, что именно в ней мы получили среднее образование. А иначе, после седьмого класса пришлось бы ехать учиться за три десятка километров в Шимбиликскую среднюю школу.

Школа действительно была очагом культуры и знаний. Всё что в ней готовилось – концерты художественной самодеятельности, творческие встречи, новогодние и праздничные вечера – делалось для всех односельчан. Жизнь школы и села были неразрывны.

Представители коллектива школы самоотверженно отстаивали честь школы и села на районных смотрах художест-

венной самодеятельности и спортивных соревнованиях района по волейболу и баскетболу. При этом неоднократно завоёвывали призовые места, что служило предметом гордости всех односельчан.

А один председатель колхоза на районном совещании сказал: «...так это та школа, где любят поэзию». И действительно, мама и другие учителя русского языка и литературы, учительский и ученический коллективы активно увлекались поэзией. В школе часто проводились вечера поэзии, оборудовались в классах уголки любимых поэтов.

Этому же способствовал и созданный по инициативе Разумова Юрия Николаевича школьный радиоузел. Была организована трансляция не только в школе, но и на всё село. Ежедневно, в семь тридцать утра, звучала короткая передача «Мечтать, надо мечтать...». На регулярной основе и к праздникам звучали радиогазеты «Говорят погибшие герои», «Борцам за революцию» и другие.

Ещё, как мне помнится, Юрий Николаевич хорошо преподавал нам географию. Он открывал для нас новые страны, континенты и много всего крайне интересного. Журнал «Вокруг света», по его рекомендации, был у нас очень читаемый. А уж когда он стал преподавать нам экономическую географию, то стало ещё интереснее. Ведь каждый из нас хотел стать специалистом своего дела и мечтал трудиться на благо страны на современном оборудованном по последнему слову техники предприятии будущего.

Вспоминаю, что в 1960 году, учась в четвёртом классе, по совету мамы я написал письмо Николаю Тихоновичу Яценко – директору Читинского книжного издательства, автору зачитанной нами «до дыр» книги «Босоногая команда», о мальчишках Забайкалья, принимавших вместе со взрослыми участие в борьбе с белогвардейцами и японскими интервентами в годы гражданской войны. Завязалась интересная переписка, и я до сих пор благодарен Н.Т. Яценко,

что он так много времени уделил мне – навязчивому юному читателю из дальнего таёжного села. А переписку с ним и книгу с его автографом мама бережно сохранила и передала мне во время долгожданного, очередного, недавнего её приезда в Москву.

Но пусть не сложится такое впечатление, что все мы – тогдашние школьники – были уж такие послушные и радывые. И нас всех совершенно правильно и верно воспитывали и требовали от нас прилежания наши учителя и родители. Были среди нас и более хулиганистые, с которыми учительский коллектив немало мучился. Но всё это было как-то по-доброму, с учётом трудностей быта и сложностей того непростого времени.

Учителя у нас были замечательные и терпеливые. Сколько сил они потратили на всех нас, наверное, никому не известно!

Математиком «всех времён и народов» для нас была Татьяна Дмитриевна Соболева. Теперь я уж не вспомню, с какой девичьей фамилией она начала работать в школе после приезда по направлению из Ярославского пединститута.

Впоследствии она вышла замуж за коренного черемховца Николая Кузьмича Соболева, работавшего тогда в промхозе заведующим заготовительным пунктом. Она учила нас логичности в математике, приучала рассуждать при решении задач и искать наиболее рациональные пути их решения. Это же я позднее старался привить и своему сыну – Владиславу, помогая ему в выполнении школьных домашних заданий по арифметике и математике. Этот «рационализм» так мною

усвоился, что я всегда при принятии любого решения стараюсь искать наиболее рациональное, простое и с минимальными затратами.

Её уроки таких трудных для школьников предметов, как математика, геометрия и тригонометрия были интересны и увлекательны. Они проходили в поиске лучших способов и путей решения задач и примеров. Этот поиск мы продолжали затем уже после уроков – при выполнении домашних заданий, а уже на следующих уроках, которых мы с нетерпением ждали, происходила сверка наших решений.

В начальных классах нас с братом учила Иванова Татьяна Николаевна. Она с первых наших шагов стремилась сделать школу для нас вторым домом, давала нам массу полезных и жизненных знаний, прививала навыки познания мира. Многие её практические советы я помню до сих пор.

Примечательно, что наши учителя всегда старались приободрить и поддержать любое стремление учеников к знаниям. Тем самым создавался общий настрой и порыв к овладению современными и перспективными профессиями.

Именно в те времена в школах внедрялась «политехнизация» – овладение приёмами рабочих профессий. На уроках труда осваивались навыки столярных, слесарных и токарных работ, элементы плотницкого ремесла. А в старших классах под руководством прекрасного специалиста своего дела и душевного человека, Иванова Николая Феоктистовича, изучались основы механизации сельскохозяйственных работ и автодело.

По инициативе клубного киномеханика Мельникова Анатолия Васильевича были организованы курсы киномехаников. Мы основательно изучали основы кинодемонстрационной техники, а затем успешно сдали экзамен и получили настоящее квалификационное удостоверение кинодемонстратора. И затем мы с гордостью организовывали показы учебных кинофильмов для других классов и по очереди по

могали киномеханику в клубе. А киномеханик в те времена, когда в селе ещё не было телевидения, был, как говорят, – «первый парень на деревне».

Летом в школе создавалась ученическая производственная бригада и ученики старших классов в две смены жили в палатках в лесу, работали на полях и отдыхали. Нам даже доверили штукатурить стены нового пристроенного здания школы. И мы учились делать раствор, набрызг, затирку и другие строительные работы.

А уж заборы вокруг школы под руководством учителя труда, «краснодеревщика», золотых рук мастера-столяра Буракова Василия Петровича мы строили и ремонтировали постоянно. Потом я с братьями строил и ремонтировал заборы и постройки у себя дома. А некоторую мебель, сделанную Василием Петровичем по заказу мамы – буфет для посуды, фигурную этажерку, подставки для цветов – она перевозит за собой всю жизнь, с места на место и как память, и как добротные вещи.

Для нашей семьи тогда понятие «школа – второй дом» имело несколько другой смысл, нежели для других учеников. Скорее всего, школа была для нас одновременно и первым, и вторым домом, поскольку наш дом находился внутри ограды школы, где-то на расстоянии двадцати-тридцати метров от её основного здания. И долгие годы мы не были отделены от школы даже забором. Школьный двор являлся для нас и домашним двором – здесь мы играли и бегали. Несколько позже мы выгородили забором свой внутренний двор – однако всё равно вся наша детская жизнь и летом, и зимой проходила в школьном дворе, и именно через него шли все наши пути-дороги.

В противоположной от нашего дома стороне школьного двора располагался интернат. В нём, при заботливом отношении завхоза школы Агрипины Леонтьевны Хлызовой – тёти Груши, жили ученики из дальних сёл. Поэтому собрать

любую команду было легко. Только начиналась игра, так желающих всегда было много. На шум и звуки к вечеру в школьный двор и к клубу подтягивались и другие сельские ребята. И до позднего вечера, до темноты устраивались различные игры – в волейбол, в футбол, а особенно – в лапту. Эта старинная игра была в то время очень популярна. Были свои мастера резких ударов по мячу и мяч улетал очень далеко – его подолгу все искали. Было всем интересно и увлекательно.

И вообще, школа, школьный двор и расположенный рядом клуб были местом встреч, игр и отдыха. Сюда – в центр села – как магнитом притягивало всех односельчан, а особенно молодежь.

Радостным для нас событием было проведение выборов. Обычно это было в марте. Солнце уже светило по-весеннему, хотя ещё стояли холода и везде было много снега.

В школе, начиная с пятницы, оборудовали избирательный участок. Парты с ряда классов уносили в другие классы и ставили в конце коридора – одну на одну – в два этажа. В субботу, как правило, отменяли уроки – и мы радостные занимались своими делами.

Вокруг школы и днём и вечером проявлялась повышенная активность, – развешивались транспаранты, оборудовались кабинки для голосования, буфет, комната отдыха, звукоусиление. Вечером устраивалось дежурство на избирательном участке. И в обычно тёмном по субботам здании школы всю ночь горел свет в окнах. Электростанция в дни выборов работала круглые сутки, а не как обычно – до половины первого ночи.

Особенно интересным был сам день выборов. В ходе него происходило многое. Были песни, пляски, танцы. Из дина-

миков, установленных внутри и снаружи здания школы, звучали любимые всеми «Севастопольский вальс», «Москва майская», «Летят перелётные птицы» и другие песни. На саях и в кошёвках приезжали голосовать жители ближних сёл и деревень. Происходили встречи, велись всякие разговоры, возникали разные истории, которые потом ещё долго всеми вспоминались и пересказывались. Телевидения и домашних телефонов тогда ещё не было, но зато всё происходящее было всем интересно и привлекательно.

В понедельник в школе восстанавливали всё на свои места. Уроков снова не было и дополнительные наши занятии продолжались. А со вторника всё упущенное нами с учителями навёрстывалось на уроках – надо было готовиться к экзаменам, их то никто не мог отменить, даже и выборы.

Парты в те времена в школе были настоящие! С наклонными и откидными крышками, с выемками для ручек и чернилниц, разные по высоте – для младших и старших классов.

Когда мы в 2002 году вместе с новым директором школы Шалбецким Валерием Спиридоновичем вспоминали об этом, то он пообещал, что одну из старых парт найдёт и оставит в школе как экспонат.

Писали в то время чернилами и ручками с перьями. Перья подбирали разные (особенно ценилась «звёздочка»), и писать ими отдельные элементы букв требовалось с разным нажимом. В первом классе были уроки чистописания. На них и слова, и буквы нас учили писать каллиграфическим почерком в

специальных тетрадях с разлинованными листами бумаги.

Самыми «ходовыми», или как теперь можно сказать модными, были чернильницы-«непроливашки». Но их надо было наполнять чернилами, которые разводились из химических таблеток, не полностью. Тогда при опрокидывании они не разливались. Носили чернильницы в специально сшитых для них мешочках с затянутым шнурком или верёвочкой.

И только позже стали появляться авторучки, в которые закачивались чернила. Ещё позднее появились сегодняшние шариковые ручки и почерк стал у всех «не очень». А раньше это было не у всех...

ПРОМХОЗ

Главной производственной организацией на селе был промхоз. Его директором был мой отец – Воронов Василий Георгиевич, и поэтому многое из жизни промхоза проходило у нас на глазах, часто дома. Вся жизнь села и его жителей в той или иной степени была связана с промхозом.

Было, правда, ещё отделение колхоза, который располагался в другом селе, но всё равно почти всё в нашем таёжном селе в основном зависело от промхоза.

Промхоз был местом работы большинства взрослых односельчан. Его полное наименование – Верхне-Чикойский коопзверопромхоз Читинского облпотребсоюза – кооперативное зверопромысловое хозяйство. Оно входило в систему потребительской кооперации, которая в те годы работала с элементами и принципами рыночной экономики, была, как позднее стали говорить, – самофинансируемая, самокупаемая и самоуправляемая. И даже теперь трудно сказать, что это было – авангард передовых методов в экономике или организация, в которой сохранялись старые «нэповские» методы хозяйствования.

Одно можно сказать точно – эта организация приносила пользу и людям, и обществу, и государству в целом.

Одним из направлений её деятельности была организация заготовки кедровых орехов. Кедровники находились далеко в тайге, вдали от дорог. Нужно было завозить людей, продукты и многое другое для заготовки орехов, а позднее было необходимо вывозить заготовленные орехи. Для этого промхоз создал парк автомашин и тракторов, завёл табун лошадей, имел мастерские, сушилки, веялки, гаражи, ко-

нюшню, пилораму, электростанцию и многое другое, что служило не только производственным целям, но и удовлетворяло многие нужды школы, сельсовета, клуба и всех односельчан.

Кедр хорошо плодоносит не каждый год. Примерно один год из четырёх он почти не даёт орехов, один год из этих же четырёх бывает очень урожайный, а два других – не очень.

И вот когда орехов добывалось немало, то уже с ранней осени по всей деревне: на улицах и тропинках, на полу в клубе – после киносеанса, в школе – в партах, да и во дворах домов – повсюду была скорлупа от кедровых орехов. Все: и дети, и

взрослые в карманах носили одну-две и более горсток орехов. И даже во время разговоров многие не переставая щёлкали орехи.

Важно было уметь щёлкать орехи так, чтобы не перекусывать пополам ядрышко, а только умело раскусывать саму скорлупу, снимать пальцами её половинку, языком разворачивать и снимать вторую половинку скорлупы, отправляя само ореховое ядрышко далее себе в рот. Некоторые в этом деле достигали такого мастерства, что щёлкали орехи «как белки», быстро, ловко и проворно.

С середины лета во многих домах начинали сушить сухари для охотничьего и кедрового промысла. Хлеб в сельповском магазине раскупался быстро, за ним начинали с раннего утра занимать очередь. Брли помногу буханок, а затем в печах, дома сушили сухари – их набирались целые мешки. Промысловики завозили их вместе с другими продуктами в тайгу – ведь в тайге им некогда, да и некому печь хлеб или

даже лепёшки. Там после изнурительного сбивания шишек тяжёлым колотом и собирания их под кедром – во мху, в валёжнике, в траве – они, стащив мешки с шишками к зимовью, начинали их молотить, сеять и веять. Всё это делалось уже при свете костра и уходило глубоко в ночь. А утром, чуть свет, снова колот и сбор шишек... Хорошо, если зимовьё находится в самом кедровнике, всё ближе таскать мешки с шишками, да и колот тоже. Прекрасно, если кедровник сравнительно чистый и без валёжника. Тогда всё делается гораздо легче... А вообще-то труд заготовителя орех очень нелёгкий и заслуживает всяческого уважения!

После заготовки кедровых орех переходили на «белкование» – добычу белок. Цвет шерсти белок к этому времени, после линьки, становился «зимним», и именно тогда её требовалось добывать.

Как правило, охота на белок велась с хорошей охотничьей лайкой. Для этого хозяин собаку хорошо содержит, «натаскивает» и учит работать «по белке», «по соболю» и тому подобному. Помнится, что и мы тоже держали хороших собак-лаек со звучными кличками – Верный, Дунай, Анга.

В удачные, урожайные на кедровый орех, а, следовательно, и на белку, годы, поскольку её поголовье зависит от этого, охотники добывали и сдавали в промхоз немалое количество связок шкурок белки.

Одновременно с «белкованием» начиналась и охота на знаменитого баргузинского соболя.

В детстве мы с братьями «от корки до корки» прочитали, имевшуюся у отца книгу о жизни и повадках соболя. А вот добыть его нам ни разу не удалось. По следу соболей несколько раз шли – но взять соболя, как говорится, «не подфартило». Уж очень он хитрый, умный и вёрткий зверёк.

Поэтому-то к тем охотникам, что промыслили соболя, в деревне относились с уважением, как бы отдавая должное их охотничьему мастерству.

Конечно, каждый охотник добывал и сдавал в промхоз разное количество этих ценных шкурок соболя:

кто-то – одну-две, кто-то – пять-десять, а кто-то и до двадцати-двадцати пяти соболей добывал за сезон.

Редко, но помнится, что были и «рекордсмены» по количеству добытых белок, а особенно соболей.

В нашем селе дух и общая атмосфера охоты и добычи орех и зверя присутствовала везде – в школе, в клубе, на улице, в домах. К охотничьему труду все относились с уважением, а дети с малого возраста брали ружьё и шли в лес – что-нибудь добывать.

Заготовка орех и добыча пушнины были, конечно, основными в деятельности промхоза. Однако наряду с этим промхоз в летнее время успешно вёл заготовку грибов, ягод и рыбы.

В урожайные годы груздей и рыжиков нарождалось в лесу большое количество. И мы все за ними ходили, собирали, затем замачивали, мыли и солили в кадках и вёдрах.

Приёмный пункт промхоза вёл заготовку грибов и ягод от населения. И очень удачно. Помнится, что наш друг Колька Яковлев, ныне, конечно, Николай Михайлович, сдал в один год немало груздей и на заработанные таким образом деньги купил себе фильмоскоп. А это было уже «что-то» – показывать своим домашним и друзьям диафильмы. Об этом мечтало тогда большинство школьников.

Особенно много груздей было в Подушке – так называли

место, а скорее всего сопку, несколько поодаль от села. В грибной год туда устремлялось большое количество односельчан – но груздей тайга, березняк и багульник, где они обычно растут, давали всем вдоволь.

Мы же с братьями обычно ходили за груздями и рыжиками на Мадескино поле. Это была залежь, которая началась недалеко от нашего дома, а по её краям и перелескам росли прекрасные берёзки, багульник, осинник. И после тёплых августовских туманов губастые грузди здесь попадались целыми грядками. Не успеешь срезать один, как взгляд уже отыскивает в листве другой. А с полным ведром этих сырых груздей возвращаться домой было очень приятно!

Кроме всего этого, промхоз выполнял роль, как теперь говорят, «градообразующего предприятия». Своей дизельной электростанцией он обеспечивал электроэнергией в вечернее и утреннее время все жилые и нежилые дома села. Различные строительные и ремонтные работы на селе производили также рабочие промхоза. Необходимые пиломатериалы и дрова можно было приобрести только в промхозе, который заготавливал лес и на пилораме производил разделку брёвен на требуемые виды досок, брусков и бруса на строительство домов.

Зимой охотники промхоза активно добывали в тайге парнокопытных животных: сохатых, изюбрей, косуль и кабаргу. Их такое ценное мясо сдавалось и также поступало в продажу для населения села, района и области. Летом довольно-таки успешно проводилась заготовка и сдача рыбы. Её солили в верховьях Чикоя в большие бочки, а

затем сплавляли до Черемхово на плотках. Автотранспорт промхоз старался использовать без порожних рейсов: из райцентра и от ближней железнодорожной станции Петровск-Забайкальский везли в Черемхово различные грузы

для сельпо, школы и самого промхоза, как бы осуществляя «северный», а скорее всего, летний завоз продуктов и товаров для нужд села. В прямом же направлении вывозилось всё то, что заготавливал промхоз для государства.

В целом промхоз создал крепкую промышленную базу, которая позволяла ему решать многие как производственные, так и социальные задачи.

Гордостью промхоза и его директора было строительство Дома охотника. Не сразу эта идея пробилась себе дорогу – нужно было изыскать средства и согласовать всё в вышестоящих инстанциях.

Каких это стоило трудов и нервов можно теперь только догадываться. Ведь у Читинского облпотребсоюза в отношении промхоза и его доходов, наверное, были свои интересы и виды. Да законы и инструкции того времени тоже не всегда совпадали с нашими желаниями и мечтаниями.

Всё это было преодолено и за несколько лет рядом со старым клубом – на радость всех черемховцев – был построен из бруса Дом охотника.

Помню, что насчёт этого названия тоже было немало препятствий. Но отец и его коллеги правильно настояли, что в таёжном селе должен быть именно Дом охотника, а не просто сельский клуб.

Это событие действительно трудно переоценить. Ведь в

те годы в селе ещё не было телевидения и туда ещё не была проведена линия электропередачи. Клуб, а затем Дом охотника, демонстрировавшие в них кинофильмы и ставящиеся концерты художественной самодеятельности и приезжих артистов, а также лекции и торжественные собрания были для всех сельчан «окном в мир» и основными, вместе с радио и прессой, источниками информации.

С чувством признательности привожу строки из письма Николая Кузьмича Соболева, отправленного автору восьмого апреля 2005 года: «...Я благодарен судьбе, что в начале моего трудового пути она свела меня с твоим отцом. Это был человек аналитического склада ума, обладал организаторскими и хозяйственными способностями, хорошо знал и разбирался в финансах и экономике. В работе смело шёл на оправданный риск, не боялся привлекать к работе молодых, неопытных, но энергичных людей. Недаром мы в короткий срок на пустом месте построили прекрасную базу промхоза. Конечно, направляющую и руководящую роль всегда играл директор. Но я непосредственно вёл строительство, занимался заготовкой и переработкой леса и решал остальные хозяйственные дела. На первых порах было непонимание его жёсткой требовательности, неукоснительного и в срок выполнения его указаний. Но когда я сам стал директором промхоза (Чикойского промхоза в селе Красный Чикой – прим. авт.), то понял, что без дисциплины и порядка сложно руководить этой охотничьей вольницей. Думаю, что вашу семью многие помнят в селе, потому что она оставила большой след в жизни Черемхово...».

ЧЕРЕМХОВО

В детстве нас с братьями затрагивало то обстоятельство, что ни в Атласе СССР, ни в Атласе мира, ни даже на больших картах, которые имелись в школе, не было обозначено наше село Черемхово.

Некоторым утешением этому было то, что курорт Ямаровка, от которого наше Черемхово находилось всего в десяти километрах, на картах мы находили. Дети работников этой Всесоюзной здравницы учились в нашей школе. Именно сюда за двести пятьдесят километров от железной дороги из города Петровска-Забайкальского курсировал автобус, которым ездили отдыхающие и мы – местные жители.

Постепенно мы свыклись с этим. И даже много позже, разъясняя кому-либо о местоположении Черемхово добавляли, что оно находится недалеко от курорта Ямаровка.

Правда, у отца, директора промхоза, в кабинете висела большая и более подробная карта нашего района, где было обозначено Черемхово, а также куда ещё более мелкие населённые пункты и даже охотничьи заимки. Но эту карту я сам видел всего лишь несколько раз, и она не могла быть предметом, так сказать, широкого пользования.

В энциклопедии,

имевшейся в домашней библиотеке, село Черемхово тоже не значилось. Но был город Черемхово в Иркутской области. А когда я сдавал вступительный экзамен по физике в Иркутский политехнический институт, экзаменатор узнав, что я из Черемхово, спросил: «Кто преподавал у Вас в школе физики?» Услышав незнакомую ему фамилию – замолчал. По-видимому, он имел какое-то отношение к этому городу Черемхово.

В этом шахтёрском городе Черемхово позднее я бывал не один раз. Но, нисколько не собираясь обидеть его жителей, скажу, что даже своим названием он не напоминал мне родного села. Его название звучало для меня как-то по-другому.

В Улётовском районе Читинской области есть тоже село Черемхово. Но, к сожалению, у нас не было никакой информации об этом селе. И за эти годы я к этому так ничего и не добавил.

В те времена бытовало обидное слово «де-рев-ня», произносимое свысока и как бы подчеркивающее превосходство всего городского.

Нам всем хотелось быстрее вырваться из села в другую, такую интересную, как нам казалось по кинофильмам и книгам, жизнь.

Теперь с годами осознаёшь, сколь наивными были наши представления и какими иллюзиями мы себя питали.

В то же время, оглядываясь назад, понимаешь, что этот юношеский порыв делал и доброе дело. Он заставлял всех нас учиться, овладевать профессиями и находить своё место в жизни. Об этом часто говорили и моя мама, и наши учителя.

Хотя мы и стеснялись того, что «из села Черемхово», но в спорах со сверстниками яростно доказывали, что не хуже других, в том числе и городских.

...И вот я уже объездил немалую часть нашей страны –

бывал на Дальнем Востоке, на Севере, в Средней Азии, на Черноморском побережье, на Каспии, в Прибалтике и Белоруссии, на Украине, в Молдавии и многих других прекрасных уголках и закоулках нашей большой Родины, которую мы все вместе с гордостью раньше называли СССР.

Удалось побывать в более двадцати странах мира и на разных континентах, искупаться во многих морях и океанах, посмотреть ряд «чудес света» и многие другие достопримечательности.

Но вот с годами почему-то это наше село – Черемхово, наша «малая Родина», утопающая по весне в белых зарослях цветущей черёмухи, становится всё роднее и милее, и сюда тянет и тянет, хотя его, по-прежнему, нет ни в одном географическом атласе страны...

ТЁТЯ ПОЛЯ

Мы всегда её звали «тётя Поля». И хотя перед нашей поездкой в Черемхово мама несколько раз напомнила мне, что, наверное, удобнее было бы её звать Полина Фёдоровна, я при встрече и в этот раз обнимал и шептал ей «Тётя Поля!».

Святой человек Васильева Полина Фёдоровна – вдова солдата страшной войны, оставившей её с сыном одну, так и не дав ей времени побыть женой. Именно к ней так подходят слова известной песни: «Шинели не носила, под пулями не шла. Она лишь только мужа – народу отдала...».

В то лето 1951 года, маме, выпускнице Читинского пединститута, выделили для жилья старый домик напротив такого же старенького домика тёти Поли. Так начались соседские отношения, которые переросли в крепкую дружбу.

Люди после тяжелейшей и кровавой войны, оставившей сиротами более половины села, жили нелегко, бедновато, но с огромным желанием трудиться и надеждой сделать жизнь лучше, «вывести в люди» своих детей и внуков.

Тётя Поля угощала нас с бабушкой и братьями, когда мы иногда в воскресенье приходили к ней в гости, незабываемым лакомством – «парёнками». Она их готовила в русской печи из брюквы, и они были слаще конфет, которых в те годы было ещё очень мало.

А ещё у неё были вкусные наваристые деревенские щи. Мы с братьями и бабушкой располагались рядком в её тесной, но всегда чистой, с добела начищенными голиком с дресвой некрашеными полами избёнке

и ели их деревянными ложками из небольших мисок.

Наша бабушка, Серафима Никифоровна, и тётя Поля подружились с первых дней. И хоть немного позже мы переехали жить в другой дом – на территории школы – «поход» в гости к тёте Поле для нас всегда был уже сам по себе подарком и праздником.

В тёте Поле, как и в нашей бабушке, всегда были безграничная сила духа, народная мудрость, огромное трудолюбие и доброта к людям.

Тётя Поля заскакивала на лошадь и верхом ехала по деревне на покос, на уборку хлеба, за ягодой и грибами.

Всю свою жизнь она проработала в колхозе. Зарабатывала, как она говорила, «палочки» – трудовни. Вела своё домашнее хозяйство, которое выручало, как всех, и её семью. Вырастила и воспитала прекрасного сына.

После службы на подводной лодке он, красавец-моряк, подарил нам с братьями свою самую ценную реликвию – бескозырку, которую мы по очереди иногда, но очень бережно, одевали. И нам слышались и снились всплески морских волн, корабли и мачты, которых мы тогда ещё не видали.

Позднее, когда у Василия Герасимовича появилось своё пополнение, мы с благодарностью вернули эту морскую реликвию – бескозырку в их гостеприимную семью...

Сейчас мы всё больше понимаем, что и тётя Поля, а особенно наша бабушка, воспитывающая и растившая нас в большей степени (из-за загруженности родителей работой), являлись и являются для нас кладезем народной мудрости и бесценного жизненного опыта.

Бабушка не имела никакого образования, не умела читать и писать, но многие её звали шутя «генералом», а все её советы и пожелания оказывались верными и выполнимыми.

И многое, не замечая, мы, конечно, почерпнули для себя именно тогда, в те годы жизни в Черемхово. И эта неразрывная связующая нить поколений, духа народа и его самобытной культуры, к счастью, сопровождает нас всю жизнь.

ВОЙНА, ПОБЕДА И ПОБЕДИТЕЛИ

от и отгремел праздничный салют уже 60-летия Великой Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов. Празднование этого юбилея прошло очень хорошо и здорово.

Жаль только, что всё меньше и меньше остаётся тех, кто эту Победу завоевал, выковал, обеспечил.

Цифра «60» очень велика. Нам, ровесникам Победы, она напоминает не только те грозные годы, но и наш возраст. С детства, с каждым Днём Победы, мы как бы выросли ещё на один год. И вот уже дотянулись, или, как я, дотягиваемся уже до цифры «60»!

Чем дальше отходим от этой даты, тем всё более и более осознаём, какими нечеловеческими усилиями людей, всего народа – на фронте и в тылу – одержана эта Великая Победа!

С детства я помню страдания людей после войны, безруких, безногих и искалеченных войной **фронтовиков**, так их тогда называли. **Ветеранами** их стали называть уже немного позже.

А в те годы, как мне помнится, они не очень охотно вспоминали о войне. Слишком свежи, по-видимому, были раны, боли и тяжёлые воспоминания об этом суровом

и жестоком деле, каким является война, пусть даже она и являлась справедливой. Но справедливой и «за правое дело» – это в целом для народа и государства. А боль и неисчислимые потери – это для каждого человека в отдельности. И всё это вместе, к сожалению, и составляет одно целое – войну и её последствия.

О своих «геройствах и подвигах» фронтовики тоже не очень-то рассказывали. Помню, что отец в детстве рассказал только два случая. Один – это как он чуть не подорвался на mine, за несколько секунд до взрыва соскочив с подножки автомашины. Второй – как его ранило при артобстреле и он очнулся уже в госпитале. А за что он получал ордена и медали – это он стал рассказывать уже позднее, где-то к 30-летию Победы.

В школу и в наши классы учителя приглашали некоторых фронтовиков и инвалидов войны. И они тоже неохотно говорили о днях войны, как-будто из них вытягивали эти страшные воспоминания. Да, наверное, они и не хотели поведывать нам, детям всю суровость и жестокость войны. А «газетный героизм» им был не по душе, ведь они были «рядовыми» войны, а не журналистами.

Помнится, что многие из них долгие годы ходили в военной форме без погон. И не из бравады или щегольства какого-то. А просто в тяжёлое послевоенное время люди жили бедно, и у многих действительно это была лучшая или даже единственная одежда.

Особых знаков внимания, льгот и почёта они не получали, да они этого и не требовали и даже стеснялись всего подобного. Главной наградой для них, по-видимому, было то, что они **пришли с войны живыми!** Более точно эти их чувства выразил поэт-фронтовик Александр Трифонович Твардовский, сказав: «...Я знаю, никакой моей вины в том, что другие не пришли с войны, ...»¹.

¹ Твардовский А.Т. Василий Тёркин. Тёркин на том свете. Стихотворения. – М.: Изд-во ЭКСМО, 2004. – С. 336.

И только время постепенно залечивало глубокие раны войны.

...9 мая 1982 года в Центральном Парке имени М. Горького в Москве мы с родителями, приехавшими к Первомайским праздникам к нам в гости из г. Борзи, нашли адрес и телефоны однополчан отца. И уже на следующий день у нас дома, в московской квартире, сидели рядом и пели свою фронтовую песню командиры двух сапёрных взводов третьего батальона первой ударной штурмовой комсомольской Резерва Верховного Главнокомандования инженерно-сапёрной бригады – первого – мой отец, Воронов Василий Георгиевич и третьего – Малько Михаил Николаевич.

– «Закури, дорогой, закури.

Ты сегодня до самой зари

Не приляжешь, уйдёшь ты опять

В ночь глухую врага штурмовать...».

Оказывается, после тяжёлого ранения, отца многие однополчане посчитали погибшим. И когда в 1965 году вышла

книга «Боевая комсомольская» об их инженерно-сапёрной бригаде, то, кто из живых участников тех событий что вспомнил, то в ней и написали. А об отце – ни строчки. Потом уже, когда после этой встречи нашли эту толстую книгу и он её «проштудировал», то написал авторам свои дополнения. Однако, второе издание книги осуществить так и не удалось.

Но зато были: замечательные встречи в Москве и на Азовском море, где собирались ветераны бригады, награды и приветствия ЦК ВЛКСМ, проникновенные и тёплые письма. Пусть всё это было с опозданием на целых тридцать восемь лет – но, к счастью, это всё произошло.

Уже позже, я вспомнил, что ещё в студенческие годы эта книга «Боевая комсомольская» попадалась мне на глаза на книжных полках и в библиотеке военной кафедры института, где нас учили тоже на командиров сапёрных взводов. Но как-то я не смог и даже не посмел связать её и воспоминания отца вместе. Так мало он тогда рассказывал о войне. Да и некогда им было это делать – надо было трудиться,

восстанавливать страну и экономику, ставить на ноги детей, создавать материальную базу для «светлого будущего»...

Просматриваю в очередной раз старые фотографии со встреч отца и его однополчан, читаю его записи и воспоминания, газетные вырезки о нём, дневники его фронтового товарища и письма-треугольники с фронта с отметкой полевой почты, припоминаю вообще всё слышанное о войне от отца, мамы, бабушки, дяди Марка, воевавшего на Карельском фронте, дяди Тимы, прошедшего войну от лейтенанта до капитана-командира стрелкового батальона и недавно приезжавшего в Москву на 60-летие Парада Победы, от многих других людей и воевавших, и работавших в тылу на трудовом фронте, и бывших в плену и в оккупации... – и думаю, думаю, думаю...

Праздник Победы вначале отмечали сами победители. Затем подросли мы – дети победителей – и стали отмечать праздник вместе с ними. Теперь, к сожалению, всё чаще и чаще мы отмечаем этот праздник уже без них – без самих победителей. Но нам надо не забывать эту прекрасную традицию и необходимо беречь и хранить светлую память об этой Великой Победе.

Да, непомерно велика цена Победы! И хочется верить и надеяться, что никаким силам не удастся одолеть наш народ и наших людей, которые вынесли неимоверные муки, тяготы и лишения ради жизни грядущих поколений!...

Май-июнь 2005 г., Москва-Поваровка

ЗАТЯГИВАЕМОЕ РАССТАВАНИЕ

Зимой мы только и ждём, как бы скорее поехать в Пустошку, к ставшими нам своими людям, пчёлам, полям, лесам и лугам.

Получив к Новому году очередное письмо из Пустошки от Лидии Филимоновны и Зинаиды Павловны, наших соседок по деревне, читаю, что «...всё замело по самые окна, а дорогу в деревню теперь никто не расчищает, и автолавка с товарами и продуктами не ездит...». Тоскливо!

Представляю, как они, наши соседки, ходят по очереди в гости друг к другу, протаптывая редкую стежку в глубоком снегу, топят печки, носят из колодца воду, ухаживают за скотом, курицами, собакой, кошками. И так проходит день, затем месяц, ещё и ещё месяц... Но вот уже солнце стало светить по-весеннему, побежали ручьи, пора выносить наших пчёл из холодного сарая на свежий воздух и на солнышко. ...А вот и мы снова едем своей «колхозно-городской бригадой», и жизнь в Пустошке становится снова интереснее и веселее...

Всё началось с покупки дома в 1992 году, после «обвала всего и вся». Вообще-то о даче или доме в деревне мы с женой мечтали давно, сразу же после переезда в Москву. Но пока была возможность в отпуск ездить летом в са-

наторий – решение этой проблемы отодвигалось и отодвигалось.

Настало время решать и её. После долгих поисков нам удалось купить старенький дом в деревне, но так далеко, что было даже неудобно об этом говорить своим знакомым – за триста километров от Москвы, в Тверской области.

Для нас в то время и это было хорошо! И мы, не жалея сил, принялись ремонтировать, обустраивать и строить, разводить огород, сажать картошку и делать другие деревенские дела.

Поскольку всем этим после детства, во время жизни по разным городам, нам заниматься не приходилось, то, соскучившись по деревенской работе, мы с энтузиазмом делали всё. И всё это напоминало детские годы.

Проснувшись под песню соседского петуха и выйдя на крыльцо, я глазами искал горы и сопки. У нас, в забайкальской деревне Черемхово они с одной стороны дома были почти рядом (деревня стояла вдоль склонов этих гор и сопки), а если взглянуть по другую сторону дома, то горы синели вдали, за рекой и её долиной.

Здесь же в Пустошке, на тверской, как говорят, исконно русской земле, гор никогда и не было.

Эту аналогию с Черемхово ловил и ловлю в Пустошке постоянно. Мама даже однажды сказала, что мы и дом-то там, наверное, купили из-за тоски по родной деревне. Может быть и так, поскольку деревенский быт и труд нам всем в радость.

В Пустошке мы усиленно занялись «сельскохозяйственными работами». Будто какой-то долг чувствовали перед нашей деревней. Конечно, деревня была у каждого из нас своя. Та, которую мы в своё время оставили и переехали в город. Несомненно, что в городе жить комфортнее, да и перспективнее в любом смысле слова, чем в деревне. Но где-то в глубине души всё равно стыдно и жалко, что как бы

предали деревню, совершили своего рода бегство от тяжёлого деревенского труда и деревенских условий жизни. Погнались за получением образования и за цивилизацией. А цивилизация отплачивает теперь нам другим «товаром» – ухудшением здоровья, нервным истощением, утратой духовных и нравственных ценностей и многими, многими другими нехорошими «штуковинами».

Работая на своём приусадебном участке, ощущаешь себя как бы хозяином земли, землепашцем, от усилий которого зависит не только благополучие твоей семьи, деревни, но и страны в целом.

Поначалу соседи по деревне присматривались к нам, как, мол, городские себя покажут в труде на земле, не лодыри ли? Но вскоре все убедились, что большинство деревенских дел для нас было ранее знакомо. А чего не знали, то не стыдились спрашивать и осваивать.

С первого лета в Пустошке мы развернулись почти как колхозная бригада. И земля, будучи несколько лет заброшенная и в то же время отдохнувшая, да ещё хорошо удобренная навозом, дала прекрасный урожай.

Посадили немало картошки и собрали её осенью почти восемьдесят мешков. Не знали, куда девать – раздавали всем вплоть до следующего лета. Вырастили огурцы, помидоры и много других овощей и ягод. Собирали в лесу чернику, малину и насолили грибов.

Кроме этого, сделали ремонт дома и сарая, обустроили усадьбу, построили баню и теплицу. Большую помощь в этом нам оказывали многие наши новые односельчане.

В первые «дачные» сезоны в Пустошке, вокруг

дома всюду гудели трактора и кипела работа: пахали поля, сеяли и убирали овёс, рожь и лён, скатывали в валки сено, заготавливали силос, паслось стадо телят. Ранним утром в ярких лучах солнца мы часто любовались голубым полем льна. И весь ритм совхозных сельскохозяйственных работ неожиданно передавался и нам.

Совхозные руководители – Артемьев Александр Николаевич и Дёмин Владимир Владимирович всячески подталкивали нас на выращивание поросят и телят. Были ещё предложения по выращиванию кур, уток и разведению рыбы в пруду.

В Пустошке мы приобрели свой сепаратор и «гнали» на нём сливки. Молоко покупали у соседей – первые годы коров в деревне было ещё достаточно. Попросили у соседей даже маслобойку – ёмкость для сбивания масла. И получили настоящее, пахнущее коровой, а не всякими там добавками и консервантами деревенское сливочное масло.

Так что особенно отдыхать было некогда. Да и деревенский труд после стольких лет «городского отдыха» шёл как-то «в охотку».

Но год за годом стали понимать, что замахнулись на слишком уж большие, да и ненужные по численности нашей семьи объёмы работ.

Стали понемногу убавлять темпы. При этом оглядывались на деревенских – как бы не застыдили и не назвали лентяями, которых много сейчас стало празднично прохлаждаться в деревнях и на дачах. А соседи по деревне сами глядели на наш труд и думали: «Неужто они себе в городе не

заработают на эту же самую картошку и другие, с таким трудом выращиваемые, да ещё на такое большое расстояние перевозимые, овощи?»

Особенно долго тянулось с уменьшением «посевных площадей» под картошку. В первый год посадили её больше десяти соток. На другой год трактористы припахали ещё от луга несколько соток. Копали картофель картофелекопалкой, предварительно скосив и собрав прижухлую, а иногда, в некоторые годы, ещё и зелёную ботву. Соседи по деревне тоже помогали собирать в «гурт» картофель после того, как картофелекопалка высыпала по всему полю сверкающую и крупную картошку. Затем шла подсушка её на солнце, отбор на семена, на «еду», «соседским пороссятам» и т.п. Ссыпали в мешки, укрывали часть на зиму в подполье, увозили на тележке-прицепе в Москву, спускали в подвал гаража. Как-то подсчитали, что каждая картофелина, чтобы попасть к нам на стол, проходила через наши руки, наверное, более десяти раз. А съедали мы за зиму всего пять-шесть мешков. Остальное раздавали, и так вот весь урожай и наши труды «расходились».

Под ежегодной критикой жены, постепенно уменьшали «картофельный клин» и довели его до нескольких рядков около дома.

Всё это время как и у многих деревенских, надо мной подспудно висело утверждение: «И на одной картошке в трудную зиму как-нибудь да проживём...». И вообще картошка действительно сидит в наших головах с детства, как свидетельство благополучия деревенского дома и основной, как и хлеб, продукт питания.

Поэтому каждый год на каком-то подсознательном чувстве мы с упорством всё выращивали и выращивали такое большое количество картофеля.

Позднее, во время очередной поездки в Японию, я узнал, что у японских императоров тоже имеется подобная тради-

ция. Когда-то Японию постиг страшный голод. И после этого все, в том числе и императорская семья, стали в обязательном порядке выращивать определённое количество риса. И даже сегодня в такой богатой Японии император ежегодно выращивает несколько «чеков» риса, следуя этой доброй традиции и помня, что рис является основным продуктом питания японцев...

Так и мы всё никак не могли расстаться с картошкой в Пустошке.

Но Пустошка для нас – не только добровольный «каторжный» труд. Это и прекрасные дни отдыха, походы за грибами, орехами и ягодами, поездки на рыбалку, купания в речке и многое, многое другое.

Незабываемы встречи у нас за столом с нашими соседями и друзьями. Эти разговоры и пение народных песен мы часто включаем на видеокассете тихими зимними вечерами в Москве.

А какими письмами и поздравлениями мы обмениваемся! Не каждый родственник сегодня так пишет другому, как это получается у нас. Потому что всё это идёт из глубины души и сердца, всё это является частью нашей повседневной жизни.

...Вместе с домом, как бы «в наследство», нам достались несколько ульев пчёл. Поначалу, вынеся их из помещения, мы думали, что они «погибшие», то есть не выдержавшие зимовку.

Однако несколько позже, пробегая мимо них в горячие для нас «денёчки» по ремонту дома и освоению участка, заметили активность пчёл возле ульев. С помощью соседней собрали из оставшихся рамок две пчелиные семьи и к концу августа накачали аж восемь литров мёда. Радости не было предела – свой мёд! И хотя пять литров оставили на подкормку пчёл весной, но зато оставшимися тремя литрами мёда угощали себя, гостей, и даже родителям в Иркутск пе-

реправили маленькую баночку «своего мёда».

Вообще-то никогда в жизни я и не думал, что стану **пчеловодом**.

В детстве, когда с родителями и бабушкой мы с братьями жили в далёком забайкальском селе, про пчеловодство я только слышал, как говорят, краем уха.

Мама во время поездки в районный центр покупала раз в год у дочери одного пчеловода трёхлитровую банку мёда. Этот мёд берегли как «зеницу ока» и использовали только для лечения при простуде и гриппе. С этих пор в моё сознание запало уважение к мёду. Несколько позже в магазинах стали появляться небольшие баночки мёда «таёжного» или «лесного». Он всегда в отличие от мёда из трёхлитровой банки был жидким и казался, а может и на самом деле был, не очень натуральным.

Помню также, что у нас в школе, на чердаке, откуда-то взялись сотовые рамки с остатками воска на них. А кто-то из ребят постарше сказал, что его полезно жевать. И мы соскабливали кусочки этого старого воска с рамок и жевали. Нам это не очень нравилось, но раз говорили, что это полезно, значит надо было жевать!

Когда от своих пчёл и не сразу, а только через несколько лет, стал жевать сотовый мёд – вспомнил вкус того забайкальского воска. И понял, что, конечно, тот воск был, по-видимому, очень старый, без мёда, и оттого не такой вкусный.

Главным советчиком, консультантом и помощником по «пчелиным делам» была Дарья Афанасьевна Иванова, соседка – «старейшина» дерев-

ни, тоже державшая пчёл. Долго и много раз она твердила мне: «Васильич, займись пчёлами – это дело мужское». Но таких мужских дел у нас тогда было, как говорят, «хоть пруд пруди», а времени на всё не хватало.

Поскольку же пчёлы уже стояли во дворе, то пришлось нам с женой Ларисой заняться и ими. Бегло прочитал и пролистал любезно предложенные Дарьей Афанасьевной книги о пчёлах. А больше старался слушать и запоминать всё, что она говорила и рассказывала о них. Оказалось, что это целый мир, незнакомый до этого мне!

Главную заповедь пчеловода усвоил быстро – терпеть укусы пчёл и привыкать к этому. Так что с укусами пчёл ходили не только я, но и все мои члены семьи. Несмотря на это, они активно помогали – сшили сетки, натягивали проволоку в рамки и вощину, готовили гнилушки для дымаря, крутили медогонку, и тому подобное. Соседи помогли в первый год с пчеловодческим инвентарём.

В конце сентября укрыли пчёл в сарае различными тёплыми дорожками и мешками. Но, к сожалению, когда в конце марта специально ради пчёл приехали, то обнаружили, что они не смогли перезимовать... Что с ними случилось, мы так и не определили – опыта было ещё маловато.

Решили всё же это дело продолжить. И жена в павильоне «Пчеловодство» на ВДНХ приобрела несколько пакетов пчёл, привезённых с юга. Доставили их в Пустошку и, как написано в книгах, разместили в ульях. Но лето было очень дождливое, да к тому же позднее обнаружили, что в ульях отсутствуют матки или они погибли по каким-либо причинам.

Жена договорилась и приобрела, там же на ВДНХ, коробочки с матками. Опять же строго по советам из книг посадили маток к пчёлам. Но в дождливое лето пчёлы так и не смогли достаточно развиваться. О мёде для себя мы и не мечтали. Подкормили их сахарным сиропом, а они снова не смогли перезимовать...

На следующую весну решили купить целый улей с пчёлами в соседней деревне Рогалёво. Привезли его поздно, к ночи. Выставили из машины, закрыли летки, «всё как учили» и как написано в книгах. А к обеду открыли летки и дали им возможность начать жить у нас около дома.

За лето Валентина Ивановна Корнилова и Иннокентий Михайлович Крылов, мои тёща и тесть, которые каждую весну переселялись из г. Железнодорожного в Пустошку, сумели поймать вылетевший из улья рой. Стало уже две пчелиных семьи. Они нам дали немного мёда, успешно прозимовали, а весной стали снова развиваться.

К ним прикупили ещё один улей с пчёлами там же, в деревне Рогалёво. А к концу следующего лета у нас уже было пять пчелиных семей – рои продолжали вылетать, а тесть и тёща их ловили. Так что работы хватало всем.

С этого времени пчёлами стали заниматься все, в том числе и сын Владислав, всё более и более основательно осваивая новые тонкости этого сложного дела. Приобретали и читали книги о пчёлах, выискивали статьи о пчеловодстве в разных журналах и газетах, сделали «фирменную» этикетку для наклеивания на банки с мёдом – «презенты». Даже вручали родственникам, друзьям и коллегам банки с этикетками забруса, т.е. восковых крышечек с запечатанных сот, которые очень помогают при заболеваниях горла.

Возникли свои традиции. Так мёд старались откачивать только зрелый – запечатанный. Делали это два раза: в июле и в конце августа – после медового спаса. Обычно это совпадало с днём рождения мамы. Так что, заочно поздравляя её, радовались очередному, уже нового сезона, успешному «медогону» и «благодарили пчёлку и всех, кто им помогал в их тяжёлом труде».

Появилась определённая гордость от причастности к профессии пчеловода. Ведь ещё с древности и мёд, и воск, и пасека были в почёте на Руси. И как приятно ощущать

свою причастность к этому благородному делу и угощать мёдом со своей, пусть хоть и всего в несколько ульев, пасеки. С радостью помогая людям при лечении каких-либо болезней, неустанно повторяем, что мёд – сам по себе уже достаточно эф-

фективное лекарственное средство. Своих родственников в Иркутске, Шелехове и Краснокаменске (Читинской области) мы тоже «снабжали» нашим мёдом.

Бывало, конечно, всякое: болезненные укусы пчёл, недовольство соседей, которых беспокоили наши пчёлы, простая человеческая зависть, что у нас, городских это получилось, а у кого-то – нет... Появлялось порою даже желание отказаться от пчёл и отдать их кому-нибудь...

Правда, никто брать пчёл не хотел. Возникающие напряжённые отношения как-то постепенно урегулировались, и наши занятия пчеловодством снова продолжались. А Дарья Афанасьевна всячески поддерживала наши, ею самой инспирированные, пчеловодческие заботы и постоянно говорила всем, что укусы пчёл только на пользу человеку и его здоровью.

...Переломным моментом явилась постройка нашей дачи в Подмосковье. Тесть и тёща не стали каждое лето ездить в Пустошку, а поселились в Поваровке. Пришлось решать, что делать с пчёлами.

Неожиданно Лыкашевы – Лидия Филимоновна и Зинаида Павловна (жёны двух братьев), наши оставшиеся немногочисленные соседи по деревне, согласились помогать в наше отсутствие ловить вышедшие рои. Хотя и своей работы у этих неутомимых тружениц хватало.

Так что расставаться с пчёлами не пришлось. Мы с женой, по-прежнему, периодически, начиная с весны и до осени, приезжали и «обрабатывали» ульи пчёл, то есть делали, как и прежде, всю необходимую для них и для нас работу. А наши работающие соседки, которым исполнилось уже по семьдесят лет, стерегли и ловили рои в мае-июне. И как мы не старались с женой каждый свой приезд вырывать в ульях маточки, роёв было немало.

Ловить их нашим добрым соседкам где только не приходилось: и на рябине, и на высокой осине, которую позднее спилили, и на заборах, и на черёмухе, и с помощью лестницы, и с помощью шеста, и подтащив целиком улей, и в бачок, и в роеню – как уж получалось.

Всё это в подробностях выслушивалось нами при очередном приезде, а в закоулках ума появлялись даже мысли: может пчёлы сами как-то изроятся, всё «рассосётся», и как будет – так и будет.

Каждую весну, слушая по телефону рассказ Владимира Владимировича о выносе пчёл из сарая, спрашивал: «Сколько живых пчелиных семей?». Однажды он сказал, что из шести семей пчёл осталось только две. Было очень досадно. Но с другой стороны думалось, что будет облегчение труда наших соседок, да и нашего тоже. Ведь за двумя ульями гораздо легче ухаживать, чем за шестью или восьмью!

Однако не тут-то было! В ближайшие же месяцы с помощью пойманных соседками роёв количество ульев на на-

шей пасеке было снова восстановлено до шести. Пчёлы никак не хотели нас отпускать. Да и соседки наши понимали, что мы теперь уж ездим в Пустошку – на такое дальнейшее расстояние, исключительно из-за пчёл. А им, наверное, тоже хотелось, чтобы мы не расставались с Пустошкой!

Как я их не успокаивал и не говорил, что сколько роёв поймаете, столько и хватит, что если и улетел рой, то и пусть летит – нам хватит тех пчёл, которые останутся на нашей теперь уже совместной с соседями пасеке.

При этом следует заметить, что несколько ульев за эти годы мы ещё перевезли на дачу в Поваровку, где тоже образовали небольшую пасеку. И всё равно пчёлы развивались и развивались, полей и лугов им хватало, соседки наши продолжали и продолжали ловить рои, я их за это благодарил и благодарил, и наше расставание с Пустошкой всё затягивалось и затягивалось.

Пчёлы словно чуяли все эти наши настроения. Они не отпускали нас, удерживали тем, что было необходимо приехать их «обрабатывать». Они, спасая себя, свои пчелиные семьи, спасали и нашу пусть небольшую, но пасеку. Они являлись как бы одной из главных связующих нас с Пустошкой нитей.

...Начало одного лета было очень холодное и дождливое. Пчёлы не имели возможности летать за нектаром, мешали частые дожди и непогода. Они сильно роились. Было много роёв. Не всё шло гладко с их ловлей, было много укусов и тяжёлого труда. И мои прекрасные соседки по деревне сказали: «Всё, Васильевич! Сил наших становится, к сожалению, всё меньше. На нас – старых «кочерг» – на будущее лето в ловле роёв не рассчитывай. Мы помогали, как могли. Теперь думай сам, что делать с пчёлами. Жалко, но не обессудь...».

Всю зиму я то и дело прикидывал, что делать, кому передать пчёл. Уговаривал Дёмина В.В. заняться пчело-

водством – ведь может быть выгодное дело. Тем более не на пустом месте – восемь пчелосемей, хороший инвентарь и прекрасные медоносные поля и луга. Никак не уговорил!

Продать. Кому? Как выяснилось, в районной газете полно таких объявлений.

Выручила Татьяна Николаевна Герасименко. В предыдущие годы она уже раза два жила с нами летом в Пустошке, помогала и с пчёлами. Она вызвалась вновь пожить там, но теперь уже одна, без нас, но, естественно, с нашими периодическими приездами и помощью.

Вот уже два лета она живёт в Пустошке, занимается вместе с нашими соседками пчёлами, огородом, грибами и ягодами. Освоила многие премудрости пчеловодства, искусно ловит рои и даже умудряется разделить каждый рой на несколько частей с тем, чтобы добиваться равного усиления всех пчелосемей на пасеке.

Она ведёт дневник, который я назвал «Дневник восторгов души начинающего пчеловода».

...А пчёлы и Пустошка продолжают жить. И мы, по-прежнему, ездим туда, правда, теперь уже более эпизодически. Сейчас мы уже помогаем Татьяне Николаевне в работе с пчёлами и навещаем ставшую такой родной за эти годы Пустошку и её прекрасных жителей.

Затянувшееся расставание продолжается...

Очень жалко, что поля вокруг Пустошки и других близлежащих деревень всё больше и больше зарастают березня-

ком и осинником, и на них мы уже собираем грибы. Совхоз на центральной усадьбе почти совсем развалился. Из пяти скотоводческих ферм у них лишь в одной осталось несколько десятков коров. Посевные площади убавились в пятнадцать раз по сравнению с советским временем.

В нашей Пустошке не осталось ни одной коровы и всего пять человек постоянных жителей. И только пчёлам раздолье: на заросших полях и лугах цветёт огромное количество медоносных сорняков и других растений, с которых они неустанно носят и носят нектар...

Теперь, как бы вновь, уже не в юности, а взрослыми людьми, мы расстаёмся с деревней, со всем тем, что стало снова родным и близким, как в детстве.

Понимая необходимость этого и чувствуя неотвратимость происходящего, мы всё отодвигаем и отодвигаем этот момент расставания, используя подсознательно различные, порою даже почти «детские» поводы и причины.

И пусть это **затягиваемое расставание** продолжится и в жизни, и в сердце, и в душе каждого из нас. Оно даёт нам дополнительный шанс, вселяет надежду, согревает своим деревенским теплом, светом, самобытностью, народной мудростью, а главное, духовностью и осмысленностью всего происходящего на свете.

1992–2005 гг.

Москва–Пустошка–Поваровка

САМОЕ ЛУЧШЕЕ ВРЕМЯ...

Самое лучшее время – вечер в пятницу. Приезжаешь на дачу после нелёгкой и, как правило, нервной и напряжённой недельной работы. Вдохнёшь прекрасного свежего чистого воздуха и будто напьёшься воды из

деревенского родника. Ощущаешь прилив сил. А всё, что тяготило и давило всю неделю, уходит куда-то вдаль. И важность всего этого всё меркнет и меркнет по сравнению с целым мирозданием – прекрасной природой.

Тишина после постоянного московского шума обволакивает тебя, заставляет успокоиться и перейти на совершенно другой ритм – более плавный и размеренный.

В таком ритме, как я заметил, живут люди в деревнях, небольших посёлках и городах – в глубинке.

И только в Москве мы всё бежим, бежим и бежим – спешим, спешим и спешим!..

... А вот я уже слышу пение птиц, шелест листвы и вижу закат над тихим прудом.

Вся эта благодать начинает проникать и в меня. Я становлюсь или хочу стать частью или хотя бы частицей этой благодати. Мне хочется быть чище и лучше. Мне уже даже хочется всех любить. А главное – впереди у меня целых два выходных дня этой благодати!

Самое лучшее время – суббота на даче. Самочувствие после сна на свежем воздухе прекрасное. О московских делах и работе уже всё или почти всё забыто. Хочется поработать с пчёлами или в саду, хочется искупаться в пруду и хо-

чется попариться в простой деревенской баньке. И всё это теперь возможно – поскольку в предыдущие годы в строительство и обустройство дачи было вложено столько сил и нервов! Так что не грех и немного отдохнуть – попользоваться созданными для себя и близких жизненными благами и удобствами!

...Запах топящейся бани разносится повсюду. Дым из трубы идёт строго вверх – значит, по народной примете, к хорошей и ясной погоде !

Баня сложена из осиновых брёвен. И хотя они в первые же недели после постройки потемнели, но банный запах дают настоящий, деревенский.

Топка бани – целое искусство. Лучше, если дрова берёзовые – от них дух в бане хороший и жар большой.

Кружка охлаждённого в тазике с холодной водой пива и размеренный разговор в предбаннике – тоже неперенные атрибуты «банной процедуры».

После такой бани как бы заново рождаешься и светлеешь душой.

И никаких тебе забот и срочных дел.

Только покой и тихий ужин со своими домашними – близкими тебе людьми.

Душа и тело отдыхают и наполняются благодатью...

Самое лучшее время – когда все живы и здоровы. И надо радоваться этим прекрасным мгновениям жизни... Кстати, отдельные мгновения – на фотографиях в книге...

Вот нынче к нам из Иркутска, через восемнадцать лет после своей предыдущей поездки в Москву ещё вместе с от-

цом, приехала мама. Долго не решалась, но «поддалась» нашим уговорам – и вот мы уже встречаем её, брата и жену брата в аэропорту Домодедово.

Мо-лод-цы! Молодцы, что приехали. И вместе мы провели хоть и немного, но десять незабываемых дней. Это были долгожданные встречи. И уже не в Иркутске, не на Байкале, а у нас в Поваровке и Москве.

Неспешные разговоры, воспоминания, обмен впечатлениями об увиденном и услышанном. А главное, что мы вновь, как и прежде, были вместе, правда, в другом составе... Вместе отметили день рождения мамы, впервые у нас в Подмоскovie. Вместе объездили немало интересных мест в Москве и вокруг неё, побывали даже в верховьях Волги, на тверской земле. Нашли в Кремле берёзку, а скорее берёзы, поскольку их там несколько, недалеко от Спасской башни, о которой в 1966 г. так проникновенно написал любимый всеми нами А.Т. Твардовский.

И радость встреч и общения вселяют новые надежды и прибавляют желания жить и жить, и делать добро!

Самое лучшее время – когда работаешь с пчёлами.

Мне и мысль раньше не приходила об увлечении пчёлами. Но вот по воле случая, а может быть так и должно было быть по судьбе, по жизни – мы стали с женой заниматься пчеловодством.

Теперь, как бы иногда трудно не было с пчёлами работать, они доставляют нам радость и осознание своей приобретенности к их такой чудесной деятельности.

Когда наблюдаешь за ними, то замечаешь величайшую организованность и целеустремлённость действий каждой пчелы.

Вот эта пчела стремительно вылетела из летка улья в поисках нектара. Она с большой скоростью улетает в определённом направлении в известное ей место, где имеются медоносные цветы.

Другая пчела тяжело, как самолёт-бомбовоз, приземляется на леток, ползёт по нему и спешит внутрь улья, чтобы «слить» или «сдать» набранный где-то нектар и другие, необходимые для приготовления мёда в их пчелиной лаборатории, вещества.

У этой пчелы на её мохнатых лапках собрано большое количество пыльцы с разных растений и цветов, так называемая обножка. Теперь, добавив к этой пыльце свои ферменты и различные минеральные вещества, пчёлы приготовят пергу – корм для деток и молодых пчёл, который в несколько раз ускоряет их рост.

Эта пчела – сторож или охранник у входа в улей. Она вместе с другими такими же сторожами зорко следит, чтобы в улей не залетела оса, шмель или чужая пчела (не из своего улья). При этом чужую пчелу опознают по какому-то признаку «свой-чужой», по-видимому, по запаху своей пчелиной семьи. Он у разных пчелосемей – разный, также, как у людей и животных.

Многих других пчёл мы не видим у летка. Их можно уви-

деть лишь разбирая улей. Естественно, при этом мы их тревожим, и они все или большинство их становятся защитниками своего дома-жилища.

Но если проявить аккуратность при осмотре улья, то можно увидеть многое. Вот пчёлы до блеска чистят ячейки сот – готовят их для посева туда яиц маткой. Она ведь не только проверяет чистоту ячеек, но и ежедневно сеет до тысячи яиц (в сильных семьях).

На полу улья пчёлы-уборщицы всеми силами стараются выкатить через леток наружу жёлтые цилиндрики размером чуть ли не в половину их самих. Это они убирают теперь уже не нужную им, затверде-

вшую, прошлогоднюю пергу, которую они с большим трудом вытащили из ячеек сот.

А эти пчёлочки часто машут крыльями и создают подобно вертолёту поток воздуха. Так они выпаривают из незрелого мёда, уже уложенного в ячейки сот, излишнюю воду...

Такие наблюдения можно вести бесконечно. И всякий раз находишь в жизнедеятельности пчёл что-то новое, доселе не виданное, но такое прекрасное своей созидательностью и неутомимостью.

Самое лучшее время – работа в деревне. Вообще-то, деревенская работа трудна и утомительна. Недаром же столько людей от неё уехало в города. И очень редкий городс-

кой житель хочет снова вернуться в деревню и работать там с утра и до позднего вечера.

Но совсем другое дело, если ты в отпуске и в деревне, да ещё никто – ни ты сам, ни кто другой – не ставят тебе задание – сделай столько-то и столько. Тогда совсем другое дело – всё делается «в охотку» и не спеша.

Припоминается всё лучшее из детства. Трудности и проблемы жизни в деревне не вспоминаются, а вот хорошее помнится...

Как в детстве берёшь косу, оселок и идёшь... Нет, не в луг и не в лес, как в детстве, косить небольшие поляны и неудобья вокруг полей. А выходишь за калитку своего дома в деревне – коси вдоль улицы, вся она заросла травой по пояс. Или коси вдоль огородов: тоже травы вдоволь, хватит не на одну корову.

Вот коров-то в деревне уже почти не осталось. Только у Виктора Ивановича Лыкашева с этой стороны деревни, да у Валентины Кузнецовой с той стороны, за речкой.

...Приятно, когда коса по росе косит хорошо. Покос ложится ровно и объёмно. Уж большая и густая нынче трава. Прошёл десять-двенадцать метров – достаёшь оселок, вытираешь травой полотно косы-литовки, как у нас её называли в Забайкалье, и точишь по очереди с одной и другой стороны. Отдыхаешь, переводишь дух. Ведь нам – городским такая физическая работа не под силу. Здесь меру знать нужно. Да и охотку отбивать не надо сразу. А то после одного-двух прокосов больше и не захочется косить. Ведь себе сено не нужно – всё это отдаётся соседям по деревне. Жалко, что столько

травы, прекраснейшего корма для коров, пропадает зря!

...Когда Виктор Иванович сгребаёт сено в копны, вызываюся ему помочь. В коллективе в деревне всегда интереснее и азартнее работается. Можно перемолвиться словом. Вместе попить холодной воды из родника, бьющего в кустах, рядом с покосом.

А вот уж стоговать-то сено надо действительно только коллективом – хотя бы втроём или вчетвером.

И как приятно видеть плоды своего труда: стоящие на скошенных и чисто убранных покосах копёшки и стожки заготовленного на зиму такого зелёного и душистого сена...

А ещё **самое лучшее время** – неспешный сбор грибов, а ещё **самое лучшее время** – прогулка по солнечному осеннему лесу с тихим шуршанием опавших листьев, а ещё **самое лучшее время** – катание на лыжах по свежей пороше, а ещё..., а ещё..., а ещё...

И замечательно, что живя, мы можем восхищаться такими приятными и бесконечно дорогими минутами, часами и днями нашей жизни.

Пустошка–Москва–Поваровка

1997–2005 гг.

ОХОТНИЧЬЯ СТРАСТЬ

Иногда случается, что, идя на лыжах по подмосковному лесу в Поваровке или собирая грибы в Пустошке, вдруг слышишь, как где-то рядом из кустов с шумом и трепыханием крыльев взлетает крупная птица.

Это трепыхание крыльев возможной охотничьей добычи ни с чем невозможно спутать.

Сердце твоё при этом вначале как бы обрывается и замирает, а затем начинает трепыхаться, как крылья взлетевшей птицы, и учащённо колотиться от неожиданно нахлынувшего охотничьего азарта.

Так в детстве, иногда прямо из снега, в который они зарывались в холодные ночи, взлетали у нас почти из-под ног косачи, тетёрки и рябчики.

Они садились на деревья, а при нашем приближении улетали куда-нибудь дальше, в другой облюбованный ими уголок бескрайней забайкальской тайги. Чаще всего туда, где можно было им добыть замёрзшую бруснику, какую-нибудь другую ягоду или берёзовые почки.

Мой брат даже сделал самодельный арбалет со стрелами для охоты на косачей. Однако ни разу эти чуткие птицы не подпустили нас на расстояние меткого выстрела из этого арбалета.

И даже позже, когда родители купили нам настоящее охотничье ружьё – предмет наших мечтаний, приблизиться к косачам на уверенный выстрел было очень непросто.

Уже будучи студентом, я приезжал к родителям в город Борзю, и мы ездили с отцом и братьями на утиную охоту.

Охотничьему восторгу не было предела, хотя побегать и попотеть за каждой добытой уткой приходилось изрядно.

Вот так и охотники-промысловики, как их зовут в наших таёжных забайкальских сёлах, подолгу, иногда по пояс в снегу десятки километров идут с собакой-лайкой по следу

красавца-соболя. Хорошо, если всё это заканчивается успешно, и, вернувшись в зимовьё, им можно с удовлетворением хлебнуть из котелка крепкого «наваристого» чая...

Тот, кто знает это не понаслышке, способен воистину оценить и уважать тяжелейший труд, страсть и азарт настоящего охотника.

ЗАДЕРЖАВШАЯСЯ ОСЕНЬ

В

этот год зима как бы не торопилась наступать. Очень долго по сравнению с ранешними годами стояла осень. Достаточно тёплая. Даже в первых числах ноября ещё собирали грибы. Заморозков было мало. Цветы радовали глаз своей красотой. Трава не была ещё пожухлой. Газоны и лужайки зеленели под лучами осеннего солнца. Часто выдавались ясные, солнечные дни. Небо было голубое и бесконечно глубокое. Вода в пруду стояла светлая и прозрачная. На большой глубине были видны камешки, песчинки и редкие, уже не такие шустрые, как летом, мелкие рыбёшки. Листва с деревьев облетала медленно, как бы неохотно. Лес постепенно оголялся и сквозь него всё дальше и дальше были видны луга и поля.

По деревьям быстро бегали и прыгали белочки, выглядевшие такими совершенными созданиями природы, что взгляд было невозможно оторвать от них. Перескакивая с ветки на ветку, прячась друг от друга за стволами елей, играя и поддразнивая, они создавали такой дух жизни и активной деятельности, что ни о каком погружении в зимнюю спячку не могло быть и речи.

Пчёлы также чувствовали затяжную и тёплую осень. В сентябре у них неоднократно выходила детка. Они активно летали, используя каждый день или да-

же часть дня при хорошей погоде. Несли в свои улья пыльцу и с трудом найденный и добытый при малом количестве цветов нектар.

Внутри улья они замазывали прополисом все щелки и отверстия, готовясь к суровой зиме. В холодные ночи собирались в «клуб», но днём с потеплением и солнечными лучами вновь устремлялись на волю в поисках необходимых запасов.

Но вот уже оголились стройные берёзы. Под ногами, в лесу всё шумнее стал ворох листвы, такой разноцветной и яркой, что отыскать среди неё какой-либо гриб становилось всё труднее. А летом, поскольку оно было жарким, грибов не было совсем. И, как бы компенсируя это, они стали появляться после редких даже и осенью дождей.

Конечно, и по количеству и видам сбор грибов был не только «не очень», а даже «очень слабым». Но грибников радовало и это. Ведь каждый гриб доставляет такую ма-

ленькую тихую радость, которую не заменишь ничем другим.

Несколько раз доходило до мокрого снега. Дня два он даже покрывал землю, но при очередном потеплении быстро таял, и осень продолжалась...

И почти как у великого Александра Сергеевича Пушкина в пятой главе его романа в стихах «Евгений Онегин» «Снег выпал только в январе...»¹ – снег выпал в декабре и уже надолго – на всю зиму...

Снег шёл тихо. Снежинка за снежинкой почти вертикально опускалась с неба. Ветра не было. Снег ровно-ровно покрывал всю землю пушистым покрывалом и на его белом фоне ещё ярче и выразительнее выделялась зелень осенних цветов и вечно зелёных елей и сосен.

Наступала зима, которую так боится всё живое, и испуг перед которой также сидит наверное, где-то глубоко в генах у каждого из нас...

Декабрь 2001 г.

Поваровка

¹ Пушкин А.С. Евгений Онегин. Драмы, поэмы, сказки. – М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ»; Харьков: Фолио, 1999. – С.82.

ЗВУКИ ТИШИНЫ

еловек, живущий в городе, настолько привыкает к постоянным шумам машин, поездов, трамваев, что зачастую и не обращает внимания на это.

Уровень его слуха становится повышенным и он многое даже не слышит.

Но стоит этому же человеку оказаться на природе, в тишине, как у него просыпается тонкое восприятие самых незначительных звуков.

Вот у нас в деревне Пустошка от тишины по ночам аж звенит в ушах...

Кузнечик стрекочет в хорошую погоду с раннего утра до глубокой ночи и, кажется, даже и ночью...

Если в дом залетел комар, то его писк долго не даёт уснуть.

Большинство птиц начинают летом петь с первыми лучами солнца. И их пение настолько многообразно, что порою, наверное, может даже заменить некоторый симфонический оркестр.

Зимой, конечно, таких звуков меньше.

Послушайте, как красиво скрипит под вашими ногами снег. Здесь целая палитра звуков. В морозный день, а тем более морозной ночью снег скрипит особенно трескуче.

Звук как бы раскатывается по морозному воздуху и, отражаясь в найденных преградах, трескучим эхом возвращается к вам под ноги.

Совсем по иному скрипит под ногами свежесвыпавший и падающий тихо на землю снег. Эти звуки не трескучи и не раскатисты, а достаточно приглушённые и как бы сдавленные – как сам снег.

По-другому также скрипит и весенний снег. В нём уже появились кристаллики льда, и они, ломаясь под ногами и задевая друг друга, производят своеобразное шуршание, отдалённо похожее на шуршание льдин и льдинок при ледоходе на реках...

А это – хрустальное журчание, покрывающееся тонкой коркой льда, ручья. Уже образовались забереги и местами ручей полностью схватился льдом. Но не весь, и поток воды, вырвавшись со звоном из-под кромки льда на свободу, устрем-

ляется вновь под лёд, создавая ещё более звонкое звучание, и ударяясь в ледяные сосульки, палочки и трубочки. И создаётся лёгкий перелив звуков, отдалённо напоминающий игру на клавесине или весеннюю капель...

И опять уже весна и натруженное гудение пчёл, возвращающихся нагруженными нектаром из полёта в свои ульи. На лапках пчёл белеет или желтеет «обножка» – пыльца, собранная ими с весенних цветов. Этот рабочий гул пчёл такой созидающий и умиротворяющий, что заставляет вновь и вновь задуматься о смысле мироздания и о том, что человек должен жить в гармонии с Великой Природой Земли...

ЛЮБОВАНИЕ ЖАСМИНОМ

ам очень повезло, что у нас на даче, вдоль дороги с обеих сторон, растут кусты жасмина.

Когда-то очень давно мы ехали в электричке из-за города. На одной из платформ в вагон вошла женщина с огромным букетом белых цветов. Я тогда не знал их названия. А жена сказала, что это жасмин. Он был таким красивым, ароматным, и его запах разносился по всему вагону.

Где-то лет через пятнадцать после этого случая мы начали строить дачу в Поварово. И обнаружили, что рядом с нашим участком растёт жасмин.

Вначале я не придавал этому большого значения. Но когда на следующий год увидел обсыпанные белым цветом светло-зелёные кусты и вдохнул ни с чем не сравнимый запах жасмина, понял, что это и есть счастье, рай или что-то подобное.

Когда жасмин цветёт, то его запах распространяется по всему нашему дачному участку.

Теперь, по примеру японцев, которые выезжают семьями и с друзьями любоваться цветущей сакурой в апреле, мы приглашаем наших родственников и друзей в июне любоваться и наслаждаться ароматом цветущего жасмина и размышлять над мудростью бытия.

Часть вторая

Москва – 2007

Дорогие мои читатели!

Выражаю самую искреннюю признательность всем, кто нашёл время прочитать или хотя бы пролистать мою небольшую книгу – часть первую «Пригоршни из туесков памяти»!

Все, полученные от вас, отзывы, замечания и пожелания (смотрите подробно «Отклики души» в разделе «Из личного архива») призывают меня продолжить доверительную беседу о самом сокровенном, самом душевном и самом прекрасном – о нашей жизни и вечном стремлении человека к гармонии с Великой Природой!

Поэтому надеюсь, что в выплёскиваемых на вас пригоршнях из новых туесков доброй памяти, адресованных теперь уже не только родственникам, землякам–черемховцам, забайкальцам, иркутянам, шелеховчанам, москвичам и тверичам, а всем желающим их прочесть и в России и за рубежом, каждый найдёт что-то своё родное, светлое и бесконечно приятное, как студёная родниковая вода в летнюю жару!

**С уважением,
Виктор Воронов**

ОДНИМ ДЫХАНИЕМ...

П

оскольку первая часть «Пригоршни из туесков памяти» оказалась, на мой взгляд, несколько перегруженной семейно-биографическими подробностями, мне не хотелось отвлекать читателей второй части аналогичными воспоминаниями. Но полученное из г. Краснокаменска, от дяди – Тимофея

Ефимовича Швецова – брата мамы, письмо заставило рискнуть и изменить, **с позволения читателя**, намеченное...

Когда-то очень давно, в детстве, я со слов бабушки – Се-
рафимы Никифоровны, составил
родословное дерево. Конечно,
оно у меня получилось не такое
полное и не такое красивое, как
впоследствии виденные мною в
различных музеях гносеологиче-
ские древа царей и королей. Поэ-
тому, при встречах просил дядю
дополнить нашу с бабушкой ин-
формацию. Вот теперь, прочитав
мои «Пригоршни из туесков...»,
он и откликнулся непривычно
длинным посланием – «не на од-
ной странице», припомнив многое
и многое **из глубины времён...**

Приятно отметить, что нас –
родственников немало, и если бы

всех собрать в одно место, то получился бы довольно-таки приличный населённый пункт или даже небольшой городок. Жизнь и судьба разбросали всех нас по нашей огромной – в одиннадцать часовых поясов – стране и даже, к сожалению, за границу. И возможно, что где-то на дорогах и полустанках жизни мы друг с другом встречались или встречали фамилии друг друга, но не знали, что мы – родственники. Досадно, что ведь и теперь все наши многочисленные ветви древа жизни мы с дядей и мамой назвать полностью не можем. Одних только «выявленных» фамилий около трёх десятков. Это – **Швецовы** (мама, её родители, братья и сёстры, прадед, прапрадед и другие родственники), **Веслопаловы** (родители и брат бабушки, и их родственники), **Вороновы** (отец, его родители – Егор Петрович и Евгения Яковлевна (в девичестве –

Зарубина), братья и сёстры – Сергей, Андрей, Лидия, Клавдия, «...сыновья – Виктор, Владимир, Владислав и другие родственники), **Швецовы** (муж моей старшей сестры Ирины – Яков Хрисантьевич Швецов (однофамилец) и всё их семейство)»¹, – **Зарубины, Маринины, Рязановы, Харины, Кореневы, Горбуновы, Астафьевы, Усольцевы, Самойловы, Зимины, Румянцевы, Сорокины, Кутузовы, Петровы, Корниловы, Крыловы, Мутовины, Черновы, Володины, Марковы, Канищевы, Долгиревы, Белобородовы...**

Самой собой разумеется, что всех нас обычно «хватает» только на «контакты» с самыми ближними (и по родству, и по расстоянию) родственниками. Да, иногда бывает так, что «не родственники» становятся ближе к тебе, чем родственники. Всё это – реальная жизнь и наша повседневная действительность. Но всё же, как нужно для души, хоть иногда, вспомнить всех их. И тогда открываются, **воистину достойные своего места в истории страны и народа, штрихи и строки:**

– «Село Зерен Газзаводского района Читинской области с севера и запада охватывает река Полей, а с юга протекает горная и холодная река Урумкан. Село очень выгодно расположено – междуречье – ровное плато, уходящее на восток до реки Аргунь. Место на жительство наши предки выбрали очень удобное – тайга, лес, вода и ровная местность для пашни. **Корчуй лес, паши землю, сей хлеб, разводи животных и радуйся жизнью!?**».

– Клеонид Швецов – мой прапрадед – «...отчество не знаю, примерно 1805–1810 года рождения. Откуда и когда он появился в Забайкалье, в глухой тайге?.. По историческим событиям это приходится на Пугачёвское восстание 1770 года или на бунт Стеньки Разина, или на перемещение в Сибирь старообрядцев, или на период походов казаков вглубь Сибири и создание Забайкальского казачьего войска. Те-

¹ Здесь и далее – приведённое в кавычках – из письма Т.Е. Швецова.

перь это установить трудно».

– Никита Клеонидович Швецов – мой прадед – «...примерно 1850 года рождения. Создал крепкую и большую семью, вырастил детей,

дал им некоторое образование. Жил и трудился всем семейством в с. Зерен по тем временам довольно зажиточно – с достатком. Имел большой дом, который во время гражданской войны семёновские белобандиты сожгли за участие двух его сыновей – Ефима и Михаила в красных партизанах».

– Ефим Никитович Швецов – мой дед, «...1886 года рождения, крепкого телосложения и высокого роста, казак – старший урядник. В первую мировую империалистическую войну 1914–1917 годов был награждён медалью и Георгиевским крестом, большевик и красный партизан».

– «Михаил Никитович – казак-артиллерист, красный партизан».

– «Пелагея Никитична в гражданскую войну принимала активное участие в партизанском движении в Забайкалье, властная характером. В 1933 году при подавле-

нии восстания в нашем районе была в составе войск НКВД».

– «Михаил Карнилович во время гражданской войны командовал партизанским полком».

– «Платон Карнилович был арестован в 1938 году, где и умер».

– «...Серафима Никифоровна Швецова, ...Евдокия Ефимовна Швецова, ...Василий Георгиевич Воронов» – мои бабушка, мама и отец.¹

– «Сергей Павлович во время войны в Ленинграде потерял жену...».

– «Александр Павлович служил в армии топографом. В 1945 году погиб в Польше в звании старшего лейтенанта».

– «Дмитрий Павлович умер в лагере – был арестован в 1937 году».

– «Марк Ефимович воевал на Карельском фронте, награждён орденом Красной Звезды, учитель».

– Тимофей Ефимович во время Великой Отечественной войны командовал ротой и стрелковым батальоном, служил в МГБ СССР, партийный и хозяйственный руководитель, Почётный гражданин г. Краснокаменска.

– «Максим Михайлович погиб в 1943 году под Сталинградом».

– «Анна Никитична имела сына Владимира, который погиб во время войны...».

– «У Трофима Еврантьевича был единственный сын Пётр

¹ См.: Воронов В.В. «Пригоршни из туесков памяти» (часть первая). – М.: Изд-во «Проспект», 2005.

рождения где-то 1917–1920 гг., который погиб во время Великой Отечественной войны».

– «...директор совхоза, ...заместитель директора завода дорожной техники, ...начальник цеха Иркутского завода сборного железобетона, ...доктор технических наук, ...инженер-металлург, ...врач-хирург, ...инженер-электрик, ...директор обогатительной фабрики, ...техник-горняк, ...менеджер ведущей аудиторской компании, ...работники органов внутренних дел – капитан и старший лейтенант, ...учительница, ...инженер-экономист, ...учитель труда, ...мастер на металлургическом заводе...».

Как здорово, что, **не теряя связь времён и поколений, можно продолжать и продолжать выписывать эти штрихи на картине нашей Родины – России.** От этого она становится только краше и выразительнее. Всё это наше. И ошибки, которые мы совершили и совершаем – тоже наши. И мы сами их оценим и исправим, не позволяя никому исказить, надсмехаться, давать «менторские оценки» и учить нас чему-то тому, к чему не лежит наша душа – разобщённости и «оголтелому индивидуализму». Да, мы все вышли из крестьянской общины, да, мы – потомки казаков и первопроходцев Сибири с их вольницей и выборностью своих вожаков и атаманов хорошим словом «любо». Что устраивает или что не устраивает нас всех во всём этом – надлежит решать только нам самим!

И мы хотим и дальше жить, трудиться, радоваться и печалиться **одним дыханием вместе со своим народом и единственной и неповторимой страной, зовущейся Россией!**

ШЕЛЕХОВ – ЮНОСТЬ МОЯ!

С гордостью смотрю на памятную медаль общегородского фестиваля «Шелехов – юность моя!» в честь двадцатилетия приезда Орловских комсомольцев на строительство Иркутского алюминиевого завода (Ирказа) и города Шелехов. Она сделана комсомольцами, построенного в короткий срок, первенца алюминиевой промышленности в Восточной Сибири – Ирказа, из металла, выплавленного в его цехах. И как мне помнится, мы её вручали всем участникам Торжественного вечера в недавно пущенном в эксплуатацию Дворце культуры «Металлург» при входе в зал, в субботу вечером, накануне Дня Советской молодежи, **в июне 1976 года.**

Этот фестиваль наш горком комсомола готовил и проводил совместно с горкомом партии и горисполкомом. Оргкомитет возглавляла секретарь Шелеховского горкома партии Галина Семёновна Ланкина. Заключительные мероприятия мы сознательно несколько сместили с «исторической даты – 17 июня» к Дню советской молодежи.

Конечно нам – молодым, двадцать лет казались огромным периодом, а самим непосредственным участникам событий 1956 года – начала стройки, как теперь я думаю, всё было как-будто «вчера». Помогали и участвовали в подготовке и проведении большого числа

культурных и спортивных мероприятий фестиваля все – руководители предприятий и организаций, секретари парткомов, председатели стройкомов и профкомов и, конечно, весь комсомольский актив города. Всё делалось с энтузиазмом и вдохновением.

Именно тогда здорово отремонтировали стелу на Комсомольской площади, поставили шесть колонн с орденами комсомола и с обеих концов Комсомольского бульвара установили стелы с его названием. Привели в порядок памятную бетонную палатку на месте палаточного городка, сделали стационарные флажки с разноцветными металлическими флажками.

И сюда после завершения Торжественного вечера двинулись все его участники вместе с гостями из города Орла, обкома и ЦК комсомола, неся зажжённые факелы по улицам любимого города, как символ преемственности и неугасаемой молодости. На подходе к памятной палатке факельное шествие встретил праздничный салют, организованный комсомольцами подшефной воинской части из посёлка Чистые Ключи. И в этот же момент вспыхнул огромный не «пионерский», а скорее «комсомольский» костёр. И долго ещё все танцевали и пели под звуки оркестра у этого костра на площадке бывшего палаточного городка...

Сейчас, конечно, и в Шелехове, да и по всей стране организуются большие праздничные фейерверки и различные «шоу». Но чаще всего это теперь бывает за деньги, и немалые, всяких «спонсоров», за которые поют под фонограмму артисты и суетятся организаторы.

Мне же помнится, что всё, или почти всё, мы организовывали на энтузиазме, прося принять участие и сделать свой посильный вклад в любой форме каждого участника наших мероприятий. А когда каждый вносит хоть частичку чего-то своего, то интересно и ему, и другим.

Так, например, новогодние «голубые огоньки» мы проводили «вскладчину», как-будто вечеринки, то есть каждый, получая приглашение (от желающих не было «отбоя»), вносил взнос. Он, в основном, расходовался на «накрытие столиков» – лёгкую закуску, конфеты, шампанское и вино. Руководство Дома культуры «Строитель» помогало аппаратурой, микрофонами, организовывало поздравления Деда Мороза и Снегурочки, оркестр и музыку. Немного «выкраивали» денег на шуточные призы. А порой и сами участники их приносили. Так член комитета комсомола стройки Олег Рупасов привёз из деревни красивого петуха в корзине. Его долго скрывали, а затем за «огненную» пляску я вручил его одному комсомольцу-плясуну. Но, как и было задумано,

петух вырвался, а затем весь зал с хохотом его ловил и вручал награждённому, который, сидя с ним за новогодним столиком, долго не знал, что с ним делать, пока ему не отдали в «придачу» к призу и корзину...

Но, прежде всего, большинство шелеховчан и комсомольцев добросовестно трудились на стройках и заводах, в других организациях и на предприятиях города. Проводились соревнования комсомольско-молодёжных бригад, за право быть сфотографированным у Знамени Победы и в Кремле, выпускались «Молнии» и листки «Комсомольского

прожектора», хорошо освещались городские события в местной газете «Рассвет коммунизма», организовывались спортивные состязания, туристические походы, восхождения в Саянские горы, даже был выпущен свой кинофильм об ударной комсомольской стройке. Теперь, разумеется, это не в «дивовинку» – у многих свои видеофильмы на разные случаи жизни, а тогда, когда киноаппаратура была лишь у некоторых, – это было явление.

Да и вообще, телевидение тогда ещё не взяло людей в свой «плен», не заключило их в губительные «сладкие объятия», не оторвало их друг от друга, и они тянулись к общению, к разговору по душам, к чему-то своему шелеховскому – «строительному», «ирказовскому», «кабельному» или чему-то такому по названию своего предприятия, и по-хорошему гордились принадлежностью к нему.

Этот порыв особенно чувствовался, когда по решению парткома, руководства, стройкома и комитета комсомола нашего треста «Иркутскалюминстрой» мы начали проводить так называемые «Творческие отчёты» всех подразделений стройки. Конечно, в основе идеи секретаря парткома Сизых Ивана Георгиевича были смотры художественной самодеятельности. Но не только!

На рассмотрение заранее утверждённого жюри, которое поручено было возглавить мне – секретарю комитета комсомола, в ходе проводимых вечеров представлялись в первую очередь итоги производственно-хозяйственной деятельности подразделения (строительно-монтажного управления и т.п.), а также выставки картин, вышивок и другого самодея-

тельного и художественного творчества. Но главным, конечно, были выступления агитбригад и команд КВН, номера художественной самодеятельности – форма была произвольная и ничем не регламентировалась. Выступали за один вечер в ДК «Строитель» по два коллектива подразделений. Была разработана специальная балльная шкала оценок, ко-

нечно не совсем совершенная, как и любая балльная система, но всё-таки позволявшая оценить достоинства коллективов. Затем, после проведения всех творческих отчетов и вечеров, подводились общие итоги и к 1 мая объявлялись и награждались коллективы-победители.

Творчество масс не знало предела! Таланты открывались везде и порою неожиданно. Люди узнавали друг о друге много нового, становились добрее и теплее по отношению к окружающим. Целых два зимне-весенних периода, 1974 и 1975 годов, зал ДК «Строитель» был переполнен и постоянно взрывался аплодисментами и смехом! Весь город только и обсуждал ход наших творческих отчетов...

Ещё память выхватывает, как в конце января 1974 года мне посчастливилось выступить **на расширенной коллегии Министерства промышленного строительства СССР в г. Москве** по итогам работы за 1973 – решающий год очередной пятилетки. Конечно, мой громкий комсо-

мольский голос и юный вид несколько взбодрили «патриархальную тишину» этого уважаемого высокого заседания. Но выступать от имени молодых строителей Шелехова, да и всей Сибири было не только очень почётно, но и ответственно. Мы с нашим управляющим трестом Владимиром Филипповичем Зубрилиным в номере, ныне непонятно зачем-то снесённой гостиницы «Россия», долго «шлифовали» текст моего выступления, тщательно взвешивали, как рассказать о досрочном пуске восьмого корпуса Ирказа, и какие проблемы необходимо «заострить», и в чём попросить помочь Министра Токарева и его коллег. И всё это ради нашей стройки, ради нашего города и наших людей.

Теперь, уже умудрённый жизненным опытом и сам многому кого-то научивший, с благодарностью вспоминаю жизненные уроки и помощь, которые нам – молодым комсомольским работникам и активистам на практике и личном примере «преподавали» и оказывали наши старшие товарищи – хозяйственные руководители, партийные, профсоюзные и советские лидеры, а также вышестоящие комсомольские работники – В.Ф. Зубрилин, И.Г. Сизых, В.И. Потапов, В.И. Зубков, И.И. Морозов, А.Ф. Анисимов, Н.К. Чернов, М.С. Архипова, А.И. Корнилов, Р.П. Ефремова А.А. Леднёв, А.Х. Ломоватский, К.И. Струговцев, И.С. Белоусов, Л.А. Лозовой, Н.М. Таранов, Ю.Ф. Бутаков, К.Ф. Шишкин, А.К. Кашапов, Г.И. Зоткин, В.П. Гончаров, М.П. Авдеев, В.Д. Ухин, Ю.Е. Глумов, В.В. Поздняк, В.В. Игнатов, А.И. Орлов, А.Е. Лавыгин, И.З. Джавелидзе, Г.Г. Кулик и многие, многие другие.

Всем, всем им низкий поклон!

А особо, мне с радостью припоминается, что все эти

«шелеховские годы» со мной рядом были мои друзья-комсомольцы – Василий Басюк, Василий Коцюрубский, Сергей Квитко, Сергей Татиевский, Валентина и Валерий Сафёлкины, Надежда Копосова, Наталья Фень, Виктор Митов, Татьяна Веключ, Наталья Крупицкая, Валерий Куприн, Светлана Большакова, Виктор Тимофеев, Игорь Ельконин, Валентина Соловьёва, Эдуард Трещинский, Левон Гагнидзе, Эдуард Ластовский, Владимир Тракай, Георгий Жарников, Вера Морозова и многие-многие с кем вместе мы провели эти прекрасные годы нашей юности и юности нашего **вечно молодого душой города Шелехов!!!**

Всем друзьям по комсомолу посвящается!

О КОМСОМОЛЕ

своё время о комсомоле было написано немало – у меня самого в домашней библиотеке десятки и десятки таких книг. Написано по-разному: с пафосом, газетно-сухо, лирично, сдержанно-объективно, излишне эмоционально, объёмно, коротко, летописно, динамично, телеграфно ..., то есть всяко и много-

образно, каким был и сам комсомол – разноликим, «разношёрстным», но, несомненно, энергичным и молодым.

Оглядываясь назад, следует заметить, что всё или почти всё написанное о комсомоле в те годы, несмотря на некоторую приукрашенность, натянутость и даже небольшой допускаемый авторами вымысел, наверное, в основном всё-таки правильно и правдиво.

Если не обращать внимание на некоторую «лакировку» всего написанного, а смотреть лишь на суть явлений, то видно, что **комсомол действительно был прекрасной и полезной во всех отношениях для молодёжи организацией.**

В те годы была такая крылатая фраза – «Профсоюзы – школа коммунизма». А для молодых людей настоящей **школой** жиз-

ни, общения, познания себя и других, определения своей позиции и линии поведения, нахождения своей точки опоры был, несомненно, комсомол.

Для кого-то он становился второй школой, одновременно с обучением в обычной восьмилетней или средней школе. Для кого-то третьей школой – если была учёба в профтехучилище. Для кого-то он становился школой жизни уже в институте, университете, техникуме или на службе в армии или на флоте. А кто-то проходил эту комсомольскую школу жизни на производстве или стройке.

Пусть хоть некоторые и напускали словесную завесу, будто комсомол им не очень-то нужен и даже «до лампочки», но всё равно он не оставлял их равнодушными.

Да и как можно было быть равнодушным, если комсомольские организации стремились быть рядом с молодёжью, решали их самые наболевшие проблемы, добивались вместе со своими трудовыми коллективами выполнения намеченных планов.

Учёба секретарей и членов выборных комсомольских органов также организовывалась под красивым названием – **школа комсомольского актива**. А немногочисленные учебные заведения комсомола тоже носили это название – Высшая комсомольская школа при ЦК ВЛКСМ в г. Москве и зональные комсомольские школы в ряде областей, краёв и республик. И во всех этих «Школах» действительно формировался и обучался наш комсомольский актив – те, кто с душой работал «на комсо­моле» и «в комсо­моле».

Конечно, главное «дело» было в лидерах и вожаках – секретарях комсомольских организаций и секретарях комитетов комсо­мола.

Теперь уже во всём мире и даже с трибуны Организации Объединённых Наций (ООН) высоко оценили систему подбора, расстановки, подготовки и воспитания кадров, существовав­шую в Коммунистической партии Советского Союза. Аналогичная и добротная система была и в комсо­моле.

К этому вопросу подходили очень внимательно и обстоя­тельно. Поэтому-то **среди комсомольского актива преобладали симпатичные, обаятельные, умные и просто красивые ребята и девчата, со свойственным молодости стремлени­ем устроить мир лучше и справедливее**, с горячим желанием и даже нетерпением сделать как можно больше полезных дел, с огоньком и блеском в глазах, а порою даже и с некото­рым озорством и безобидной игривостью.

Именно таких выбирали и любили, именно таким доверяли, и именно с таких, затем, и спрашивали по всей строгости за комсомольскую работу. Но главное **чего не терпели – это фальши и нечестности**.

Помню, как освобождали от должности одного первого сек­ретаря горкома комсомола. Он помог своим друзьям, выпол­нявшим какие-то «халтурные» ремонтные работы. Помощь его выражалась в получении по ведомости небольшой суммы «не­заработанной» зарплаты, которую он затем передал им. Их же

обвинили серьёзнее – в приписках и присвоении.... По сегодняшним временам так вроде и нарушений особых у него не было. А тогда на пленуме горкома один из комсомольцев-рабочих прямо пригвоздил его вопросом: «А как же мог такое сделать?» Да, действительно не мог, не должен был этого делать – ведь он комсомольский вожак и значит даже малейшей тени сомнения или «тёмного пятнышка» не должно было быть в его работе и биографии.

Но преимущественно на комсомольской работе всё-таки были порядочные, надёжные и преданные своему делу молодые люди. Многие из них были поистине настоящими лидерами, увлекающими за собой молодёжь на добрые и полезные начинания.

Не из-за повышенной зарплаты и каких-то материальных благ они соглашались быть избранными комсомольскими секретарями. Наоборот, переходя на «освобождённую» комсо-

комсомольскую работу они, как правило, даже теряли в зарплате, о которой, зачастую, они стеснялись и говорить. Их увлекало другое – доверие, которое им оказывали, желание быть полезными людям и новые горизонты и дали, открывающиеся на предстоящей работе.

Для них **комсомол воистину становился настоящей школой жизни, школой умения работать с людьми**. Он предоставлял им возможность подсознательно самореализовать свою личность в другой, уже не в производственной сфере, а в общественной работе. Всем же известно было, что на производстве в «начальники и руководители» иногда проходили «по благу», угодные, не строптивные и просто подхалимы. А в комсомоле, наоборот, любили «выдвигать» дерзких, смелых, настырных, упрямых и «бессеребренников». Такие были готовы за интересы молодёжи и людей бороться «не покладая рук» и бескомпромиссно, не идя ни на какие сделки со своей совестью. И на таких вожаков и лидеров комсомолу везло...

Поработав в комсомоле и пройдя эту бесценную жизненную школу, научившись работать с людьми, они возвращались на производство, на стройки уже зачастую на более высокие должности, нежели те, с которых они уходили.

Это для них было не главное. Главное – все были увлечены интересной и нелёгкой работой с людьми и, прежде всего, с молодёжью.

Вспоминая всё это, следует теперь уже честно признаться себе, что многие из нас были всё-таки в некоторой степени «чудаками», энтузиастами и увлекающимися самой идеей принести пользу людям. Многих из нас убеждали, что наши личные качества подходят для того, чтобы мы перешли на комсомольскую работу, а не шли «по линии производства» – мол, оно от

вас не убежит. Да и чего греха таить, многим из нас было сладко слышать хорошие слова о себе, о вере в наши силы и способности. Кстати, в большинстве случаев всё это действительно оправдывалось. И это лишний раз подтверждает то, какими же прекрасными психологами были наши старшие товарищи – партийные работники и представители вышестоящих комсомольских органов!

С большим интересом мы воспринимали оценку своих комсомольских дел, которая звучала в отчётных докладах, статьях в газетах и журналах или просто в словах рядовых комсомольцев.

Все комсомольские работники высоко ценили награждение знаком ЦК ВЛКСМ «**За активную работу в комсомоле**». Он как бы сам за себя, без лишних слов и комментариев, говорил о заслугах носящего его на лацкане своего пиджака. Этой наградой дорожили и незаметно гордились. Этот знак по виду из всех наград комсомола был наиболее удачным, как и **сам комсомольский значок – скромно и выразительно!**

...Когда-то, готовясь к вступлению в комсомол и прочитав о том, что в комсомоле можно состоять и старше 28 лет, если находишься на комсомольской работе, я и подумать даже не мог, что сам когда-то окажусь под действием этого параграфа комсомольского Устава.

Пройдя все ступеньки комсомольской работы – от секретаря «цеховой» комсомольской организации до ответственного работника ЦК ВЛКСМ – могу с гордостью сказать, что мне «выпал счастливый жребий» и, действительно, повезло долго поработать в комсомоле, столько всего хорошего сделать, узнать, понять, увидеть и осознать...

Хорошо видны теперь и наши ошибки и промахи – и общие, и нас – каждого в отдельности. Особенно нам всем претили и

вызывали наше огромное сопротивление, и даже отторжение, излишняя «политизация» и бюрократичивание комсомола, спускание «сверху вниз» большого количества постановлений, решений, указаний (да ещё с необходимостью отчёта) по такому безмерному количеству вопросов и направлений работы, что их все охватить было просто физически невозможно.

Работая в горкоме и обкоме, я всячески старался как-то оградить «низовые» организации от этого потока совершенно ненужных и даже вредных бумаг, которые как «из рога изобилия» плодили там – наверху. Ряд постановлений я оставлял на свой страх и риск у себя на столе, а точнее в одном из ящичков стола, а некоторые «отписывал» в отделы обкома с устным замечанием – «просто учесть в повседневной работе».

Если бы по всем этим «бумагам» действительно работать в первичных организациях – то никакого бы времени не хватило. А его и так действительно не хватало...

Долго размышляя над тем, чем же мне были не по душе некоторые мои коллеги по Центральному Комитету комсомола, я вдруг обнаружил главное – они относились к комсомольской работе как к обычной – любой другой работе. Они просто выполняли возложенные на них обязанности – работали как мно-

гие в то время «от звонка до звонка – с 9.00 до 18.00».

А ведь **комсомольская работа** – это больше чем это. Это, прежде всего, **ощущение какого-то долга перед теми, кто тебя избирал или выдвинул на эту должность.**

Да и должностью «это» как-то называть не хотелось. Как бы «комсомольское поручение» – твоё внутреннее стремление ответить на проявленное к тебе доверие хорошими и добрыми делами.

Все мы хорошо помним, как нас избирали. И мы были горды тем, что избрали именно нас. Значит, в нас что-то есть такое, что нужно комсомольцам, нашим товарищам. Значит, мы должны ещё лучше работать.

И мы работали – допоздна, в выходные и по вечерам.... И это радовало нас.... Это вдохновляло нас.... Это обязывало на многое!

Вспоминается, что после избрания меня вторым секретарём Иркутского обкома комсомола, один бывший коллега заметил мне: «Что-то ты допоздна задерживаешься на работе. Иду вечером мимо, а у тебя в кабинете свет горит...». Для меня это было удивительно потому, что он сам работал до этого в обкоме комсомола.

Уйти с работы ровно в 18 часов было для меня как-то неудобно и даже стыдно. Ведь нельзя же всю комсомольскую работу уложить в отведённое время дней и времени «приёма посетителей». Раньше ко мне в горком и комитет комсомола именно вечером и заглядывали ребята. Да и заседания комитета комсомола стройки мы проводили вечером, после рабочего дня....

Помнится, как нам не нравилось безудержное стремление ЦК ВЛКСМ к приёму в комсомол практически всей молодёжи. Мы прекрасно понимали, что часть молодых людей не соответствует требованиям Устава ВЛКСМ, как бы ещё не достойна

приёма в комсомол. И принимая таких в комсомол, мы тем самым оскорбляли, обижали и даже отталкивали тех, кто действительно соответствовал этому и даже тайно, наверное, гордился своей принадлежностью к нему.

Однако по указанию ЦК ВЛКСМ на всех уровнях «долбилось» о росте рядов ВЛКСМ – и договорились до того, что так называемой «несоюзной молодёжи» почти не осталось. Просто в «несоюзной молодёжи» числилось много тех, кто уже был в комсомоле, но по разным причинам не встал на комсомольский учёт – после армии, после переезда и т.п.

Вообще-то комсомол только бы выиграл, если бы действительно имел в своих рядах лишь лучшую часть молодёжи, а не слышал эту режущую слух фразу «...комсомол и вся советская молодёжь...».

Существующее тогда стремление наших лидеров комсомола и страны говорить от лица всей молодёжи и всех слоёв нашего общества не только отталкивало некоторых людей, но и подрывало доверие к тем, кто эти приукрашенные фразы произносил.

...И всё-таки, несмотря ни на что, **самая интересная работа, сама комсомольская жизнь были в первичных комсомольских организациях.** Там воистину был комсомольский дух, который концентрированно выливался затем и на плакат, и в песню, и в кинофильмы...

Именно это и являлось действительной **основой всего в комсомоле....**

К сожалению, наверх по служебной лестнице комсомола порою пробирались и не самые лучшие, а иногда просто краснобаи и подхалимы.... Были такие и в нашем главном штабе – ЦК ВЛКСМ. Для них комсомол был лишь инструментом создания своего собственного благополучия.... Вот они то и «плодили» то, уже упоминаемое мною, нескончаемое количество постановлений, решений, формальных и пустых конкурсов, смотров, соревнований и тому подобного, от которых зачастую страдала живая комсомольская работа.

Расширение штатов обкомов, крайкомов и ЦК ВЛКСМ, также не способствовало улучшению работы, а лишь усиливало зачастую комсомольскую бюрократию. А к ней, в низовых звеньях комсомола, отношение всегда было чрезвычайно отрицательное.

В горкомах и райкомах любили, когда приезжающий вышестоящий комсомольский работник не просто проверял то, где и что не делается или не сделано, а по-товарищески, как человек с большим опытом работы, помогал и подсказывал, давал полезные и практические советы, одобрял и вселял новые силы и уверенность в комсомольских делах. Прекрасно, если этот человек с пониманием относился к тем упущениям, которые были не от плохой работы, а чаще всего в силу объективных обстоятельств. Например, все мы прекрасно понимали, что «часть» комсомольцев не снималась своевременно с учёта, были, как тогда говорили «неизвестно выбывшими», что «часть» не регулярно платила членские взносы, что «часть» не ходила на собрания, что собрания были не ежемесячно, и другое. И всё это, из-за упомянутого выше стремления «верхов» «загнать» в комсомол всю молодёжь – здесь-то всё, в итоге, и выплывало наружу, как ни крути...

Так зачем же винить в этом лишь секретаря комсомольской организации, если виноват не только он?!..

В комсомоле любили душевных комсомольских работников, их уважали и готовы были за ними идти «в огонь и в воду», туда, куда они призывали.... За таких с удовольствием голосовали на отчётно-выборных собраниях и конференциях, которые сами по себе становились настоящими праздниками молодости, здорового соревнования и местом встречи близких и единых по духу людей.

Отчёты, отчётность, сухие цифры, сводки, сведения, рапорты в комсомоле не любили. И правильно, ведь за всем этим опять виделась какая-то бюрократия, а не «живая» работа. Настоящий комсомольский

работник понимал, что всё это сопутствующее, но не главное, и стремился вместе с комсомольцами делать основное – организовывать производительный труд, интересный отдых и быт молодёжи. Ведь ордена и другие награды комсомолу и комсомольцам вручали не за цифры уплаченных взносов и проведённых собраний, а за конкретные и большие дела – за восстановление разрушенного войной народного хозяйства страны, за освоение целины, **за участие в строительстве Братской и Усть-Илимской гидроэлектростанций, БАМа и другое....**

Примечательно, что в комсомоле за долгие годы были разработаны и постоянно совершенствовались и дополнялись **многообразные формы конкретной работы с различными категориями молодёжи.** Это: военно-спортивная игра «Зарница», соревнования «Золотая шайба» и «Кожаный мяч», ученические производственные бригады, лагеря труда и отдыха, военно-спортивные лагеря, студенческие строительные отря-

ды, соревнование комсомольско-молодёжных бригад, конкурсы профессионального мастерства «Мастер-золотые руки», научно-техническое творчество молодёжи, спартакиа-

ды, конференции «Молодость, творчество, современность», «Комсомольский прожектор», туристические походы, смотры патриотической песни и многое другое.

Конечно, гордостью всего комсомола было шефство над строительством важнейших народнохозяйственных объектов. Многим из них давали громкое звание – **Всесоюзная ударная комсомольская стройка**. И сюда по призыву комсомола и зову своего сердца приезжали трудиться и жить десятки тысяч юношей и девушек со всех концов Советского Союза. И, благодаря именно их ударному и самоотверженному труду, наша страна до сих пор имеет огромный потенциал в энергетике, транспорте, промышленности и в добывающих отраслях экономики.

Ещё в комсомоле всегда был **дух взаимовыручки и поддержки**, как сегодня сказали бы «корпоративность», но такой, о котором многие сейчас могут только мечтать. Это сохраняется и по сей день. Стоит кому-либо обратиться к нам из «старых» комсомольцев или комсомольских работников, как мы всеми силами стремимся ему помочь – будь это проблема мелкого или государственного масштаба – помощь в размещении в гостинице, в приобретении билета или в «выбивании» нужных для хорошего дела материальных и финансовых средств или что-то ещё подобное.

Мы как-будто чувствуем какую-то внутреннюю обязанность

и даже долг перед всеми, и именно поэтому хотим сделать всё возможное, чтобы помочь. И делаешь всё это в радость, несмотря на постоянную нехватку времени и вечную «суету сует»... Так и должно быть. По-другому мы и не мыслим наши комсомольские отношения и дружбу, которая с годами становится ещё крепче.

Все мы очень **дорожим этим нашим главным богатством – комсомольской дружбой**. Поэтому стремимся встретиться, поздравить друг друга, послать письмо или телеграмму друзьям-комсомольцам в другие города в канун нашего святого праздника – Дня рождения комсомола. Мы даже стараемся не замечать на этих наших традиционных встречах некоторых «самодовольных типов», которые «урвали» от комсомола всё, что могли в разные периоды времени, а особенно в его последние годы – годы его «прихватизации». Им и руку не хочется даже подавать...

Они бы и здесь на наших комсомольских встречах не прочь показать себя «хозяевами нынешней жизни». Но чувствуют, по-

видимому, что большинство не за ними, и только самодовольные и снисходительные улыбки и взгляды выдают их истинную сущность. Хорошо, что есть ещё у нас ценности, выше их «золотого тельца»! И мы тоже выше этого всего – для нас **комсомол был, есть и будет самым лучшим нашим другом, нашей молодостью, нашей совестью и нашей общей судьбой!**

И мы **будем встречаться и поздравлять друг друга с нашим любимым праздником** пока у нас будут силы – как это в своё время делали, проводя свои ежегодные встречи, выпускники Царскосельского, «пушкинского» лицея. А затем, может быть, эту традицию продолжают другие – более молодые, **те, кто примет эту и другие добрые традиции комсомола...**

«Байкал чист и застывшие - тих...»

Валентин Григорьевич Распутин

БАЙКАЛ И МЫ

Байкале написано немало и, может быть, даже много или очень много. Но сколько бы о нём не писали, всё равно кажется, что этого мало по сравнению с его **необъятностью, огромностью и первозданной красотой.**

...Впервые вблизи Байкал я увидел в Слюдянке, во время стоянки поезда,

везущего нас, двоих выпускников сельской школы из Забайкалья в Иркутск для поступления в институт. Тогда, в Слюдянке, поезд стоял около получаса – происходила смена тепловоза на электровоз – электрификация железной дороги доходила только до этой станции. И некоторые пассажиры, конечно те, кто посмелее и опытнее, успевали сбегать к Байкалу и окунуться в его «священной» и холодной воде. Затем, уже по ходу дальнейшей поездки, в вагонах слышались их гордые рассказы об этом утреннем, почти предрассветном, а точнее рассветном купании.

Зрелище, увиденное из вагонного окна, впечатляло! Поезд медленно огибал южную оконечность Байкала и с высоты насыпи открывалась величественная и бесконечно прекрасная панорама озера-моря. И затем во время каждой пос-

ледующей поездки на поезде – домой на каникулы и обратно, моё любование Байкалом продолжалось.

Позднее я стал пролетать над ним на самолёте по маршруту Иркутск–Чита. С высоты он был также прекрасен.

Только несколько позже я смог «окунуться» в него – это было уже на третьем курсе института, летом в стройотряде.

С тех пор наши встречи и общения с ним продолжают регулярно.

Эти свидания с Байкалом не приедаются, также как хлеб, который ежедневно кушаешь, как и в первый раз – с огромным удовольствием. Так, всякий раз, и Байкал перед тобой предстаёт другим, не таким, как в предыдущие встречи. У него как бы не одно, а **много различных лиц и обликов**.

Конечно, **наиболее притягателен Байкал летом**, особенно в жаркие июльские и августовские дни. К этому времени он и окружающий его воздух достаточно прогреваются и сближаются по температуре. И хотя разница, по-прежнему, составляет немало – пятнадцать-двадцать градусов и

более, – но синева волн так прохладна и привлекательна...!

Любоваться им можно бесконечно. И, казалось бы, без большого ветра он должен быть один и тот же. Но нет – вот откуда не возмись лёгкое дуновение ветерка и он весь

зарябил небольшими волнами.

Волна накатывает на прибрежный песок постоянно – од-

на за одной. **Байкал** как любое живое существо **всё время движется и как бы дышит**.

Поэтому вполне объяснимо **отношение** к нему местных жителей **как к живому**. И не просто как к какому-то божественному существу или Духу, а вот именно как к чему-то живому, как и сам человек, его домашние животные, звери в тайге и вся, окружающая нас, природа.

В моменты любования Байкалом как-будто напиваешься какой-то необъяснимой его «энергетикой», его мощью, его могуществом. Кажется, что вот и это великолепное создание природы поделилось с тобой небольшой частичкой своей огромной природной силы, красоты и духа.

...К вечеру Байкал становится на вид менее ласковым и более суровым. Вода в нём как бы темнеет, волны становятся всё больше и больше и они с всё нарастающим шумом ударяются в берег. В западной стороне быстро опускается солнце. Вот оно ещё на какой-то момент зацепилось за верхушку сопки, а теперь уже оттуда, из-за неё, бросило к нам последний сноп своих ярких лучей. Становится всё темнее и темнее. И **Байкал**, тоже, **то становится громче, в зависимости от силы и направления ветра, то, наоборот, тише и спокойнее**.

Ночью к нам в палатку доносится ровное и неровное, размеренное и неразмеренное, грозное и нежное его дыхание.

Утром вспоминаешь, каким же был Байкал в течение ночи – опять разным и многоликим – вот такой он и есть – быстро переменчивый, как и его ветра.

Ветра на Байкале бывают очень сильные – и летом, и

осенью, а особенно зимой. Тогда по его гладкому льду может унести не только человека, а даже тяжёлую автомашину, если на её колёсах нет шипов или цепей.

Имена ветрам даны красивые, в большинстве своём по названиям рек, речек или распадков, из которых они дуют как-будто из каких-то гигантских аэродинамических труб: **Баргузин, Сарма, Ангара, Верховик, Култук** и другие.

Захватывающе интересен **подлёдный лов омуля на Байкале**. Он очень своеобразен, и в первую очередь тем, что необходимо бурить лунки на более чем метровую толщину прозрачного, как стекло, байкальского льда. Когда на нём стоишь и вспоминаешь, что под тобой огромная глубина, то становится даже немного не по себе. А когда, спустив десяток потов, досверлишься до воды – понимаешь, что запас прочности льда такой, что может выдержать не только тебя, а и много чего ещё потяжелее.

Некоторые рыбаки не ограничиваются лунками, а выдалбливают во льду целые «аквариумы». И тогда в них можно бесконечно любоваться подводным миром Байкала, видеть, как к твоей рыбацкой леске подходит омуль. Всё это возможно благодаря уникальной прозрачности воды Байкала, в которой брошенная монетка сверкает до глубины в несколько десятков метров.

Для приманивания омуля используется «бормыш» – такой рачок, который специально добывается из «подо-льда» на болотах. Если его спустить в лунку, то омуль, чувствуя это, поднимается из глубины и тогда начинается настоящая рыбалка.

На подлёдной рыбалке на омуля используются «мушки» из определённых ниток – лучше, говорят, под цвет «шерсти английской шинели» или что-то подобное. А вот вместо рыболовного

крючка с зазубриной используются обыкновенные швейные иголки, согнутые в виде крючка после нагрева на пламени свечи, керосиновой лампы, газовой горелки или прямо на костре.

И вот, когда омуль заглатывает такую «мушку», то рыбак должен ни на одно мгновение не ослабить леску после подсечки. При этом, выбирая леску из лунки, иногда с глубины десять и более метров, он наматывает поочередно её на левую и правую руку – примерно так же, как разматывают пряжу женщины.

Когда омуль уже наверху, над лункой, тогда рыбак швыряет его на лёд вместе с леской, не заботясь о том, как его отцеплять. Омуль сам соскакивает с мушки без зазубрины и остаётся лежать на льду. Рыбак, тем временем, быстро сматывает освободившуюся леску, вновь опускает её в лунку. Ведь когда идёт клёв, медлить нельзя – дорога каждая секунда – от этого зависит количество пойманных омулей.

Так вокруг лунки с рыбаком постепенно образуется «картина» с раскиданными по льду омулями – и чем их больше, тем больше рыбацкая удача и везение.

Такие, прикормленные «бормашем», места на Байкале рыбаки называют «камчатками». Омуль всё больше и больше подходит сюда из глубины моря-озера и рыбацкое счастье улыбается многим чаще и чаще.

Кроме всего этого, клёв омуля зависит от многих других факторов: от погоды на льду, от ветра, от подводных бурь и течений, а также от много-многого другого, чего мы, наверное, не знаем, да и узнать до конца вряд ли сможем.

А какое яркое солнце бывает на Байкале! Кстати, **по количеству солнечных дней Байкал, наверное, не намного**

уступает (а может и превосходит) **известным солнечным побережьям** Чёрного, Средиземного, да и многих других морей. В солнечный «зимне-весенний» день на Байкале, лицо у лунки может так загореть, как ни на одном горнолыжном швейцарском курорте. Лучи солнца, отражаясь от зеркального и гладкого льда, от снега, прилипшего к нему, в десятки раз увеличив свою мощность, приятно греют щёки и подбородок. Но если на таком солнышке «прикорнуть» у лунки на «какой-то часок», то затем необходимо спасти свою кожу уже от солнечных ожогов!

Но зато по этому, полученному зимой или ранней весной, загару опытный иркутянин сразу поймёт, что вы были на Малом море (так называется часть Байкала в районе острова Ольхон), на рыбалке. И спросит: «Но-о, как?». При этом звучит непонятное – то ли «ну», то ли «но», но в значении «ну». А после вашего рассказа об успешной ловле скажет: «Но-о, неплохо!». В этом случае «но» уже будет означать «да». И по этому характерному «но» можно безошибочно определить коренного прибайкальца и забайкальца среди жителей других мест нашей страны.

Лучшей «наградой» для рыбака является **«расколodka»**, приготовленная здесь же у лунки, **из замёршего**, почти до твёрдости льда, **омуля**. Поскольку это блюдо готовится не дома, то кожу на рыбе отбивают, «расколачивают» не на пороге (колоде) избы, а прямо на льду. Затем, легко сняв «отколотенную» рыбу кожу и почистив внутренности, омуля разрезают на крупные куски и обильно посыпают солью с перцем. Чарка водки из металлической кружки и глоток студёной

байкальской воды прямо из лунки для такой деликатесной закуски, как правило, не оказываются лишними...

Ещё более неповторим вкус, приготовленной на «скорую руку» из свежего и разделанного на небольшие кусочки без костей омуля, **рыбацкой закуски – сагудая** («пятиминутки»)! Это чем-то схоже со вкусом малосоленного огурца, но гораздо нежнее и **тает во рту** не только без хруста, но, кажется, даже и без разжевывания, почти как конфета, пахнущая только не шоколадом, а морем и его обитателями.

Вкусен также омуль, зажаренный на костре, на берегу «**на рожнях**» (срезанных и обструганных ветках деревьев).

Однако же, несомненно, более всего непередаваем вкус **свежепосолённого омуля** с отварной картошкой и чёрным ржаным хлебом. Именно такой омуль в знаменитых «**омулёвых бочках**» и составлял во все времена **имя и гордость Байкала**.

Пусть не сложится у читателя неправильное впечатление о Байкале как лишь о крайне суровом и грозном. Это не так. **Порою, дни и вечера на Байкале бывают очень тёплыми и ласковыми**, несмотря на его прохладную и даже холодную воду. В эти моменты кажется, что ты находишься где-то не здесь, а на побережье тёплого южного моря. Таким умиротворяющим и нежным Байкал бывает в некоторые дни июля и августа, а также в своих песчаных заливах, многие из которых зовутся «сорами». В них вода прогревается до температуры почти нормального, а не «моржового» купания. И Байкал тогда видится чуть ли не Чёрным морем...

Вообще-то **с Байкалом неразрывно связано всё около**

него и далеко за ним на Восток. Ведь не зря же Бурятию и Читинскую область ласково называют **Забайкальем**. Байкал формирует в округе от себя не только определённый климат, оказы-

вает влияние на природную среду, леса, луга, реки, но и способствует выработке особого уклада жизни людей, их характеров и привычек.

Например, коренной житель Прибайкалья или Забайкалья никогда не судит о каком-то природном явлении скоропалительно. Он всегда подходит к любому такому случаю очень обстоятельно и всесторонне. И лишь после этого, осторожно, с оговоркой выражает свою оценку или мнение. При этом, он как бы даёт понять, что много-много всего, что планирует или хочет сделать человек, в огромной степени зависит от могущества и непознанных сил природы, а зачастую конкретно от Байкала.

Байкал щедр на нашу любовь к нему и его любовь к нам. Он, действительно, как бы захватил в своё окружение многих из нас. Ведь достаточно вспомнить, какое огромное количество фотографий, рисун-

ков, картин, кино- и видеофильмов, книг, брошюр и сувениров о Байкале имеется в наших домах, квартирах, дачах и служебных кабинетах. Мы с радостью рассказываем о прелестях Байкала всё новым и новым своим знакомым, тем самым, расширяя круг его поклонников и друзей.

Недавно вместе с коллегами из Иркутска и Москвы, я имел возможность познакомиться с интересным опытом землеустроительной и природоохранной деятельности в Австрии. И, находясь там, за тысячи километров от Байкала,

мы по несколько раз за день невольно возвращались к проблемам Байкала, и как бы через призму его кристально чистого льда пропускали животрепещущие для всей мировой цивилизации вопросы.

Напомню также, что имя «Байкал» в своё время было позывным у наших разведчиков и лётчиков-космонавтов, его в таёжных сёлах дают хорошим охотничьим лайкам, присваивают кораблям и кинотеатрам, да и наша общественная организация иркутян-земляков в городе Москве (Иркутское землячество) тоже с гордостью носит имя «Байкал».

Несомненно, Байкал очень привлекателен для всех, кто мечтает хоть один раз побывать на его бере-

гах. А, побыв здесь, человек зачастую затем становится его приверженцем и «пропагандистом» на всю свою жизнь.

Много раз мне посчастливилось наблюдать бури восторгов, эмоций, криков души и простое спокойное восхищение

Байкалом десятков и десятков его гостей – наших родственников, коллег, товарищей и друзей.

Вспоминаю, как мы купались в Байкале с известным американским певцом **Дином Ридом**. Я предложил ему вместе со мной проплыть символически несколько метров,

а он, опережая меня, поплыл дальше. И мне пришлось всяческими знаками и словами возвращать его обратно к берегу. Так его увлек Байкал...

С каким нескрываемым восторгом, плывя на катере «Багульник» по Байкалу, мы пели песню **«Славное море – священный Байкал»** с нашим другом из Австрии **Рейнхольдом Вессели**. Он об этом мгновении мечтал со своего послевоенного детства, когда в школе его учил русскому языку и этой песне

учитель, отбывавший плен в районе озера Байкал на строительстве какого-то завода. Именно здесь, по-видимому, тот выучил эту песню и русский язык. А

Рейнхольд Вессели даже ноты и текст с тех времён сохранил. И вот совсем недавно его заветная мечта побывать и спеть эту песню на самом Байкале сбылась! Теперь он приезжает сюда ежегодно с друзьями и коллегами, помогает лучше обустроить побережье Байкала и сохранить его для будущих поколений жителей Земли.

Восхищённо смотрели на Байкал и наши гости – лётчики-космонавты, когда мы привозили их в **Листвянку**. Казалось бы им, так много повидавшим и видевшим Байкал не один раз из космоса, «всё приелось», но нет! Всех трогает и не оставляет равнодушным Байкал!

Особо всех поражает, когда предлагаешь гостям вместе с собой зачерпнуть и **выпить по стакану воды прямо из Байкала**. Вначале возникают небольшое недоумение, недоверие и даже смятение, а затем, уже после нескольких глотков чистой байкальской воды – **восторг и изумление!**

И таких радостных мгновений Байкал дарит нам бесчисленное множество. Хочется сказать нашему священному озеру-море в очередной раз «спасибо» и пожелать ему и нам всем новых счастливых минут, часов, дней и лет взаимного и гармоничного общения!

Иркутск – Листвянка – Ольхон –
– Култук – Байкал – Москва,
2001–2007 гг.

СНОВА О ПЧЁЛАХ И ПУСТОШКЕ

О

б этих замечательных **труженицах – пчёлках** можно говорить и рассказывать бесконечно! И при этом, наверное, всё равно не выскажешь и малой толики всех тех добрых слов, которые они, без всякого сомнения, заслуживают в свой адрес за их неутомимую деятельность.

Ведь, действительно, нельзя не восхищаться тем, как в этом маленьком, совсем крохотном существе, которое и назвать-то насекомым даже язык не поворачивается, сосредотачивается столько всего полезного и поучительного для всех нас...

Энергичные пчёлки с раннего утра и до позднего вечера летают в поля, луга, леса, огороды и сады, несут и несут к себе в улей нектар и много всего другого, что нужно для благополучного существования всей их семьи пчёл и для успешного приготовления в их пчелиной лаборатории (кухне) мёда, перги, маточного молочка, воска и прополиса.

При этом у них как-то не возникает проблемы количества приготавливаемых ими продуктов и веществ. У них нет как у многих животных, да как и у человека, определённой нормы запасов, которые им нужны для жизни и организации собственного благополучия. Ведь, например, та же белка носит себе в дупло – «на зиму» вполне определённое количество орехов.

Пчёлы же несут нектар и всё остальное, нужное им, в улей до тех пор, пока нектар и это «всё» имеется ещё в полях и лугах, или пока не наступят холода и они уже из-за угрозы заморозков не смогут покинуть своё жилище.

Их запасы мёда, как правило, во много, а как минимум в несколько раз, превышают то его количество, которое им всем необходимо для пропитания не только в тёплое, но и в холодное время года, в первую очередь – зимой.

И это они делают не из-за какой-то непродуманности, как может кто-то сказать – «глупышки они». Просто у них в генах сидит страх перед голодной смертью и они стараются всеми своими силами создать максимально большие запасы продуктов (на всякий случай, на непредвиденные обстоятельства, на холодную и длинную зиму и т.п.) и тем самым перестраховываются, как бы многократно. И хотя мы – пчеловоды, волевым методом берём у них часть этих излишков («продуктовых запасов»), они с этим покорно смиряются. Они после этого вновь устремляются в полёт и несут, и несут в улей новые граммы и килограммы нектара (но справедливости ради, чтоб не сложилось ложного, одностороннего представления, необходимо заметить, что пчеловоды, в свою очередь, тоже заботятся о своих кормилицах-пчёлах, осуществляют за ними уход и стараются всегда прийти им на помощь в нужное время).

Пчёлы не могут бесцельно «прохлаждаться» без дела, как некоторые ленивые люди. Они все постоянно находятся в непрерывающейся деятельности. И даже когда послушаешь улей ночью, то из него доносятся звуки продолжающейся их работы – они перерабатывают принесённый

днём нектар, добавляют в него необходимые составляющие, выпаривают из него лишнюю влагу и укладывают, почти приготовленный, мёд в начищенные до блеска ячейки сот. А затем, уже в сотах, доводят мёд до нужного состояния и только после этого («приёмки их ОТК – отделом технического контроля») запечатывают ячейки восковыми крышечками. После этого они ещё следят, чтобы мёд в запечатанных ячейках продолжал «доходить» до требуемого у них качества и состояния.

Ах, как бы была прекрасно обустроена наша Земля и жизнь всех людей, если бы каждый человек не ленился, а трудился бы так же неутомимо как пчёлы, или, хотя бы, близко к этому!!!

Конечно, кто-то скажет, что нельзя же жить только для труда. Нужны удовольствия, и «возвышенное», и «изящные искусства» и т.п.

Всё это имеется и в деятельности пчёл! Когда смотришь на созданные ими из светлого воска соты, то можно бесконечно любоваться этим уникальным произведением искусства. Здесь имеются поражающие нас точность и изящество форм. А те соты, которые они делают вне рамок, на свободных по нашей вине – вине нерадивого пчеловода – местах улья, восхищают ещё больше. В их ячейках, как бриллианты в оправе, сверкают капельки мёда. Они, как белоснежные и нежные творения природы, всегда несколько неожиданно предстают перед нашими глазами и любоваться ими хочется как можно дольше!

Огромное удовольствие и гордость за этих созданий природы доставляет наблюдение за работой пчёл в ясную солнечную погоду. Одна за другой они очень быстро выползают, а скорее даже выскакивают из

летка улья и стремительно улетают в поисках нужного им нектара. В это же время большое количество пчёл, уже нагруженных нектаром и другими полезными веществами, находятся в воздухе, в несколько рядов, как маленькая тучка, около прилётной доски улья и как бы просят разрешения на посадку, как самолёты на аэродроме, а затем, по-видимому, получив это разрешение, по очереди, тяжело приземляются и медленно, но уверенно, с «чувством выполненного долга», вползают в леток улья и там, наверное, «сдают» собранное ими «приёмной комиссии». Такая их прекрасно организованная деятельность побуждает и человека лучше и продуманнее строить свою разумную работу и творчество.

Как красиво всё в открываемом улье! И рамки с запечатанной (закрытой восковыми крышечками) деткой, и рамки с запечатанным мёдом, и аккуратные, побелённые свежим воском, улочки между рамками, и промазанные как шоколадом, светло-коричневатым и блестящим под солнечными лучами прополисом, стыки и щелочки в построенном человеком улье, и нарощенные из воска выше брусков рамок ровные «гребешки» (бугорки) и многое, многое другое.

Завораживающе красив, вышедший из улья, новый рой пчёл! Вот он с гулом постепенно собирается и образуется в виде мохнатой собаки на стволе осины, что недалеко от улья. В нём находятся тысячи пчёл, прижимающихся к веткам, друг к другу и к матке. Они вылетают с трёхдневным запасом мёда и, если попадают под непогоду, то, находящиеся сверху из них, опускают свои крылышки вниз и капельки дождя стекают по ним. Это напо-

минает древних русских воинов, которые собравшись вместе и укрывшись щитами, отбивали тысячи стрел, пущенных на них иноземными вóрогами. Рой не неподвижен, а, наоборот, воспринимается как единое живое существо. Каждая пчела в нём машет, по возможности, крылышками, слегка движется и дрожит. Поэтому-то порой и кажется, что весь он дышит и шевелится.

Однако любоваться роем желательно недолго. Необходимо быстро и осторожно его собрать и сыпать в новый улей. А иначе – одно мгновение – и все тысячи пчёл уже в воздухе и полетели искать новое для себя пристанище...

Красиво гудят пчёлы на цветущей яблоне. Они тысячами облепляют её соцветия и в своей работе издают разные звуки, сливающиеся как бы в своеобразную симфонию. И эта созидательная «пчелиная симфония» звучит так умиротворённо вместе с другими звуками благоухающей майской природы...

Слушаешь эту «симфонию» и невольно проникаешься ещё большим уважением к нашим труженицам-пчёлкам, которые то улетают с яблони, то снова возвращаются. Но это почти незаметно и кажется, что пчёлы весь день здесь и находятся, и с утра и до ночи играют для нас эту свою прекрасную «симфонию».

Бесподобно красив сам **м-ё-д!** Если перефразировать слова из известной песни о сталеварах, то можно сказать: «...на свете нет прекрасней красоты, **чем красота текущего мёда**». Мёд медленно и достойно вытекает из крана медогонки и его янтарная струя вся искрится и блестит множе-

ством преломляющихся искорок и оттенков. Непрерывность струи свидетельствует о хорошем и доброкачественном состоянии мёда.

Пчеловод никогда не скажет о мёде – **засахарился**. Он скажет – **закристаллизовался**, а, скорее всего, даже скажет – **сел** или **севший** мёд.

Это слово выражает весь данный процесс. Вначале, в жидком и прозрачном, как янтарь, мёде, образуются малюсенькие, почти невидимые кристаллики. Мёд постепенно теряет прозрачность и даже мутнеет. Кристаллики как бы **салятся** на дно ёмкости, в которой находится мёд. И так, со временем, он мутнеет всё больше и больше и превращается в массу с видимыми даже невооружённым глазом мелкими, средними или крупными кристалликами, или становится похожим на топлёное сало.

Цвет мёда бывает разный – в зависимости от вида нектара, от того, с каких цветов он пчёлками собран. То он бывает янтарный, то коричневатый, то тёмно-коричневый, то светло-жёлтый, то почти бриллиантовый. Но какого бы цвета не был **настоящий мёд** – он **прекрасен сам по себе** как

великолепное творение пчёл и природы, является как бы «**пищей богов**» и достоин всяческого уважения и поклонения...

А вот что пишет в своём «**Дневнике вос-**

торгов души» теперь уже не начинающий, а достаточно опытный пчеловод-любитель **Татьяна Николаевна Герасименко**, по-прежнему продолжающая работать вместе с нами (или мы с ней?) с пчёлами в нашей деревне Пустошке.

«...Чудесный май. По вечерам поют соловьи. Нахожусь неотлучно на пасеке. Вокруг **прекрасный медосбор**. Одуванчиков – море, цветы насыщенные, толстенькие, а нектар у них такой сладкий. Цветут сливы, вишня у Семёновны, яблоньки тоже цвели очень буйно. **Пчёлы купаются в пыльце**.

...Высадила смородину от Дёминых. Вечером буду сажать капусту. Работаю с огромным удовольствием. Только руки вечером ноют – сердятся на меня.

...Ночью шёл дождь, тепло. **Воздух утром – не надышишься!**

... Выход огромного роя из улья № 1. Сел на черёмуху по

всему стволу. Решила трясти прямо в подготовленный домик (улей). Смотрела очень внимательно, **определяя, где может быть матка**. Трутень в одну из гуц пролез. Ну, думаю, там она. Это скопление мягкой волосяной щёткой смела в домик, потом выше, ещё и ещё, прямо на

рамки. Пчёлы начали лететь туда же. Оставалось только трясти и сметать остальных. Пчёлы пошли в домик и я поставила его на место.

...Пасека в утренней прохладе. И мне надо поработать (до новых роёв) внутри дома. **Принесу большой берёзовый веник для стен, заварю травы пахучие, протру пол душистой водой и порядок!** Здесь пыли нет – всё вокруг устлано огромным зелёным ковром. **А воздух!** Им не просто не надышишься, **его как будто пьёшь!**

...Я начинаю понимать этих чудесных насекомых, проникаюсь к ним всё большим уважением. Как они организованы и благоразумны.

Растопила русскую печь – чудесное изобретение на Руси – варит, парит, сушит, греет. На улице дождь и яркое заходящее солнце. Дождь затих. И о, чудо! Две радуги! Одна яркая, чёткая, другая побольше, несколько блёклая, но тоже непрерывной дугой через весь небосклон. Ходила любоваться ими. Заметила лесной кусочек и опушку леса, куда упиралась одним концом радуга. Пойду туда искать грибы. Это был, наверное, мне знак. Потрескивают в печке дрова.
На душе покой и умиротворённость. Спокойной ночи, моя маленькая страна – Пустошка!

... От ручья накатывает туман. Мягкая белая пелена всё ближе и ближе, **скоро подкатит ко мне под окошко**. Хорошая примета – скоро пойдут грибы.

...Рой лепится на маленькую осинку. Слава Богу! А то опять бы, как вчера, с большой рябины пришлось стряхивать шестом, используя ещё водяной фонтан («душ») и длинную лестницу. Ветер качает всю осинку. Подставила под самый рой бачок без марли, **трясанула**.
Всё. Часть упала на траву, но матка в бачке, наклонила его – ползут в бачок. Пусть остальные идут туда, откуда вышли. Поставила бачок, накрытый марлей, под сирень. Проверила – там тихий умиротворённый гул. Успокоились. Ссыпать буду вечером в № 7, мне он кажется слабым.

...Сегодня был жаркий день. **Пчёлы так приятно гудели**

от работы, а я пела от радости. В какой улей не загляну – везде рамки «забелены».

... По всем ночам у нас **за пасекой поёт коростель** на одной нескончаемой трескучей ноте. Так и **засыпаю под его концерт.** Мои пташки со мной дружат. Я различаю, когда они тревожно кричат – значит близко сорока или кошки. Кидаюсь к ним на помощь и вместе гоним ворогов. Мне даже кажется, что они в этот момент стараются вначале звать меня, подлетают близко и по-своему зовут тревожным криком. Особенно отличаются ласточки. После того как сорока улетит, они кружат надо мной в знак благодарности. А птенцы других «малёх» уже оперились. Такие красивые желторотики, ещё ни разу не пискнули. Только их родители, сидя на проводах, постоянно кричат: «Нету, нету». Я им говорю: « Конечно, нету, никого тут нету. Не мешайте нам кормить желторотиков».

... Большой рой высоко на осинке, хорошо – тонкая. Позвала Лиду. Она держала бачок на голове, а я гнула осину в бачок и тряснула туда толстым слоем, остальное – на Лиду и траву – хорошо, что утром прокосила. **Наклонила к траве бачок – ползут «солдатики».** У меня выработался метод **собирать рой наполовину, а вторую половину возвращать в улей, откуда он вылетел.**

... Пчёлки летают при малейшем просветлении погоды. **Вовсю цветут Иван-чай, зверобой, таволга, раскрываются зонтичные – дягиль лесной, купырь и прочие. Красотища!** Я старалась не косить лопух и сейчас его стволы – высокие, с большим количеством колючек, последние зацветают, да так красочно. Пчёлы тоже берут с его цветов нектар.

... **День промчался вскачь.** Два выхода в лес за грибами. Скоро полночь. Закончила разборку грибов. Волнушки замочила, подосиновики поставила варить, а подберёзовики завтра отцежу – они разомлели. Бачок уже **полон прес-**

сованных, отварных, надушенных чесноком, смородиновым листом, укропом и прочим, грибов.

... Холодные ночи, заморозки. Мне нравится, проснувшись, открыть занавеску и посмотреть на рассыпанные по траве «бриллианты» - по ещё зелёной траве на пасеке – крупные, а по седой, уже высохшей – мелкие. А с веток осинки они свисают крупными каплями, слегка колышутся под ветерком и **переливаются в лучах солнца. Изумительная красотища!**

... Утро. Солнце встаёт. Небо чистое. Осинки давно голенькие, а макушки берёз ещё золотятся под лучами солнца, да рдеют гроздья рябины. Клин за клином летят гуси, иногда прямо над нашим домом. Воздух так чист и свеж, хоть пей. **Сейчас разведу огонь в печи, неспешно заварю чайку и, глядя на огонь, попью чай с мёдом. Это ли не счастье?!..»**

... Берёзки и осинки с каждым годом всё ближе и ближе подбираются к нашему дому в Пустошке. Всё выше и выше они взметнулись на когда-то пахавшихся и дававших неплохой урожай зерна, а не грибов, совхозных, а ранее колхозных, полях. На некоторых полях они уже заглушили, так любимый пчёлами, хороший медонос – Иван-чай, который рос на них в первые годы запустения. Не хочется верить, что так забрасываются пашни и поливные луга по всей России. Ведь где-то, наверное, должен родиться хлеб – не всё же нам завозится из-за границы. А если кончат завозить или нечем будет за это платить? Снова начнём корчевать лес и поднимать целинные и залежные земли..? Не знаю!

... Пчёлы и люди в Пустошке тоже не знают. А кто знает..?!

Пустошка – Поваровка – Москва,
2004–2007 гг.

И ВНОВЬ САМОЕ ЛУЧШЕЕ ВРЕМЯ...

Самое лучшее время – неторопливый сбор грибов. Некоторые его называют «тихой охотой». Возможно потому, что при этом действительно тихо – нет выстрелов, криков, погони, а сам процесс охоты, поиска, добычи имеется.

Но это не всё. Думаю, что для большинства грибников, тех, кто действительно любит собирать грибы, это ещё **тихая и бурная радость**.

И как же не радоваться, когда среди вороха старых листьев, веток и яркой зелени вдруг вымотришь или, как часто бывает, почти неожиданно наткнёшься на истинного красавца, царя грибов – **белый гриб**. Конечно, он растёт не в каж-

дом лесу, а преимущественно там, где красуются стройные ели, сосны или берёзы. Вот и он стоит с такой гордой осанкой, достаточно толстой шляпкой и обязательно на очень могучей и основательной ножке. Когда вдоволь налюбовавшись им и сожалея, что нельзя вот так целиком его вместе с частью этого замечательного леса положить в корзинку, начинаешь бережно открывать от листьев и земли его ножку, то она оказывается так глубоко, что воистину начинаешь думать о том, что белый гриб имеет могучие, далеко идущие корни и что вся его такая заметная и видная мощь идёт оттуда – из глубины нашей Планеты Земля!

Такой **царь-гриб** заслуживает не только нежного и иск-

ренного поцелуя, но и самого бережного и трогательного отношения к себе. Он доставляет столько тихой и бесконечно глубокой радости, что она надолго остаётся в душе и памяти.

К счастью, это не всё. Здесь же рядом с ним, под этими такими прекрасными ёлочками нахожу **второй**, несколько меньшего размера **белый гриб**, а затем чуть-чуть в сторонке и **третий белый гриб**. Опять долго ими любуюсь и

сожалея, что нельзя всю эту грибную семейку вместе с лесом положить в корзинку и принести домой, вновь убеждаюсь в том, на каких крепких ножках растут эти красавцы. У одного из них ножка раза в полтора оказывается объёмнее самой шляпки и чтобы её взять почти полностью, оставив, несомненно, самый низкий её кусочек (корень) в земле, пришлось аккуратно, но здорово туда углубиться. А другой нацеплял на себя столько прошлогодних, а может быть позапрошлогодних листьев и травы, что его пришлось, не спеша, выпутывать из них.

Слегка «переварив» эти волны тихой радости и всё ещё находясь под их воздействием, счастливый и довольный, потихоньку осматриваю всю прилегающую к этому месту территорию леса. Двигаюсь взад-вперёд, то кругами, то зигзагами, и всё дальше и дальше отхожу от удачного места, на котором оставлена моя корзинка. Но нет, наверное, хватит – ведь и так много приятного получено в этом месте леса, да и земле не так было просто собрать и выдать столько своих сил в этих красавцах – белых грибах, уже лежащих в моей корзине. Спасибо ей за это!

С чувством успокоенности и благодарности возвращаюсь к своей корзинке, с другой стороны огибаю красавиц-ёлочек и неожиданно вижу, что совсем недалеко от первого найденного мною белого гриба, в траве прячется ещё один, но совсем **маленький белый грибочек**. Может быть, он только сейчас несколько больше выглянул из травы, пока я делал свои «кругали» – вокруг да около. А может солнечные лучи пробились сквозь деревья и осветили его под другим углом, и он стал более заметен. Снова долго люблюсь им, нежно и бережно открыв его маленькую, но уже довольно массивную по сравнению со шляпкой, ножку, срезаю его и аккуратно укладываю в корзинку. Благодарю лес, грибницу, солнце, дождь, туман, и всех-всех за это, доставленное мне, время тихой радости...

Иду дальше и замечаю около берёзок в траве две ярко-красные шапки **подосиновиков**. Они стройны, как солдаты из английской королевской гвардии, а их такие выразительные шапки-шляпки даже чем-то похожи на пышные папахи этих гвардейцев.

Стоят они на толстых, крепких и достаточно высоких ножках. Поэтому-то их и стало заметно в траве, а один из них даже немного выступает из неё.

Поприветствовав их, бережно освобождаю ножку одного из них от листьев, затем другого и вдруг вижу, что к последней буквально прирос ещё один совсем маленький подосиновичек. Сверху его не было видно – он был там, внизу, в прошлогодней траве. И эта маленькая семейка подосиновиков – ядрёных, тугих и приятных на вкус грибов, также доставляет немало тихой и светлой радости.

...Вот стали попадаться один за другим **подберёзовики** – грибы наиболее вкусные в грибнице, приготовленной на чугунной сковородке. Искать и собирать их не так уж

сложно. Сложнее и более трудоёмко выбрать из них те, что более всего пригодны к домашнему приготовлению. Лучше в данном случае собирать молоденькие и **маленькие подберёзовики**, которые привлекают к себе стройностью и упругостью.

Ещё лучше собирать **черноголовки**. Они по цвету ближе к подберёзовикам, только намного темнее, даже несколько коричневатее, а по виду и стати похожи на подосиновики – с такой же толстой, крепкой и высокой ножкой и достаточно упругой шляпкой. Искать и собирать их тоже огромное удовольствие.

В другой поход в лес устремляемся на поиски **опят**. Вот они, почти белыми, а скорее всё же жёлтыми «**баянными кнопочками**» рассыпались по низу ствола берёзы. Некоторые из них даже не «баянные кнопочки», а «**белые бусинки**». Они только-только «пошли» и поэто-

му стараемся найти опята покрупнее. А вот и такие – эти уже как бы разворачивают свою свёрнутую внутрь шляпку и, несомненно, пригодятся на домашней кухне. Вообще-то долгое время после переезда из Сибири в Москву мы никак не могли привыкнуть к этим грибам. Они не очень внушали доверие. Но постепенно смирились, и теперь нам кажется, что опята тоже очень вкусные и хорошие грибы, особенно маринованные.

Растут опята везде – где они только не растут – и по стволу берёзы вверх, так что порою их даже приходится сбивать палкой, и по стволу упавшего дерева, и на пнях, и на отдельных толстых сучьях, и в траве. В урожайные годы только очень-очень ленивый грибник не сможет их набрать. Собирать их легко и приятно.

В первой части книги уже написано, как в Забайкалье собирают **сырые грузди**. В Подмоскowie и Тверской области, к сожалению, таких грибов не водится. Но есть немного похожие – **чёрные грузди или чернушки**. Собирать их не просто. Растут они, как правило, в лесу, густо покрытом старой листвой, травой и хвоей. Всё это тёмного, даже чёрного цвета. И чернушки тоже чёрного цвета. Поэтому отыскать их довольно-таки трудно.

Дело облегчается, когда найдёшь первую чернушку. Ведь растут они, как и сырые грузди, грядами. Сразу начинаешь искать в листве следующую. Иногда приходится активно поворошить листья и бугорки палочкой. И вот тогда действительно начинаешь собирать чернушки – одну за другой. Они тоже, как сырые грузди, губастые и твёрдые, хотя и тёмного вида. А после соответствующей домашней засолки они – вкусные и притягательные, как и другие, собранные в самое наше лучшее время, грибы...

Самое лучшее время – лыжная прогулка. И уж, конечно, не лыжная гонка за победой, как у спортсменов, а самая **простая прогулка по зимнему лесу на лыжах.**

Полной грудью вдыхаешь прохладный, слегка морозный воздух. И его всё хочется, хочется и хочется вдыхать.

Лыжи, слегка шурша, катят тебя по ослепительно белой и чистой лыжне. Вокруг – белое пространство, на фоне которого деревья смотрятся очень выразительно и красиво.

На вечно светло-зелёных соснах и тёмно-зелёных елях огромными пригоршнями рассыпан снег. Он

лежит на их ветках, а местами задержался и прилип к неровностям стволов. На других деревьях снега меньше. Их голые ветки он как бы сделал немного толще, более «неровнее», но бесподобно красивее, изумительнее и сказочнее!

Сегодня повезло! Неожиданно, сквозь облачность начинают пробиваться солнечные лучи. ...Солнечные лучи летом – это что-то обычное, само собой разумеющееся. Их принимаешь как должное, хоть и радуешься, но не настолько – насколько всё это же воспринимается зимой. Так и сейчас, когда после долгого периода пасмурной, ветреной, промозглой и «смурной» погоды, выглядывает солнышко, и его **воспринимаешь** радостно, **как подарок, как какую-то даже награду за долгое терпеливое ожидание его появления...**

В одно мгновение вокруг заплясало огромное количество солнечных зайчиков – это солнечные лучи, пробиваясь через ветви деревьев, попадают на снежный покров и образуют жёлтые пятнышки.

Если посмотреть вверх, то видно, как солнце играет на верхушках вековых елей, блестит снег, и ещё желтее становятся стволы стройных сосен.

Лыжня поворачивает и выходит на просеку, к восемьдесят пятому пикету. Солнце, по-прежнему, ослепительно брызжет в глаза мириадами искорок, которые, многократно отражаясь от кристалликов снега и льда, летят и летят в воздух, делая всё вокруг таким светлым и праздничным...

Автором и создателем всей этой сказочной картины зим-

него леса, так сильно отличающейся от его летнего вида своим каким-то несколько сонным и почти безмолвным состоянием, яв-ля-ет-ся, конечно, м-о-р-о-з! Это он со своими спорыми помощниками – снегом и ветром так причудливо украсил деревья, пни, коряги, опушки и поляны.

... Когда идёт снег, то снежинка за снежинкой прилипают к веткам елей и сосен. Вот уже и вся ветка покрыта белым украшением.

На кроне этой ели – целый сугроб снега – под его тяжестью ветки сильно прогнулись, но снег не скатывается, а упрямо держится за приглянувшиеся ему ветви. И только когда немного потеплеет, этот огромный пласт снега соскользнёт, наверное, вниз и с резким звуком «ухнет» на лежащий на земле снег, вызвав раскатистое, как от выстрела, эхо.

Подул ветерок и часть снежинок, слабо прилепленных друг к другу, к веткам и стволам деревьев, понеслись дальше. Какие-то из них цепляются за другие ветки и стволы, за своих снежинок-подружек, уже облюбовавших своё место, а другие медленно опускаются на белоснежное покрывало, укрывающее землю, делая его ещё толще и как бы даже «теплее».

Теперь лыжня выходит на поляну – почти как из сказки «Мороз – Красный Нос». С одной стороны её окружают стройные, не очень высокие ели – все в сказочном убранстве. А с другой стороны белеют стволы голых берёзок. Поляна так светла от ослепительно белого снега, что хочется даже зажмуриться, как от яркого солнца.

Здесь поперёк лыжни, справа, под тяжестью прилипшего к её стволу снега, склонилась стройная берёза. Снег наклонил её так, что она верхушкой уже вмерзает в находящийся слева от лыжни замёт снега. Слегка покачиваю её ствол и вот она, уже освобождённая от упавших с шумом с её ствола огромных кусков снега, резко выпрямляется и устремляется снова вверх – к свету и солнцу.

Сказочны не только деревья, а и весь этот зимний пейзаж. Снег не только облепил все пни, коряги и поваленные деревья, он также выровнял и заровнял ложбинки, ямки, бугорки и другие неровные места. Поверхность земли теперь кажется такой ровной и гладкой, как-будто это озеро, река, пруд или море. И только лыжня «выдаёт», что это «не так». Снег под лыжами проваливается, и лыжня, хотя бы частично, повторяет неровности местности. Вот она ушла в ложбинку, а вот поднялась на небольшой бугорок, а вот скользит по ровному, «почти, как горизонт», месту...

Небольшая ель вся «с головой» укутана снегом. С вершины и почти до нижних веток она сильно облеплена белоснежной массой, отчего её вид и профиль резко изменились и лишь можно только угадывать под этим зелёные и гибкие её веточки. И вот так, почти как «эскимо на палочке», она стоит и украшает сказочный пейзаж...

Вообще-то, если внимательно взглядеться, то чего только нет в этой зимней сказке. **Мороз, снег и ветер вылепили много всего занимательного и интересного для нашего взгляда...**

Видны признаки и **других обитателей леса**, а вернее истинных его хозяев, поскольку мы – люди – только, скорее всего, гости в этом мире природы. Вот **след зайца** – он «сиганул» прямо через лыжню. А вот этот же или другой заяц осмелился пройти перед нами по укатанной за зиму лыжне и оставил свои следы на снегу, засыпавшем её за прошедшую с прошлой нашей лыжной прогулки неделю. Он, по-видимому, шёл очень уверенно, пока кто-то ему не помешал или не спугнул его.

Далее замечаем **следы лисы**, тянущиеся цепочкой – это она, наверное, спугнула зайца и устроила здесь целую карусель следов. Зайцы «набегали» так много, что снег истоптан, будто их здесь было огромное множество.

А это **следы белки**. Она шустро пробежала по снегу, перебираясь через просеку, и у дерева, на которое она, по-видимому, и забежала (а именно так резво, как мне помнится с детства, она бегаёт) её следы закончились.

Весной зверушки часто из леса тянутся к жилью. Они смело подбираются к огородам и дачам. Вот и здесь, почти у самых наших домов, вновь замечаем много следов, набегавшихся видно вдоволь за морозную мартовскую ночь, зайцев.

...Стало теплеть. Солнце греет всё больше и комки снега, прилипшего к веткам елей и сосен, не могут держаться на них и под тяжестью веса скатываются вниз, создавая завесы из мелкой снежной пыли. Она, также как выпавший летом из неожиданно набегавшей тучки дождь, искрится и сверкает, и медленно опускается на покрытую снежным покрывалом землю. Такие завесы появляются то там, то здесь и от этого создаётся дополнительное ощущение весеннего оживления леса и всей природы.

... Наступает момент, когда лыжня под действием тёплого весеннего воздуха всё больше и больше проваливается под нашими лыжами и нашим весом. Весна берёт всё боль-

ше и больше прав над природой, а **зимняя сказка** и вправду **тает прямо на наших глазах**.

Ослепительно ярко светит солнце, набухают почки на берёзах – скоро уже пойдёт, наверное, берёзовый сок, забелели макушки веток тальника и брединника – скоро пчёлы по-

несут с них нектар и пыльцу-обножку себе в улья...

Очень не хочется расставаться с замечательными лыжными прогулками..., но впереди у следующего сезона года есть свои прекрасные

мгновения и поэтому **по последней лыжне мы устремляемся навстречу другому самому лучшему нашему времени...**

... Уже побежали ручьи и ручейки. Солнышко постепенно слизывает все остатки снега. Вначале он всё оседал и оседал под действием тепла, его слой становился всё тоньше и тоньше, он всё темнел и темнел от талой воды, которая текла под ним. И вот так, постепенно, **снежное покрывало**, укрывавшее землю всю зиму, и к которому наши глаза сильно привыкли, **и-с-ч-е-з-л-о**.

Как-будто прямо из-под снега, как им и положено, **«выпорхнули» ярко-белые подснежники**. Вообще-то в некоторых местах, действительно, наблюдалось, как они пробиваются через снег и даже через лёд. Какая же в них сила жизни!

Этот «героизм» растений вдохновляет всё живое. «Всё» устремляется навстречу теплу и солнцу и «всё» от тепла и

солнца приходит в движение. Вот забелели уже полностью ветки ивняка вдоль речки и пруда, появились первые цветы – мать-и-мачеха, пробиваются листья на деревьях.

Природа как бы пробуждается. Хотя сказать, что зимой

она спала, будет не совсем точно. А даже, если и спала, то всё равно продолжала жить. Ведь если зимой медведь спит в берлоге, он всё равно живёт и существует. Так и природа – она замедляет свои процессы зимой и резко, и буйно их ускоряет с приходом тепла.

Свидетельством этому является усиливающееся **многоголосье птиц**. Их щебетание и пение становится всё громче и громче. Да и самих птиц, по-видимому, становится больше. Они как бы «подтягиваются» к нам сюда, поближе к домам, из леса и лугов.

Пение птиц, если к нему внимательно прислушаться, представляет «хор» или какую-то целую свою птичью музыкальную «композицию».

Слушая пение птиц и их одним им понятное щебетание, лишний раз вновь осознаёшь своё единение с природой Земли, со всем, что имеется на нашей маленькой, в масштабах огромной Вселенной, планете.

Конечно, различать птиц по их пению дано не каждому. Да это и не нужно. Можно просто слушать и тихо наслаждаться их многоголосным пением...

Вот **раскатисто-раскатисто запела кукушка**. И сразу вспомнилась народная поговорка: «Если кукушка поёт на

голый лес – к голодному году...». Но, на деревьях уже появились зелёные листики – значит, будем надеяться, что с будущим урожаем всё будет в порядке...

Послушать кукушку – это большое удовольствие и огромная редкость для городского жителя. И пение кукушки, а ещё утром, в хорошую солнечную погоду, как бы придаёт всему особо приподнятое и «пасторальное» настроение. Её раскатистое и далеко-далеко разносящееся пение пронизывает всю природу какой-то весенне-летней тягой к жизни и действию.

Красиво поют на восходе солнца **косачи (тетерева)** на своих «токах», какие бесподобные танцы они устраивают вокруг самок. Это редкое зрелище напоминает чем-то темпераментные испанские танцы.

И тогда **замираешь и делаешься неподвижным**, как бы окаменелым, **увидя луг в вечерних солнечных лучах** или другую **неземную**, а на самом деле **самую что ни на есть настоящую земную красоту – прекрасное создание её Величества Природы...** Это и есть **самое лучшее мгновение жизни...** После т-а-к-о-г-о, наверное, ни у одного, даже пусть и плохого человека, **не должна подняться рука на какое-то недоброе дело...**

РОДНЫЕ ЗАПАХИ

У

каждого человека в памяти сидят свои, одному ему понятные, и возможно, с самого детства знакомые и приятные, запахи.

Это – запах жилья и родного дома, запах теплоты и тепла материнской груди, запах хорошо и хорошиими дровами истопленной деревенской русской печи, запах одежды, проглаженной утюгом.

До боли в сердце знаком нам всем запах хлеба. Но особенно сладок запах испечённого каравая ржаного хлеба. Когда хозяйка достаёт его на деревянной лопате из дышащей теплом и ароматом русской печи, от него, румяного и гладкого, исходит такой божественный запах, как-будто это и есть начало всего мироздания.

А как прекрасно пахнет свежестыранное бельё, да ещё, если оно было развешено на морозе. Занесённое в дом, оно излучает первозданную морозную свежесть и даже слегка кружит голову как хмельное вино. В него хочется закутаться с головой и хочется дышать и дышать этим – таким неповторимым и ни на что непохожим запахом.

Чудесный запах источает земля после тёплого июльского дождя. При этом кажется, что всё в этот миг благоухает и ти-

хо радуется неожиданно свалившемуся счастью. Земля парит, и над пашнями и лугами колеблется и дрожит почти прозрачное белое марево. И каждая пядь земли, и каждая травиночка, и каждый цветочек, и каждое деревце неторопливо впитывают эти благодатные капли влаги и умытые, нежные, словно дети после купания, искрятся множеством отражающихся друг от друга солнечных лучей. Этот, сводящий с ума, запах хочется собирать в охапки и вдыхать и вдыхать до бесконечности!

Летним днём в степи, в поле или на лугу, подставив лицо свежему ветру, с удовольствием ощущаешь его своеобразный запах. В нём есть всё: немножко горьковатый запах полыни, густой запах клевера, запах цветущего почти всё лето Иван-чая, запахи одуванчика, ромашки, тысячелистника, василька, зверобоя, валерьяны, ковыля и десятков, а может даже сотен других полевых, луговых, лесных и степных цветов и растений, какие в бесчисленном множестве произрастают на российской земле. Этот запах свежего ветра, этот ветром смешанный и настоящий запах так хочется порою вдохнуть в душном и тесном городе!

Совсем по-другому пахнет летом тайга. Это ни с чем не сравнимые запахи багульника, сосны, кедра, лиственницы, смолы, мха, бадана, прелых листьев и хвои, а также всего того, что успевает вырасти и ярко расцвести за короткое сибирское лето. А ещё с тайгой неразрывно связан запах чая, приготовленного на костре – с дымком... Дурманящий запах тайги тянет и влечёт любого, кто хоть раз побывал в ней.

Свежестью и рыбой пахнет с реки, пруда, моря или озера. Этот запах будит рыбацкую страсть, что сидит где-то глубоко в наших генах, наверное, ещё с первобытных времён. При

этом это настолько своеобразный запах, что он нисколько не напоминает запах рыбы в магазине или на кухне. Это, скорее всего, самый настоящий запах воды и поэтому он такой свежий-свежий.

Целый букет запахов дарит нам простая русская баня. Здесь можно вдоволь надышаться запахами берёзового, дубового или можжевельникового веников. А какой здоровый пар идёт от нагретых берёзовыми дровами камней – дух захватывает! От липовых досок полка тоже исходит приятный аромат. Если же ещё на камни плеснуть немножко домашнего кваса или пива, то голова начинает кружиться и без употребления горячительных напитков.

Но настоящий восторг вызывает непередаваемый запах открываемого пчелиного улья. В нём содержатся запахи прополиса, пыльцы, разнообразного нектара и мёда, воска и всего-всего что выработали и принесли труженицы-пчёлы в своё

жилище с полей и лугов. Этот сгусток запахов является как бы вершиной природного созидания, и если это приемлемо в данном случае, – природного творчества!

Бесчисленное количество умопомрачительных запахов приносит нам приготовление и приём пищи, начиная от древнего запаха жареного или варёного мяса и кончая утончёнными запахами вин, пирогов и пряников. Однако каждому из нас ближе что-то своё, например, бесподобные запахи картошки или глазуньи из деревенских яиц с ярким желтком, пожаренных на сале на чугунной сковородке, или запах душистого земляничного варенья, сваренного когда-то бабушкой...!

ТУМАН

Туман бывает не всегда и не везде. В городах редко увидишь **настоящий туман**. В них, как правило, температура воздуха бывает на несколько градусов выше, болота и долины рек встречаются не часто. А ведь туман-то и образуется именно в низинах и этих долинах.

... Вот он – туман появился внизу у реки. Затем медленно стал заполнять луговину. В него постепенно погрузились редкие берёзки и осинки, выросшие по краям, пахавшегося в прежние годы, совхозного поля.

Далее туман «наезжает» на нашу **небольшую пасеку** и в нём тонут улья с пчёлами. И вот он уже «поглотил» шта-

кетный забор, калитку и подкрадывается к крыльцу, на котором стою.

Теперь **туман** огромными **хлопьями обволакивает меня** и я ощущаю его прохладное и такое приятное после дневной жары дыхание. А

он двигается всё дальше и дальше. Он уже «поглотил» наш огород, баню и выполз к дороге и полю с другой стороны нашей улицы.

Реальная картина всего, что до этого окружало меня, растворяется в белом мареве. Туман становится всё гуще и гуще..., и всё вокруг вместе с ним медленно погружается в ночь...

...А утром, когда только начинает светать, ещё до восхода солнца, туман кажется ещё плотнее, гуще, п-р-о-х-л-а-д-н-е-е и даже х-о-л-о-д-н-е-е.

Он как бы выходит из ночи – такой белый и светлый, как начинающийся день.

Первые лучи солнца несмело и робко пробивают, кажущуюся такой огромной, толщу тумана.

Постепенно **туман светлеет**. Вот он ещё охапками цепляется за деревца, ложбинки и понемногу-понемногу расслаивается и исчезает совсем, **растворяясь в наступающем ярком солнечном очередном летнем дне нашей прекрасной Земли!**

Пустошка, июль 2006 г.

ПРИПОЗДНИВШАЯСЯ ЗИМА

Д

ействительно, нынче нужно говорить уже **не о задержавшейся осени, а о припозднившейся зиме.**

...Снова, как и в некоторые другие годы, долго не было заморозков и мокрого снега. Стояла такая тёплая осень, что стали набухать почки на деревьях и растениях, зацвели весенние первоцветы.

И теперь уже даже не в начале ноября, а **в начале декабря собирали и жарили осенние грибы – фиолетовую рядовку.**

Первый снег выпал где-то в середине декабря, но быстро растаял. Вновь он выпал, как подарок, перед самым Новым годом. Удалось даже пробежать по нему, таявшему почти на глазах, несколько раз на лыжах. И он вновь весь растаял...

Начало пятой главы «Евгений Онегин» великого А.С. Пушкина теперь уже прочитали

очень многие. «Со знанием дела» даже цитировали это друг другу. Вспомнили, что в летописях упоминается, что однажды царь Иван Грозный, поехав в январе на снях,

застрял в растаявшей колее. Некоторые стали говорить, что такую погоду нам послали за наши грехи и всякое такое... Но вот **прошел и «пушкинский» срок – 16 января («...на третье в ночь»)** по новому стилю, а снега всё не было. Продолжались дожди. Даже на Крещение – 19 января было семь градусов тепла и лил дождь. **И только под утро 20 января пошёл снег**, вначале очень мелкий-мелкий, а затем всё крупнее и даже хлопьями. Он хорошо укрыл землю и ей, а скорее всего озимым, кустарникам и растениям, стали не страшны предстоящие морозы. В последующие дни он подсыпал ещё и даже разыгралась вьюга. **Зима наконец-то вступила в свои права...**

Поваровка,
январь–февраль 2007 г.

ВСТРЕЧАЯ НОВЫЙ ГОД

Среди суеты дней и быстрых темпов нашей современной действительности новогодний праздник является для всех нас чем-то особенным, привлекательным и примечательным.

В детстве мы так торопимся скорее стать взрослыми, самостоятельными, самими всё решающими... А став

взрослыми, нам иногда хочется вновь оказаться в детстве, послушать сказку и не думать о тех проблемах, от которых порою болит голова.

Поэтому, наверное, с такой радостью и желанием мы встречаем **приход Нового года**, ожидая его, почти как чудо...

Новый год становится для нас своеобразным рубежом, даже своего рода «Рубиконом», перейдя который, мы надеемся начать не только отсчёт дням нового года, а, может быть, и новую жизнь или жизнь по-новому.

Мы знаем, что это может и не сбыться, но каждый раз, встречая Новый год, мы все или, по крайней мере, многие из нас, несомненно, этого хотим.

Груз прожитого, наше никуда не исчезающее, а постоянно присутствующее с нами прошлое, зачастую не позволяют осуществить полностью эти наши светлые надежды и мечты, не дают возможности начать писать нашу жизнь

«с чистого листа», как бы по **свежему снегу**, который в новом году кажется ещё свежей и чище.

Но, несмотря на это, каждый год, в дни, а особенно в часы и минуты, остающиеся до Нового года, нам кажется, что мы соприкасаемся с чем-то таинственным и непостижимым для человеческого ума. Нам всем хочется верить в доброго Деда Мороза, в его прекрасную внучку-Снегурочку и вообще в чудеса, а также в гороскопы, различные приметы и подарки под ёлочкой.

И вот, когда стрелки часов подходят к цифре «12», нам всем кажется, что мы сливаемся или хотя бы на короткий миг соприкасаемся с **Вечностью**. Величественный и загадочный бой кремлёвских курантов, так знакомый каждому из нас с раннего детства, представ-

ляется нам сигналом всего мироздания, исходящим откуда-то издалека, даже не с Земли, а, скорее всего, из космоса, **из глубин Вселенной**.

Куранты смолкают, но каждому из нас хочется, чтобы этот короткий миг, эти мгновения нашего **общения с Вечностью** продолжались ещё и ещё, ещё и ещё...

Окружающая нас ночь и тишина создают благоприятную обстановку для нашего общения с Вечностью.

Как бы **получив от Вечности и Вселенной заряд самой необыкновенной и огромной силы**, мы наполняемся какой-то чудесной энергией, неукротимым желанием жить и действовать.

Спать уже совершенно не хочется – ведь мы только что общались с Вечностью и Вселенной, а что может быть ещё более важного и значительного на данный момент кроме них!

Однако постепенно и совершенно естественно, как медленно льющаяся из кувшина вода, из нас вытекает это ощущение общения с Вечностью и Вселенной. И хотя нам хочется ещё и ещё продлить и задержать эти мгновения, перегородить этот ускользающий поток какой-нибудь плотиной – это нам не удаётся! Наш эмоциональный подъём плавно идёт на убыль. Но, истекая, эти ощущения оставляют в нас чувства радости, покоя и надежды на счастье. Отдельные небольшие штришки грусти, появляющиеся при этом, также несут в себе больше радости, чем печали. Эта радостная грусть и это ощущение сопричастности с Вечностью и Вселенной дают нам возможность с лёгким сердцем, сердцем и умом, полными надежд и ожиданий только хорошего, погрузиться в недолгий, но глубокий сон – первый наш сон в этом году!...

... А утром мы берём в руки пахнущие типографской краской, свежие, уже нынешнего года, газеты с новыми, непривычными ещё для нас датами и цифрами. С этими газетами к нам приходит понимание того, что жизнь не стоит на месте, что всё движется, и что время и новый год продолжают свой неукротимый быстрый бег вперёд, что уже идёт первый день нового года, что где-то работают заводы, трудятся люди, плавится сталь, идут поезда, а за окнами нашего дома движутся троллейбусы, автобусы, снуют такси и машины.

Жизнь не остановилась – она продолжается! **Значит, и мы продолжаем жить в нашей Вселенной вместе со всеми людьми на нашей маленькой, прекрасной и единственной планете Земля, несущейся так стремительно в Вечность!!!**

Москва, 1989 г.

БАРС-А

Э то было прелестное и милое создание. Белым пушистым комочком котёнок лежал на диване, греясь под лучами весеннего солнца, проникающими через окно. Хозяйка с сыном, как говорят, не могли на него «надышаться» — то и дело брали на руки, укладывали себе на колени, играли с ним верёвочкой, заставляли забавляться свёрнутой в шарик серебряной фольгой из-под шоколадных конфет.

Принесли котёнка во время командировки хозяина квартиры. По приезду ему уже ничего не оставалось, как смириться с происшедшим, поставив лишь условие, что ухаживать за ним будут жена с сыном. Вообще-то, в душе, он был доволен уже тем, что взяли котёнка, а не щенка, с которым в их небольшой квартире негде было бы развернуться, да и хлопот тоже было бы несравненно больше.

Котёнок быстро освоился, изучил все уголки квартиры, был очень шустрым и смелым. Ему дали громкое имя **Барс**.

Через несколько месяцев, когда он заметно подрос, его стали выпускать «на прогулку» в общий коридор этажной секции и на лоджию.

Однажды он по бетонной балконной панели перебрался

на лоджию соседней квартиры, чем вызвал целый переполох... Он спокойно разгуливал по самому краю лоджии, совсем, казалось, не чувствуя и не подозревая об огромной опасности высоты десятого этажа. Пришлось тревожить соседей и вместе с ними спасти его от вполне возможного безрассудного прыжка вниз...

Неожиданно, когда сосед по этажу полюбопытствовал насчёт имени котёнка, выяснилось, что он – «она», а не «он». Называть его Барсом теперь уже было неправильно, хотя, по утверждению сына, он уже вроде бы начал на это имя даже откликаться. После долгих обсуждений по предложению матери хозяйки, решено было назвать котёнка **Барсой**, от слова **Барс-а**.

Спустя некоторое время, под угрозой съедения Барсой оказались цветы, которые в большом количестве были расставлены по всей квартире. По-видимому, котёнку требовалась для роста какая-то зелёная трава. Однако зелень, сорванную с газона возле дома, он есть не хотел, а вот листья с некоторых комнатных цветов ему почему-то пришлось по вкусу. За это ему доставались лёгкие, почти нежные, шлепки и ласковые окрики хозяйки.

Прошёл год, снова наступило лето. Барса стала уже большой кошкой, но нигде, кроме квартиры, лоджии и общего коридора секции не бывавшей. Предыдущим летом хозяева выезжали на дачу не более чем на одну ночь – на большее время оставлять её одну в квар-

тире не решались. И то, после возвращения, хозяйка долго всё прибирала и даже успокаивала Барсу, как бы извиняясь за то, что оставили её одну.

Теперь же решили взять её с собой, на дачу, на все выходные. Правда, были некоторые опасения, что она может убежать куда-нибудь и заблудиться, а также, что её могут увести местные коты, которых в округе дачи было много.

Везли Барсу в старой школьной сумке сына с замком «молния», из которой она постоянно норовила вылезти, стоило лишь её чуть-чуть расстегнуть, проверяя, «как она там себя чувствует». Выглядывая из сумки, она смотрела на всё окружающее с большим испугом и в то же время с любопытством. Приехав на дачу поздно, хозяева в первую ночь её из помещения никуда не выпускали.

Утром она осторожно вышла на террасу. Перед ней открылся совершенно иной мир, нежели тот, который она видела с лоджии городской квартиры. Вокруг были деревья, кусты малины и смородины и столько-столько зелени, что захватывало дух.

Оглядевшись и освоившись на террасе, Барса по ступенькам крыльца стала медленно двигаться всё ближе и ближе к земле. Это было что-то совсем незнакомое – зелёное, а местами чёрное и жёлтое.

В квартире и на лоджии пол был твёрдый и гладкий, на него можно было ступать без боязни, а здесь под лапами всё зелёное, как листья комнатных цветов – а вдруг снова «влетит»? Осторожно, пощупав лапой зелень, Барса не осмелилась на неё ступить, а двинулась дальше по узкой доске, проложенной возле крыльца. Когда доска закончилась, она остановилась – дальше снова была незнакомая зелёная масса, которую можно было потрогать лапой, может даже можно рискнуть попробовать на вкус, тем более, что пока хозяева не окрикамиют её, а лишь внимательно следят за всеми её действиями. Однако кушать зелень, что-то не хоте-

лось, да и вообще было не до еды – она так и осталась нетронутой на террасе...

Какая тут еда, когда весь мир как бы перевернулся, как будто оказался совсем в другом измерении. Вот только люди вроде те же, а всё остальное – чужое.

С лоджии квартиры она иногда наблюдала в узкую щель за тем, что делалось внизу. Но это был взгляд сверху, изда- лека на кроны деревьев, на газоны, на улицу, с двигающимися по ней автомобилями, то есть на всё, как и в той коробке, на которую часто смотрят сами хозяева, и из которой иногда доносятся совсем страшные звуки, но, которая однако ничего плохого никому не причиняет, а на эти звуки никто не реагирует.

В квартире, когда появлялось что-нибудь незнакомое – человек или вещь, Барса сразу стремилась это изучить и освоить. Подходила, обнюхивала, осторожно пробовала лапой, если «это» двигалось, а затем обычно, если знакомство устраивало, укладывалась на эту вещь или пыталась улечься на колени очередного гостя. Когда гости активно играли с ней – ей это очень нравилось. И вообще, как только открывалась входная дверь или хозяева только начинали вставлять ключ в замочную скважину, она уже бежала и готовилась встречать входящего.

Особенно тепло встречала хозяйку, которая обязательно по приходу брала её на руки, разговаривала с ней, а затем кормила. После этого она довольно и сытно тёрлась о её ноги, мурлыкала, а потом, удобно устроившись в уголке дива-

на или на своём коврике, на стуле, дремала, готовая по первому зову хозяйки кинуться к ней.

Здесь же, на даче не одна и не несколько вещей, а почти целый мир, всё окружающее оказалось для неё незнакомым – как бы пришло в гости. Это её напугало. Знакомыми были только хозяйева, да и они ли это, а может это не они – ведь всё остальное – не своё, не привычное. Даже опереться на что-то знакомое нельзя – не на что. Непонятно, куда всё знакомое делось и откуда такое множество незнакомого взялось? Перед всей этой массой незнакомого Барса сама себе стала казаться ещё более маленькой и незначительной, чем была на самом деле. Это незнакомое раздавливало своей огромной «массой», давило на неё. Она как бы никак не могла решить – что же ей делать? – начинать, как и обычно, изучать все новые вещи, или и дальше стоять в растерянности и шоке от неожиданного появления такого огромного количества незнакомого.

Хозяйка взяла её на руки и понесла показывать территорию дачи. Около грядок с клубникой она попыталась опустить её на тропинку. Однако, едва коснувшись лапами земли, Барса как наэлектризованная подпрыгнула несколько раз и оказалась на доске, огораживающей грядки с клубникой. Почувствовав под собой твёрдое, успокоилась, остановилась и начала осматриваться. Затем, через некоторое время, осторожно двинулась по доске вперёд. На краю грядки она перебралась на новую доску, уходившую в другую сторону, и снова двинулась дальше. Так осторожно и дрожа всем телом, она освоила доски, ограждавшие грядки клубники. На землю же больше так и не ступила.

Когда вернулись на террасу, Барса немного успокоилась, но всё равно была непривычно скованной и не игривой, к еде, по-прежнему, не прикасалась. Казалось, что она забыла даже про сон, хотя дома спала по многу раз в день.

На ночь хозяйева взяли её к себе в постель, где она про-

лежала или просидела всю ночь в их ногах. Когда хозяева просыпались – им казалось, что она совсем не спит, а сторожит их и себя, как преданная собака.

Следующим утром, она стала немного спокойнее и менее растерянной. Видимо постепенно отходила от шока и пыталась смириться с новым, окружившим её, миром, поскольку он не исчезал, как в телевизоре, а уже постоянно стоял перед глазами. Раз этот мир не исчез после двух ночей – следовательно, надо как-то его осваивать ... Барса несмело начала трогать лапой землю возле террасы – ничего не произошло, хозяева спокойны. Можно двигаться дальше. Конечно, это не пол, но отталкиваться от этого можно. Запахи тоже все незнакомые. Нет, нет, что-то есть похожее на запахи горшочков с цветами, в которые хозяйка зачем-то каждое утро наливает воду...

... С водой раньше у неё тоже были некоторые неприятности. Она не знала, что это такое. Просто хозяевам, где-то через месяц её жизни в квартире показалось, что она стала грязная. Они захотели её искупать в ванной. Как она не вырвалась и не крутилась, её намылили и облили чем-то, хотя и тёплым, но неприятным. Хозяйка держала её, завернутую в полотенце, у себя на коленях. Она дрожала, непонятно от чего: от страха или от холода. Сами хозяева были напуганы не меньше её. Затем она вырвалась и долго облизывала всю себя. Вообще то она была очень чистоплотна и аккуратна – умывалась тщательно – по нескольку раз в день и особенно после еды.

...Так шаг за шагом Барса начала осваивать пространство около террасы, при этом, время от времени, вздрагивая и постоянно оглядываясь вокруг.

К обеду она немного осмелела и даже двинулась в глубь сада по узкой тропинке, по сторонам которой росли какие-то кусты, в которые лезть она пока ещё не решалась, хотя это могло бы быть и интересно для неё... К вечеру она ещё больше освоилась, правда от террасы ещё слишком далеко не отходила, то и дело к ней возвращалась, но по поведению стала более раскованной и непосредственной. По-видимому, её шоковое состояние проходило, а мир стал возвращаться в своё привычное измерение.

Она даже осмелилась полезть на небольшое дерево. Залезть она залезла, а вот развернуться, чтобы слезть с дерева вниз головой не догадалась. Долго сидела вверху, испуганно прижавшись к стволу, а затем очень медленно сползла обратно.

В следующие выходные она уже всю бегала по всем закоулкам дачного участка. Рано утром, когда хозяева ещё крепко спали, она через открытое окно выбиралась наружу и залезала на одну из раскидистых яблонь, где и встречала восход солнца. Затем, набегавшись, она тем же путём возвращалась в помещение, подсказывая хозяевам, что пора вставать и кормить её.

...Очередное происшествие произошло с Барсой, когда хозяева покрывали лаком паркетный пол в квартире. Она находилась с хозяйкой и сыном на лестничной площадке у открытого окна, когда хозяин, докрасив пол у порога, выскокил отдышаться. Двери в секцию и квартиру оказались отк-

рытыми – мгновение – и вот она уже с трудом отрывает лапу за лапой от липкого пола, не понимая ещё, что это такое. Прошагав с трудом по только что покрытому лаком паркету несколько шагов, останавливается в растерянности. Черты-хаясь, хозяин достаёт её оттуда, закрашивает, сделанные обоими, следы лаком и все едут на дачу.

По дороге тряпочкой, смоченной ацетоном, пытаются стереть с её лап, прилипший к ним, лак. Она вырывается и дёргается.

На даче её отпустили, но она была неузнаваема. Она как бы боялась ступать и всё время что-то стряхивала с лап. Так иногда девочка-купальщица осторожно пробует ногой воду, перед тем как в неё окунуться.

Оказывается подушечки лап – одни из самых чувствительных мест у кошки – покрылись затвердевшим слоем лака, и тем самым были нарушены её ощущения пола, земли, предметов.

Барса привычно ступала на пол, но привычного его ощущения она не чувствовала. Вот её перенесли на тропинку – но прохладного ощущения земли она тоже не почувствовала.

У неё снова всё спуталось в голове. Она была испуганная, растерянная и как бы вся съёжившаяся в ожидании очередной (уже какой?) опасности.

Попробовали ещё раз отчистить ей лапы ацетоном, но ничего не получилось – ей было, по-видимому, больно и непривычно.

Её оставили в покое, и она, забившись в угол дивана, начала медленно языком слизывать налипший на лапы лак – он ей теперь не давал возможности успокоиться и заснуть.

На следующий день середины подушечек её лап были освобождены от лака и она, хоть ещё не очень уверенно, но всё же уже смелее и смелее стала передвигаться по даче и участку.

За неделю, уже в городской квартире, она постепенно слизала с лап весь прилипший лак – они стали у неё такими же, как и были до этого небольшого происшествия.

...С особым удовольствием Барса исследует любую новую коробку или мешочек из-под чего-либо. При этом она залазит туда с головой и если коробка оказывается небольшой, то порой не может оттуда вылезти и начинает передвигаться по комнате или кухне с коробкой или мешочком на голове. Естественно, что с возгласами удивления и лёгкого укора её освобождают от лишнего предмета. Она, однако,

нисколько этим не огорчается и если коробка или мешочек оказываются не удобными подальше, вновь повторяет то же самое. Ей, по-видимому, такая игра очень нравится.

А ещё она стрелой «летит» на кухню, только лишь услышав первые звуки разбивания хозяйкой варёного яйца – своего деликатеса. С огромным вниманием она следит за чисткой картофеля в ожидании получить кусочек сырой картофелины « в награду» за своё терпение.

Мать хозяйки называет **Барсу самой умной кошкой на свете**. Когда она приезжает, Барса почти не отходит от неё, ложится на колени, следит за каждым её движением и жестом, слушает её тихие разговоры с дочерью, вместе с ней вздыхает и переживает различные новости.

Всем кажется и все считают, что **Барса** всё-всё понимает как человек и лишь не может сказать – вот такой **бессловесный, но очень дорогой член семьи...**

Москва, 1990 г.

РАЗМЫШЛЕНИЯ У БАЙКАЛЬСКОЙ ВОДЫ

Прямо к самому краю обрывистого левого берега Иркутского моря – водохранилища, сбегает одна за одной сосёнки. Они, как-будто девчонки-подружки, гурьбой бегут со склона сопки вниз и вдруг передние из них оказываются прямо на обрыве берега, под которым плещется байкальская вода, пугающая своей глубиной и холодом. И они как бы замирают в испуге, боясь упасть в такую неласковую для них воду, по которой изредка пробегают небольшие волны и которая шумно бьётся о берег, всё подмывая и подмывая его, обрушивая и обрушивая всё новые и новые комочки земли. Берег постепенно осыпается, и кажется всё ближе и ближе тот момент, когда корни уже не смогут удержать крайнюю сосёнку на берегу и она рухнет в водяную пучину. В испуге стоят другие сосёнки, которые несколько дальше от обрывистого берега и от своей подружки. Они бы рады отпрянуть, отбежать подальше назад, вверх от этого опасного места, но им мешают другие сосёнки, уже сбжавшие к ним по склону и не дающие им такой возможности...

Что-то тут кажется неестественным. В природе, где, как правило, всё гармонично так обычно не бывает. Такие деревья как сосны и кедр не растут так близко к воде. У воды растёт ивняк, верба, тальник. Если же и растут сосны или кедр у воды, то они из совсем другой породы – могучей и крепкой, которая может постоять за себя в схватке хоть с кем: сильным весенним паводком или даже ураганным ветром. Они именно такие и смысл их всего существования заключается в этой вечной борьбе. А эти деревья совсем не кряжистой породы, а более нежные создания, привыкшие расти в спокойной обстановке и не подготовленные к суровой битве «не на жизнь, а на смерть» со стихией...

Здесь опять вмешался «его величество» Человек, построивший плотину гидроэлектростанции и разливший воду Ангары, вытекающую из Байкала, на многие сотни и тысячи метров в сторону от прежнего, привычного для всех русла, вплоть до этих вот славных сопочек с радостно растущими на них весёлыми подругами-сосёнками. Нет у них теперь другого выхода, кроме как молча наблюдать за тем, как в холодных неласковых водах оказываются они постепенно, одна за одной. И только, возможно, их молодая поросль остережётся теперь уже произрастать здесь, в опасном соседстве с бурной и всё поглощающей водой, а взрастёт из отнесённых услужливым ветром или птицами семян где-нибудь подальше – лучше на другом противоположном склоне сопки и уже там будет весело расти и сбегать дружной гурьбой вниз, к распадку, по которому, утомлённо урча, бежит таёжный ручей, утоляющий жажду доброму путнику и дарящий ему бесконечную радость общения с живой природой!

Иркутск–Москва, 1990 г.

Часть третья

Москва – 2010

МАЛЫЕ РОДИНЫ И ПОЛУСТАНКИ ЖИЗНИ

Малой Родиной принято называть место, где родился и где прошло детство. Для меня это, несомненно, – село Черемхово Красночикойского района Читинской области – далёкое по расстоянию и времени, отделяющими меня от него, и близкое-близкое по тому особенному душевному состоянию, в которое меня вводит лишь одно упоминание о нём.

Недавно Черемхово отметило своё 125-летие... Кажется маловато, если учесть, что почти половина этого периода у нас с Черемхово общее совместное физическое и духовное сосуществование. А ведь в детстве нам представлялось, что наше село очень древнее. Так, наверное, и есть, потому что торжественно отмеченная дата – это всего лишь подтверждение существования села по каким-то архивным документам. На самом деле, наверняка, люди – наши предки – коренные забайкальцы жили здесь и ранее...

Очень хочется, чтобы эти заповедные места моей души, а также планируемый национальный парк «Чикой» (к сожалению, уж очень малый по площади), подольше оставались

нетронутыми «большой цивилизацией» и сохраняли бы свою, почти первозданную природную свежесть с запахами кедра, смолы, багульника, земляники и всего-всего таёжного – такого чистого, будораживающего и приятного.

...А родился я в городе **Чите**, о чём ещё со школьной скамьи, даже с небольшой гордостью, пишу в различных анкетах, автобиографиях и документах. И хотя о своём рождении и проживании в Чите я знаю лишь со слов мамы, бабушки и отца, этот город также воспринимается мной всегда как родной и близкий.

Вообще-то **всё Забайкалье** я считаю своей **малой Родиной**. До недавнего времени это называлось **Читинской областью**, а теперь – **Забайкальский край**. Не знаю, кому и для чего нужны все эти и подобные переименования, но думаю, что кроме больших затрат и совсем ненужных хлопот они ничего хорошего не приносят. Да и название по имени областного центра, на мой взгляд, было более точно и несло больше необходимой информации – Чита ... Читинская область – понятно. А теперь – Забайкальский край –

а «столица» его – Чита, а может быть, Улан-Удэ (это ведь тоже Забайкалье!) или что-то другое?! (Кстати, есть ещё и Забайкальск у самой границы – бывшая станция «Отпор»!).

...Это всё так, между прочим. Ведь не одно же административное деление страны является для нас главным. Хотя с какой стороны на это посмотреть ...

Если после очередного чьёго-то рьяного реформирования людям приходится ездить в районный или областной центр в несколько раз дальше, чем это было всю жизнь; или ваше место рождения неожиданно переименовано и теперь везде нужно добавлять «ныне ...» или «бывший...»; или, ещё хуже, если в итоге этих необдуманных преобразований и действий населённый пункт, где проходило ваше детство и даже жизнь, совсем перестаёт существовать, и вам приходится обосновываться на новом непривычном месте – это как ...?!

К счастью, наш человек необыкновенно быстро умеет приспосабливаться к изменениям окружающей его действительности. Да иногда мы и сами не прочь резко всё поменять и помчаться вдаль за каким-то очередным «журавлём в небе». У каждого своё: у одних – «охота к перемене мест», а других – « как камень с места не сдвинешь». Это нас всех и выручает, и подсказывает оправдание различным «действиям».

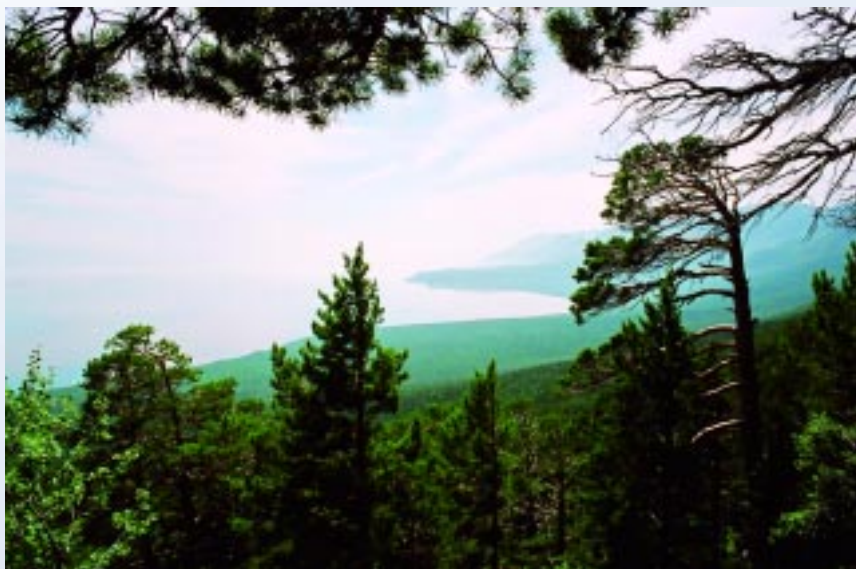
Так уж сложилось, что не только Черемхово и Чита в **нашем Забайкалье** для меня такие близкие. Помню, как не хотелось переезжать родителям из таёжного села в **город Борзю**, в знойные летом и продуваемые всеми ветрами и песком зимой, даурские степи (отца перевели директором зверохозяйства). Однако и этот непривычный край стал благодаря близким мне людям тоже родным. Здесь, к сожалению, осталась могила бабушки, за которой бережно ухажив-

вают наши добрые соседи по борзинской улице Кочергины... А сколько всего и замечательного мы имели здесь: в общении с людьми, в познании жизни, в тихой охотничьей радости утиной охоты.

Кадая – шахтёрский посёлок, где жила семья маминой сестры – тёти Иры. Семья рабочая, трудовая – почти все мои двоюродные братья работали на добыче полиметаллических руд, чем по праву и заслуженно гордились.

Кличка – тоже шахтёрский посёлок городского типа, где секретарём парткома рудника был дядя Тима. Мама нас с братом возила к ним в гости и эти поездки были первыми нашими реальными, а не «киношными» впечатлениями о городской жизни. Позднее дядя Тима со всем своим семейством перебрался в новый, строящийся на юге области, **город Краснокаменск**, где был очень уважаем и завершил свой жизненный путь как председатель городского Совета ветеранов.

В село же Батакан, где жила семья дяди Марка, и **в се-**

ло Тайна – родину отца – мы не доехали. Неожиданно в этих районах был объявлен карантин, и мы из-за угрозы застрять там дольше, чем до начала учебного года, вынуждены были вернуться домой, в Черемхово. Но по письмам и разговорам эти забайкальские сёла также мне знакомы и близки.

Близки мне и другие места Забайкалья, где был в командировках, проездом или слышал о них по такому, как мне тогда казалось, душевному и почти домашнему читинскому радио, а позднее и телевидению.

Всё это находит отклики в моей душе и по сей день.

Особое место в моей памяти занимают, конечно, **Иркутск, Байкал, Шелехов, да** и вся **Иркутская область**, «изъезженная» мною «вдоль и поперёк». Сюда, с помощью родителей, были устремлены мои помыслы при окончании Черемховской средней школы, здесь я учился в институте, начал работать на стройках, занимался общественной работой и читал лекции « О международном положении СССР», был выдвинут на комсомольскую работу, обрёл новых друзей и товарищей, нашёл свою судьбу... и многое-многое другое. Это – моя **вторая малая Родина!** И, как и первая, она также мне очень дорога и близка, и тем более, что с Иркутском впоследствии связали свою жизнь мои родители и братья со своими семьями. Это напоминает «избитый» вопрос о том, какая рука у человека важнее. Конечно, обе, и малые Родины тоже обе!!! Поэтому, на вопрос «откуда ты?» (имея в виду мою малую Родину и «мои корни») я отвечаю не сразу, даже несколько запутанно и не совсем понятно для некоторых, **называя одновременно и Забайкалье, и Иркутскую область.** Для тех спрашивающих, у кого земли за Уралом в голове смешиваются во что-то единое, это не вызывает уточняющих вопросов, а у других, знающих, вызывает понимание и уважительное отношение: мол вон как человек «мерит» свою малую Родину – целыми областями и даже не одной, а не просто своей улицей или деревней... Хорошо,

пусть думают и так – мне от этого только легче и радостнее! Это, действительно, **всё м-о-ё** и из моей души и памяти никто никогда этого вырвать не сможет!..

Есть ещё одно такое же родное и близкое мне место – **деревня Пустошка Оленинского района Тверской области**. Появилась она случайно, но как проявление необходимости в ней, – хотелось иметь такой уголок, наподобие нашего родного села, куда можно было бы хоть и не надолго убежать от московских суеты и проблем. И так она нас затянула, так мы со всеми и всем там сблизились, что она является, по сути, **третьей малой Родиной!** Она по расстоянию поближе к нам, чем первые две малые Родины. И мы, естественно, чаще здесь бываем, но никогда Пустошка не заменяла нам их, а лишь только ненароком напоминала собой те далёкие малые Родины на Востоке.

...**Четвёртой малой Родиной** можно назвать **Москву, наш зелёный жилой массив в районе Останкино – ВДНХ, Академию на Юго-Западе и подмосковную Поваровку**

по Ленинградскому шоссе! Говорят, что не принято называть большие города малой Родиной, а почему?! Чем они хуже? Нет пасторальной и патриархальной картины? Но ведь не это главное. Если человек душой и сердцем привязан ко всему этому – вот это и есть **его малая Родина!** У меня немало друзей – коренных москвичей. И я рад вместе с ними разделять любовь к нашему прекрасному городу – столице нашей

общей большой Родины!

Не буду скрывать, что в школьные годы тоже мечтал о Москве и других больших городах, хотя понимал всю труднодостижимость этого. Позже познакомился со столицей во время командировок, а потом неожиданно был сюда переведён. Воспринял это в отличие от многих других моих будущих коллег без особой радости – уж очень не хотелось покинуть родные края и близких мне людей. Даже шутил, что «еду в ссылку... в Москву». Первое время ещё надеялся вернуться, а затем втянулся в столичную круговерть, и теперь вот уже почти половина моей жизни неразрывно связана с ней – нашей дорогой Москвой.

И хотя за эти прошедшие тридцать лет Москва стала другой, ещё более и даже слишком населённой и менее удобной для комфортного проживания в ней, надеюсь, что она всё-таки сохранила и прежнее – свои душевность и гос-

теприимство – ведь это лицо и символ всей нашей страны. И в этом Москве помогает окружающее и спасающее её и нас во всех отношениях **Подмосковье** с его умиротворяющей природой, реками и речушками, родниками, лесами, лугами и полями...

Немало есть ещё и других мест, которые также, как и многие из упомянутых выше, называются мною **полустанками жизни** – здесь я или недолго проживал, или бывал в командировках, или был там просто проездом или пролётом куда-то. Каждый из них чем-то по-своему мне дорог и близок. Наверное, теми прекрасными мгновениями жизни, которые были именно там.

Название же «полустанок жизни», так понравившееся мне, позаимствовано из подписи с обратной стороны фотографии моего двоюродного дяди, находящейся в мамином фотоальбоме и запомнившейся ещё с детства – «1948 г. Сибирь – мой **полустанок в... жизни...**».

...Вот и **вся наша жизнь складывается из таких полустанков и малых Родин...**

Москва – Поваровка, август 2009 г.

ЗАГЛЯНУВ В ЗАПИСНУЮ КНИЖКУ...

сё реже и реже теперь заглядываешь в записные книжки. Растёт число визиток на рабочем столе, в портфеле и дома. Они уже не входят не только в одну, но и во много, подаренных женой, сыном и друзьями продолговатых альбомов-визитниц,

называемых почему-то каким-то трудно запоминающимся иностранным словом. Кроме них нужный телефон, адрес, имя и отчество можно теперь найти в алфавитной книжке мобильного телефона или ноутбука. Это хорошо, и хорошо то, что их много – ведь не зря же в народе говорят: «Не имей сто рублей, а имей сто друзей». И всё же информация о друге, коллеге или товарище, записанная своей рукой в личную записную книжку, является пусть хоть и не такой полной, но зато более доверительной и душевно тёплой...

Алфавитные записные книжки мною велись с юности. По мере износа они переписывались в новые, карманные и ещё более удобные. Для этой кропотливой работы использовалось даже время дальних полётов на само-

летах в командировки, а несколько раз это помогали делать мои домашние. Естественно, при переписывании, некоторые записи по разным причинам убирались, уточнялись телефоны и адреса, добавлялись новые фамилии и имена. Затем жизнь вносила другие свои поправки и изменения, так что на отдельных страницах появлялись одному лишь мне понятные стрелки, сноски и дописывания.

...Теперь, глядя на эту кипу старых и поношенных записных книжек, вижу, что заводились они не зря и поистрепались не напрасно. Раз уж так истёрлись – значит ими успешно пользовались, многократно доставали, брали в руки, листали и находили нужное и необходимое.

Вот и последняя (или, как говорят авиаторы, крайняя) записная книжка. И хотя корешок и обложка её изрядно поизносились, а странички переполнены записями и дозаписываниями «вкривь и вкось», времени и сил у меня видно не хватило на переписывание её содержимого в одну из новеньких и элегантных записных книжек. Она просто удачно целиком была помещена в коленкоровый чехол с замком-молнией из-под этой новой записной книжки. Но уже и этот чехол «даёт» по

сгибам трещины – ведь жизнь продолжается, а «записнушка» перекладывается то сюда, то туда при постоянных поездках на работу, в командировки, на дачу, на отдых... . Везде возникает в ней потребность.

...Открываю наугад на одной из букв русского алфавита. Пробегаю глазами, исписанную корявым (хотя и старался) мелким почерком страничку. За каждой строчкой – целый ворох событий, встреч, дел и вообще воспоминаний.

Некоторые фамилии требуют определённого напряжения памяти. И это несмотря на то, что в эту записную книжку обычно не попадали кратковременные и минутные знакомства. Правда иногда сюда записывались и те, с которыми предполагались более длительные отношения. А их на деле, по разным причинам, затем не получилось.

Есть и такие, которые в своё время были очень близки и многое с ними было связано. Но другие события и люди наложились на них в памяти, и вот теперь через эти последующие слои с трудом, но удаётся их различить и вспомнить. К

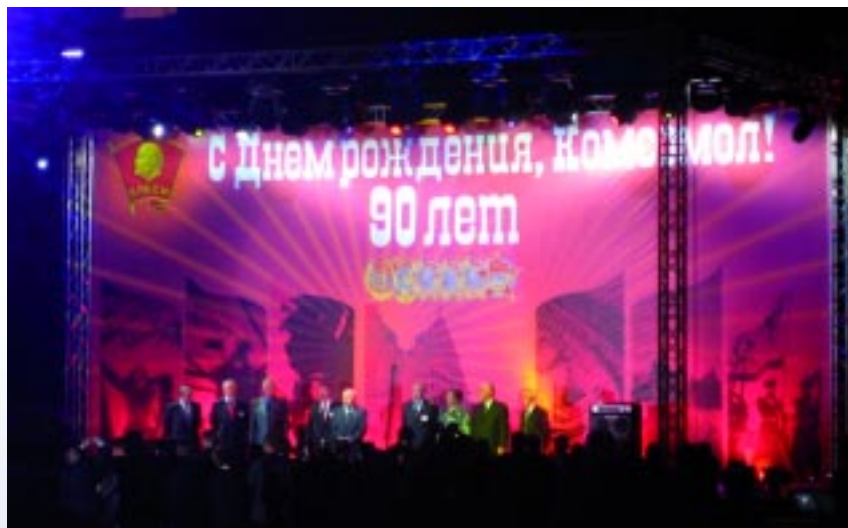

радости, оказывается столько интересного и приятного, что появляется стремление сейчас же им позвонить и разделить вместе с ними сладкие минуты добрых воспоминаний. Однако рассудок, с годами

всё более и более подавляющий наши чувства, останавливает и откладывает это общение до удобного случая или очередного поздравления.

Поздравления, кстати, теперь тоже стали не такими. Когда-то они были с каждым государственным или профессиональным праздником (Новый год, Двадцать третье февраля, Восьмое марта, Первое мая, Девятое мая, Седьмое октября, Седьмое ноября, День строителя, День рождения комсомола, День металлурга и другие), а также с днями рождения и юбилеями. Теперь же за неимением времени пришлось всё это ограничить новогодними поздравлениями, днями рождения и юбилеями определённого количества людей. По всем остальным праздникам поздравления делаются только в узком кругу родственников, соседей и коллег по работе. Жаль, конечно, но ничего не поделаешь – лучше уж по такой логике, а то иначе будут обиженные и придется много раз извиняться за забывчивость и «неуспевание».

...Вместе с москвичами в книжке записаны и те, кто находится далеко и даже очень далеко от столицы, иногда и за рубежом. Общение с ними в разные этапы жизни бывало разнообразным: частым, регулярным, эпизодическим и случайным. Иногда с некоторыми не имелось контактов по многу лет, а затем неожиданно получалось так, что отношения акти-

визировались и становились прочными. А бывало, что и вновь терялся контакт – ведь чаще всего человек звонит тогда, когда ему что-либо нужно (от тебя или от кого-то). И осуждать его за это не следует – так уж устроена жизнь. Помогая, и делая добро ведь всегда же надеешься на то, что «не получишь зло».

...А вот этому человеку долго не звонил. Раньше созванивались... и часто. А уж под Новый год обязательно и кто кого опередит звонком. Обычно телефонные новогодние поздравления начинались после встречи Нового года по читинскому времени, то есть в восемнадцать часов «по Москве». Большинству «дальних поздравляемых» удавалось подписать красочные открытки, а вот с «ближними», в основном, с «московскими поздравляемыми», общались по телефону, под звуки громких и весёлых новогодних телепередач. Эта добрая традиция сохранилась, только, как теперь видно, – состав поздравляемых по разным причинам изменяется и поправляется. Иногда и не в лучшую сторону.

...С этими друзьями раньше часто встречались и вместе

отмечали различные праздники и события. Но со временем и мы, и они, к счастью, обросли пополнениями в своих семьях с увеличением разнообразия вкусов, привычек и ин-

тересов... – и теперь лишь только иногда созваниваемся. Встречи, к сожалению, редки, а вот теплота и искренность отношений сохранилась. Это радует и даёт надежду на будущие, пусть хоть и краткие контакты. Ведь иногда бывает достаточно просто услышать голос близкого тебе человека, узнать, как у него здоровье и дела, спросить о его потомстве. И не надо лениться и стесняться это сделать, а то может быть уже поздно...

...Нельзя, к сожалению, уже позвонить по некоторым записям. В общем-то можно и такие звонки делаются, но это там, где были более тесные отношения с домашними ушедших в другой мир. Вспоминая их даты жизни и говоря о памяти общих с ними дел, не только поддерживаешь находящихся на другом конце телефонного провода, а и самого себя укрепляешь в стремлении жить и делать добро людям. По некоторым таким телефонам как-то стеснительно звонить не будучи уверенным, правильно ли будешь понят незнакомыми или малознакомыми тебе наследниками телефонных номеров. Хотя, наверное, в большинстве случаев этим людям было бы приятно слышать о памяти близкого им человека...

А вот по части телефонов звонить уже и бесполезно. И это как набат огромного звонкого колокола рвёт душу и требует

ещё более терпимого и доброго отношения ко всем живущим рядом с тобой людям...

...Какая-то, по-видимому, имеется закономерность в расположении фамилий по алфавиту. В первую очередь, это, наверное, связано с особенностями нашего русского языка и образования российских фамилий (а их в записной книжке, естественно, большинство). Общероссийская статистика здесь сказывается сильно. Больше всего записей на буквы «к», «м», «л», «п», «с», «р», «в». Подобное встречается и в различных отечественных энциклопедиях. И, тем не менее, очень приятно видеть рядом, на одну букву, так много интересных и близких тебе людей. Встречаются даже и одинаковые фамилии. Поэтому, звоня им, важно не ошибиться в правильном обращении по имени-отчеству. Есть и полные совпадения по фамилии, имени и отчеству. К ним, чтобы не спутать, добавлено место проживания. И помнится, что мне даже как-то удалось двоих таких людей свести в одно место (у нас на даче) и представить друг другу, наблюдая их полную

растерянность от такого неожиданного и достаточно редко встречаемого в жизни совпадения!

Отдельные фамилии вызывают некоторое замешательство. Порою вспоминается один человек, а затем, увидев другие инициалы, другое имя-отчество и другой телефон, понимаешь, что это не он, а другой – несколько забытый, но, бывший в твоей жизни сравнительно давно, тоже хороший человек. А первый вспомнившийся оказывается не записан в эту записную книжку – он помещён в иную ячейку доброй памяти.

Ощущается и недостаточность написания с рядом фамилий лишь только инициалов. Зря понадеялся на свою память и не записал полностью. Теперь напрягшись и с усилием вспомнив, на всякий случай, дописываешь нужные имя и отчество.

...И какую бы запись не прочёл, сразу возникает тот или иной человек и многое что связывало и продолжает связывать с ним:

- «этот» – «там-то» застрял и давно не звонит;
- «этот» – звонил, а теперь надолго что-то исчез;
- «этот» – теперь высоко взлетел и даже не бывает на наших ежегодных комсомольских встречах;
- «этот» – говорят живёт теперь где-то за границей;
- «этот» – получил всё, что просил и теперь не звонит (а

тогда поздравлял с каждым праздником и даже с тем, который не очень-то и праздновался);

– «этот» – звонил только, когда приезжал в Москву, утомлял моих домашних ночлегом и поиском

ему места в гостиницах, в которых он не очень уж и любил останавливаться;

– а вот «этому» надо позвонить и обязательно поздравить с очередным Новым годом. А лучше не ждать, а сделать звонок сейчас и послать ему свою книгу, где он увидит и своих знакомых;

– а «этому», виноват, что сам не звоню, боясь показаться назойливым. А может ему нужно помочь – ведь теперь он не такой «большой человек», как был когда-то;

– «этот» – неожиданно позвонил сам через много-много лет. Что-то видно изменилось в нём и вокруг него, или произошёл «переоценку жизненного багажа» и выстроил новую систему ценностей;

– «этот» – когда-то «подвёл» и теперь не звонит, не зная, что уже давно великодушно прощён, а случайных встреч с ним не происходит;

– а «этого» на каком-то этапе жизни потерял из поля зрения, а надо бы найти и по-доброму хотя бы поприветствовать;

– а «этому» уже не один раз передавал приветы. Но он таким стал «крутым мира сего», что видно не до наших тёплых воспоминаний о годах комсомольской юности;

– а «этому» и «этому» звоню, хоть может быть и недостаточно часто. С ними меня связывает долгая и крепкая дружба. И им я во многом обязан своей работой «после комсомола»;

– «этому» моему бывшему коллеге по комсомолу очень повезло, что его домашний телефон оказался записанным в этой записной книжке. В «смутное время» начала девяностых годов, когда все куда-то порастерялись и не могли определиться, я нашёл его и рекомендовал на работу в высший орган страны, где он и до сих пор продолжает успешно работать;

– «эти» звонили за день-два до прилёта в столицу или в сам этот день. И конечно просили помочь с гостиницей, что делалось, хотя иногда и с немалыми трудностями – гостиниц на всех гостей Москвы не хватало;

– «этот» звонил обычно с вокзала и ему всегда требовался ночлег. Причём от возможности поиска мест в гостиницах отказывался, и так утомил всех домашних своими приездами, что однажды и они уже не выдержали и потребовали его расселения где-нибудь в другом месте нашего большого города;

– «эти» обычно не звонили, хотя телефонные каналы связи у них, хоть и не очень уж надёжные, но были. Они звонили не по телефону, а в кнопку электрического звонка нашей московской квартиры – сразу по приезду ранним утренним поездом, когда все ещё обычно спали...

...В основном в этой записной книжке – домашние телефоны, как признак большого доверия и более дружеских и тёплых отношений. Этим телефонам доверяли свои семейные и личные тайны, которые не нужно было выносить на широкое обозрение, по ним давали советы, высказывали просьбы и оказывали помощь друг другу. Встречаются и номера служебных (рабочих) телефонов, свидетельствующие о том, что обо всём или почти обо всём можно говорить и по этому телефону, не дожидаясь прихода обладателя этого номера домой. Есть и особо доверительные служебные телефоны – прямые – без переключения через секретаря приёмной больших людей. Эти – для особых, чрезвычайных, срочных и не терпящих отлагательства дел.

Маловато номеров мобильных телефонов, что убедительно показывает степень востребованности записной книжки в последние годы бурного развития сотовой связи и перехода в новый двадцать первый век информатизации, а

также то, что они скорее всего заносятся и имеются на других носителях информации – визитках, электронных алфавитных книжках, компьютерах.

Конечно, здесь отсутствуют многие, используемые в повседневной работе номера телефонов. Они остаются на рабочем столе, в различных служебных и ведомственных справочниках, списках и просто записях и записках. Не многие из них перекочёвывают в личную записную книжку, преодолевая загадательную сетку между понятиями «дом» и «работа». Вообще-то эти понятия зачастую даже почти сливаются, но всё же всегда остаётся что-то такое, что не позволяет их соединить вместе. Всё-таки «дом», «семья», «личная жизнь» имеют большие права на отдельное, хотя и зависимое от работы, существование. Поэтому-то для части таких телефонов, которые требовались дома по вечерам и выходным, пришлось завести специальную записную книжку, постоянно хранящуюся в квартире и лишь только в отпуске вывозимую на дачу. Страницы её тоже все «писаны и переписаны» так, что на некоторых из них уже нет свободного места, а стрелки-ссылки отправляют на соседние, более свободные от записей.

...За всем этим и стоит наша жизнь, состоящая из много-многого, в том числе и из нужных и не очень нужных телефонных разговоров и звонков... На всё это, естественно, наложились сложности и зигзаги непростого для всех нас «послесоветского времени», а это прилично – уже почти два десятка лет. И всё же, несмотря ни на что, приятно отметить, что большинство из «записанных» на страницы моей записной книжки остались прекрасными людьми, верными друзьями и патриотами нашего многострадального Отечества, которые хоть может быть и ездят иногда на «...берег турецкий...» и в «...Африку...», но остаются и живут вместе с нами, в нашей стране, пусть и с «...обманутым...» (в очередной раз), но нашим народом!

БЕЛОЧКИ

уст орешника за последние годы так заметно разросся, причём без какого-либо нашего участия и помощи в виде удобрений или почвенной обработки. В середине августа на нём стал виден богатый урожай орехов – фундука. Они небольшими гроздьями с узорчатыми листьями густо-густо свисали с веток и дозревали до нужного состояния под лучами ещё летнего солнца...

И в эти дни неожиданно стали появляться белки. Они и так обычно мелькали то на одном, то на другом дереве. Иногда белка шустро пробежала по забору. Случалось, что белки играли, быстро бегая друг за другом по спирали вокруг ствола сосны или ели.

В этот же раз стала просматриваться какая-то их целеустремлённость: они передвигались по одному и тому же направлению – маршруту, перескакивали на одни и те же деревья. Всё это происходило прямо перед нашими окнами и лоджией. Казалось, что после своего долгого летнего отсутствия, а их на самом деле почти всё лето не было видно, они специально показываются нам на глаза, чтобы мы полюбовались их красотой и ловкостью.

Действительно, **было чем полюбоваться и повосторгаться.** Вот почти **бесшумно и очень быстро белка бежит по стволу ели,** затем по её мохнатой ветке, на какое-то мгнове-

ние останавливается и прыгает на ветку уже соседнего куста рябины. Ветки рябины очень тонкие, даже не верится, что они могут выдержать её вес. А белка, хватко уцепившись за одну из этих тоненьких веточек, уже бежит по ней дальше, к стволу, затем по нему вверх и снова по тонкой веточке уже с другой стороны. **М-и-г, и она уже на ветке другой ели.** И вновь

такие же, ей одной только понятные движения, зигзаги, манёвры – и она уже на следующем дереве...

Полюбовавшись и повосторгавшись такими **красивыми упругими пробежками белки**, обнаружили, что она, по-видимому, не одна, а, скорее всего, их две, или даже три. Постепенно при-

смотревшись и понаблюдав, установили, что это – семья белок с маленьким, по сравнению со взрослыми белками, бельчонком.

А ещё через несколько дней нашего продолжающегося восторга от их появления, обнаружили, что все их действия направлены к созревающим (это по-нашему мнению), а по «их данным» к уже созревшим плодам орешника.

Оказалось, что белки эти плоды срывали, очищали и, держа во рту, по тому же, но только обратному маршруту, переносили дальше, в своё гнездо, устроенное ими где-то за пределами нашего дачного участка. Некоторые гроздья орехов они несли целиком и несколько из них мы нашли под деревьями, далеко от самого орешника – по-видимому, они выпали у них при акробатических прыжках с дерева на дерево.

Иногда был слышен треск от раскалывания скорлупы орехов, но в основном всё происходило почти бесшумно. И толь-

ко изредка некоторые звуки белки всё же издавали. Это происходило тогда, когда взрослая белка – мать или отец (снизу нам, не профессионалам-биологам, определить трудно), проходила с грузом орехов часть деревьев и останавливалась, подавая какой-то резкий отрывистый сигнал. И тогда по этому же маршруту устремлялся, также с ветки на ветку, по стволам и дальше, **молоденький бельчонок**. Когда он достигал дерева со взрослой белкой, та вновь продолжала своё движение по выбранному маршруту. А он внимательно наблюдал за её действиями, чтобы затем повторить их в такой же последовательности, и с такой же бесподобной точностью.

С большим трудом удавалось их сфотографировать – ведь они не задерживались в одном положении долго, а скорость их перемещения была значительно больше требуемой для хорошего, «не смазанного» фотоснимка.

Наши наблюдения и любования за «заготовительной» деятельностью белок продолжались почти неделю, пока куст орешника не опустел от столь обильного ныне урожая своих плодов. Все они были перенесены дружной семьёй белочек в свои «закрома» или спрятаны в траве под кустом для создания запасов пищи на такую долгую и суровую зимнюю пору.

...Вот белка бежит по забору, на который склонился высокий куст ежевики, останавливается и съедает аппетитные чёрные ягоды.

...Позднее хозяйки увидели, как белка «уплетала» спелые сливы и оставшиеся после летнего сбора ягоды малины.

...Затем белочки так освоились, что почти перестали кого-либо бояться. Они спускались с деревьев, бе-

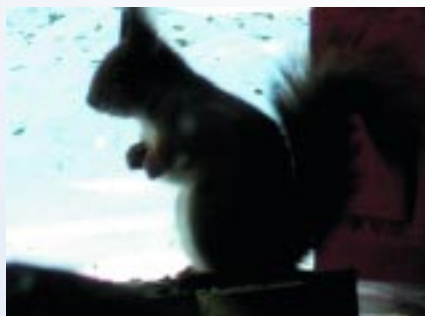

гали и резвились по траве, несмотря на то, что кто-то из нас находился почти рядом с ними.

...Что-то зашумело вверху. Это опять **белка**: пробежав по стволу и ветке ели, прыгнула на куст осины, затем с её веток перебралась на ветки соседней черёмухи и ненадолго задержалась на стволе

во всей своей разноцветной красе, во весь свой рост со свисающим вниз и **непрестанно колышущимся пушисто-пушистым хвостом**. Не замечая никого, она почти неслышно, **шурша маленькими лапками**, пробежала по тонкой-тонкой и совсем уже голой, без листьев, ветке черёмухи и оказалась на разлапистой ветке ели. И вот её **тихое шуршание слышно дальше** – оно так звонко и гулко разносится **по прохладному осеннему воздуху**, слегка согретаемому лучами, уже так низко скользящего по небосклону, солнца.

Поваровка, август–октябрь 2009 г.

Краткое послесловие

Даже зимой, под снегом, непонятно каким образом, белочки успешно находили, спрятанные ими летом, орехи. А также с удовольствием щёлками семечки, насыпанные для «подкормки» птиц.

НАШИ ДОМА И ЖИЛИЩА

С какой радостью и умиротворением **выходишь из своего дома навстречу солнечному дню и благоухающей природе.** При этом такие чувства возникают в разное время года и несмотря на любую погоду. Даже в очень плохую – дождливую, снежную, ветряную, смурную, кислую погоду находишь немало прелестей и успокоение души.

Выйдя же из городской квартиры и подъезда многоэтажного дома, такие ощущения обычно не испытываешь. Ведь здесь, даже если вышел в небольшой скверик около дома, всё равно видишь, что дальше, за ним простирается город со всеми его «каменными джунглями», транспортными, магазинными и другими удобствами и неудобствами для нормальной жизни человека.

Конечно, необходимые минимальные удобства в городских квартирах действительно имеются. Но **человеку всегда хочется большего простора для его широкой натуры.** И только в деревне, в посёлке или на даче это действительно можно ощутить.

...Вот с восторгом смотришь на свой дом – «окнами в поле», выйдя с корзиной грибов из пустошкинского леса. Покрашенный в тёплый зеленоватый цвет, с ярко-белыми рамами и играющими на солнце оконными стёклами, он притягивает к

себе не только палисадником, домашним уютом и обустроенностью, но и какой-то основательностью, которую выражают строения, возведённые руками хорошего человека. И идя к нему через море ромашек и других полевых цветов и растений, дыша их неповторимыми запахами, думаешь о счастье обладания этим пусть хоть и небольшим, но таким родным и таким дорогим уголком земли и природы.

...Такие же или почти такие же ощущения были у меня в детстве, в нашем **небольшом черемховском доме**. Он был сложен **из толстых круглых брёвен** и до сих пор стоит. Внутри него стены несколько раз в год белились извёсткой. Так принято было делать почти во всех домах села. Посередине дома стояла **настоящая русская печь**, которая подолгу не остывала и согревала всех нас в суровые забайкальские зимы. Это тепло родительского дома согревает меня всю жизнь.

И хотя приходилось колоть и носить дрова, щепать лучины для растопки печи, растапливать её по утрам, когда дом выстывал, следить за её «топлением» днём, а особенно к ночи – всё это вспоминается с удовольствием.

А в городских квартирах отсутствует эта крайне важная первобытная частица нашего существования – центральное отопление не может донести до нас **потрескивание дров, лёгкий привкус дыма и, играющее сквозь щели в дверце печи, пламя.** Да и ценность этого домашнего тепла в городе другая, гораздо меньшая.

Удобств в городе действительно больше, и за ними мы и убегаем туда. Не только, конечно, за ними, а и за многим другим тоже. Вначале, как обычно, в **общежитие.** Оно у всех разное: **студенческое, рабочее, малосемейное, служебное...** Но есть в нём общий дух коллективизма и взаимопомощи: бритьё одной бритвой, глажение одним утюгом, заём денег «до стипендии», жизнь «коммуной» и многое-многое другое – необходимое, неизбежное и очень нужное.

Общежитие – это как **ступенька к своей квартире и более самостоятельной жизни.** После него ничего уже не пугает, любое дело и любые условия жизни «по плечу», а мечта об отдельной квартире становится всё яснее и желательнее. В период пребывания в общежитии происходит много радостных и счастливых событий, зарождается дружба на долгие годы, идёт познание мира и самого себя, освоение новых знаний и умений. Здесь, как нигде, всегда находятся люди, которые чем-то интересны, и в чём-то хочется им даже подражать, а в чём-то надеешься их даже преуспеть. Метод сравнения здесь используется постоянно и это совершенствует нас и изнутри, и снаружи.

Квартира – «предел мечтаний» любого или большинства из нас. На разных этапах жизни это проявляется по-особенному, но с не меньшим желанием, чем в молодости. И это объяснимо – ведь **квартира представляет собой то гнёздышко,** в котором обосновывается человек **для жизни,** разделяющейся с этого момента на **две составляющие: дом и работа.** Обе важны, но всё-таки дома теплее, душевнее, спокойнее. Здесь можно «зализать раны», полученные, конечно, в

борьбе за справедливость, отдохнуть после трудной поездки, обрести новые силы и духовную поддержку. А каким трогательным бывает простое тихое общение с домашними – членами своей семьи...

В каких городах и посёлках ни была бы квартира, а их при нашей

«кочевой» жизни мы, как правило, сменяем не одну, она является самой важной частью нашего бытия. Достаточно вспомнить, с какой любовью и желанием делался в ней ремонт, какие обои и шторы тщательно подбирались для стен и окон, что и как пополнялось из мебели, домашней техники, утвари – и всё станет таким близким и дорогим, прямо до слёз, даже и без расставания с этим.

Немало времени проходит у нас **в гостиницах** во время командировок и поездок по стране и за рубеж, а также **в санаториях, домах и базах отдыха**. Всех их трудно не только перечислить, но даже и вспомнить. Они отличаются друг от друга площадью номеров, мебелью, оборудованием, отделкой, различными удобствами и запахами, и в то же время схожи в одном – это наши жилища на определённое время. И несмотря на кратковременность пребывания в них, нам хочется, чтобы здесь было хоть что-то по-домашнему – вечерний чай, телевизор, любимая книга, прихваченная из дому...

Вагоны железнодорожных поездов, каюты теплоходов и салоны самолётов тоже становятся нашими жилищами. Ведь не зря же, не успев в них сесть, у нас проявляется в разговоре – «наше купе», «наш ряд», «наше место». Здесь мы тоже общаемся, улыбаемся, знакомимся, едим и да-

же... спим. При этом мы не только в них живём, но и перемещаемся в пространстве. И эта особенность таких наших «жилищ» нисколько не преуменьшает, а скорее всего увеличивает их значение в нашей жизни и придаёт им даже своего рода необыденность. **Это полностью относится** и к служебным кабинетам, а также **к автомобилям**, ставшими теперь для нас почти **неразлучными движущимися спутниками**.

«**Палаточные города**» тем более имеют право на заслуженное место в ряду наших жилищ, и не только из-за частых упоминаний о них в любимых туристических песнях. Вспомним о наших палатках в студенческих строительных отрядах, в туристических походах, на слётах и фестивалях, на отдыхе, охоте и рыбалке и убедимся, что везде они исправно и даже

с огромным успехом исполняли свою роль временного жилья. Сочетание в них романтики и суровой необходимости укрытия от непогоды делает их незабываемыми и крайне полезными. Всё это в полной мере можно

также отнести к охотничьим избушкам и зимовьям, так часто спасающим нас от дождей и лютой стужи!

... **Место у костра в глухой тайге, у реки или озера** тоже **превращается** иногда **в наше жилище**. И оно также дорого нам и нашей памяти, как и другие наши жилища, **как и** самый благоустроенный, самый удобный, самый «начинённый» всевозможной бытовой техникой и оборудованием и построенный по своему замыслу небольшой **подмосковный дом...**

ПГС – 67 – 1

разу поясню, что «ПГС-67-1» это всего лишь условный номер первой группы студентов строительного факультета Иркутского политехнического института по специальности «Промышленное и гражданское строительство» 1967 года поступления. И в то же время это своего рода «магический код» нашей юности, нашего взросления, нашей судьбы.

Поступление и учёба в институте совпали для нас со временем грандиозных свершений в истории страны. Это были годы реформирования экономики по «косыгинским принципам стимулирования труда», годы бурного развития производительных сил Сибири и Дальнего Востока, годы строительства Братской, Усть-Илимской и Красноярской гидроэлектростанций.

На этом всенародном подъёме мы и пошли в строители. Когда отец узнал об этом моём решении, то сказал: «Если хочешь работать в чистоте, то иди в машиностроители, а если хочешь месить грязь и глину на стройках и слушать недовольства, въезжающих в новые квартиры жильцов, то иди в строители».

Однако нам всё это казалось «нипочём». Ведь мы, молодые, надеялись, что и мир, и люди со временем будут лучше, а значит и стройки будут тоже, как современное машиностроительное или космическое производство. «Кто им цеха и заводы строит? Мы – строители! Значит мы для всех более нужнее и полезнее!»

Так или почти так думали многие из нас, выбирая профессию строителя и ещё более воодушевляясь вместе со

словами известной песни «...друзьям на память города дарить...».

...И понеслись день за днём, год за годом эти удивительные, неповторимые, интересные студенческие будни. Много всего было: познание себя и жизни, накопление опыта и навыков, жадное поглощение знаний и культуры, ошибки и промахи, успехи и радости, а главное, с нами была наша молодость. За всё это безмерная благодарность: моим родителям, предоставившим прекрасную возможность учиться вдалеке от дома в институте; нашим преподавателям, терпеливо и настойчиво старавшимся нас, «ершистых» и «колючих», «приземлить» к насущным проблемам; друзьям по студенческому обществу, которое для многих из нас стало «жизненным университетом»; однокашникам по группе, курсу, факультету и институту, а также всем-всем, с кем прошли эти незабываемые годы.

Встречаясь, хоть и редко, со своими институтскими товарищами и друзьями, иногда ловишь себя на мысли, что всё-таки, наверное, можно было бы более энергично учиться, а то вот иностранные языки не освоил как надо, вот «это» основательно не успел изучить, а до «этого» вообще даже не прикоснулся, а об «этом», к сожалению, даже и не слышал тогда. Всё это «так» и «не так». Ведь вся наша жизнь состоит не только из вышеупомянутого, а и из много-многого другого, без чего она не будет настоящей жизнью и надо, думаю, радоваться этому, а не жалеть о чём-то «неуспетом». «Успеем! Какие наши годы!» – иногда говорили мы, к счастью говорим (хотя уже не так часто) и сейчас!!!

Но всё-же какой-то «червячок-недоучка» нет-нет, да и всплывает где-то в голове. Одно время мне периодически снились похожие сны, о том, что нужно идти сдавать экза-

мен преподавателю, к которому не ходил на лекции. В таких ситуациях ожидать поблажки обычно не приходилось. С трудом пытался во сне вспомнить, а сколько же лекций пропустил – ведь не может же быть, что все – это уж слишком! (Да, по правде, такого вроде бы и не было. Хотя, конечно, пропускали, и в кино иногда сбегали...). А просыпался всякий раз с испугом и ужасом, так и не дойдя во сне до получения экзаменационного билета и не вспомнив и не увидев лицо этого грозного преподавателя... Мне повезло: я «не завалил» ни одного экзамена, а некоторые даже умудрялся сдавать досрочно и «автоматом», хотя в отличники после школьной серебряной медали принципиально не рвался, считая, что подобного мне уже хватило! И всё же на каждый экзамен шёл с ощущением того, что голова – это стеклянный сосуд, с налитыми второпях знаниями, которые желательно не расплескать, а сосуд ни в коем случае нельзя разбить. Вот даже как!

...А как замечательно мы жили и работали в студенческих строительных отрядах. Два лета мне посчастливилось быть комиссаром и командиром стройотрядов «Мо-

лодость – 70» и «Молодость – 71». И несмотря на то, что по независящим от нас причинам не всё уж получалось так, как нам хотелось, это было прекрасное время. Да и опыт, приобре-

тённый тогда, оказался крайне полезным в последующие годы, поскольку способности организатора и руководителя только и оттачиваются в такие сложные («как на войне») моменты нашей жизни.

...Особое место в моей студенческой жизни занимает обучение на факультете общественных профессий, неожиданно открытом в нашем сугубо техническом учебном заведении. Меня избрали старостой секции лекторов-международников, по итогам обучения в которой нам даже выдали соответствующие дипломы. А до этого, под руководством широко эрудированных и высокопрофессиональных лекторов мы «вгрызались» в состояние международного положения нашей страны, пытались своим молодым ещё умом понять сложные перипетии мировой политики. Ездили по линии областной организации общества «Знание» с лекциями по районам, городам и сёлам, выступали в клубах и «красных уголках». И даже когда там (случайно или специально, – может нас проверяли?) гас

свет и спрашивали – «будем ли мы продолжать в темноте?», то мы продолжали. Молодая наша память тогда могла ещё обойтись без бумажного текста, а на экранах в то время ещё ничего, кроме кино, не показывалось. После этого, за ужином нас иногда тихонько «пытали» – «Будет ли война?». Вот какой огромный интерес был у людей к такой и подобной нашей информации. А нам-то следовало этому хоть как-то соответствовать и не разочаровывать слушающих нас и «умиляющихся про себя», наверное, нашей такой уж «сильной молодости». Спасибо им всем за это великодушие и понимание!

...Вспоминаются также военные сборы, походная жизнь, экзамены на военной кафедре и присвоение звания «лейтенанта инженерных войск». Но отдельно то, что перед завершением сборов мы помогли Нижнеудинскому району восстановить несколько небольших мостов через таёжные речки, которые были разрушены неожиданно налетевшим в то жаркое лето наводнением (из-за таяния

ледников в гольцах). Это было хоть и трудное, но действительно стоящее дело по душе и по нашей прямой специальности, а главное – для людей...

...Хорошо помнится и один из первых юбилеев нашего, в те годы ещё молодого, строительного факультета. Мы, уже выпускники, познакомились с теми, кто успел «хлебнуть строек», знал «почём фунт лиха» и уже не один год «месил грязь и глину в строительных котлованах». Тогда-то и прозвучали минорные слова пахмутовской песни «Прощание с Братском» о невозможности повторения юности, тогда-то мы и сказали, предвидя, что вот уже скоро разъедемся в разные стороны, слова о том, что через какое-то время убедимся, что это и были наши лучшие годы. Тогда-то мы ещё не знали, что это **первые лучшие годы...**

ИНТЕНСИВ

слово «Интенсив» вошло в подсознание, когда стало ясно, что многие в ближайшее обозримое будущее длительно учиться не смогут, а вот краткосрочное **интенсивное обучение** необходимо.

Так было, когда в начале девяностых годов прошлого века всё стало рушиться... Курсы повышения квалификации с трёх недель по продолжительности быстро свернулись до однедельных и даже несколькихдневных. Везде царил атмосфера растерянности и непонимания: «... что же делать!?!». Руководителям и специалистам предприятий требовалась оперативная и достоверная информация по различным направлениям хозяйственной деятельности. Тогда-то в июле 1991 года и была образована **Школа управления «Интенсив»**.

С первых дней было определено главное – давать слушателям необходимые добротные практические знания при

обеспечении высокого обслуживания и сервиса (что в то время могли кроме нашей, недавно построенной и прекрасной, Академии предоставлять лишь немногие учебные учреждения столицы).

Была выбрана наиболее удобная форма – двух-трёх, максимум четырёхдневных семинаров и конференций с интенсивной методикой подачи практической информации и различных сведений, причём самых свежих, злободневных, животрепещущих и в большом объёме.

Всё это можно было обеспечить, лишь приглашая для выступлений непосредственных участников различных преобразований в стране – руководителей и работников центральных органов власти, министерств и ведомств. Информация «из первых рук», от авторов и разработчиков законопроектов и различных нормативных и правовых документов стала «краеугольным камнем» и основой всех наших семинаров.

Опора на «знатоков своего дела» – практиков и высокопрофессиональных специалистов – наш «золотой фонд», а не на «теоретиков», далёких от реальной действительности,

позволила Школе укрепиться, неоднократно сохраниться и наработать необходимый опыт, связи, методики и свой круг слушателей. Выработался также самостоятельный и в чём-то даже уникальный стиль работы.

В этот фундамент Школы вложены огромные усилия и труд многих моих коллег и, в первую очередь, тех, кто с самого начала и вот уже много лет неразрывными нитями связан с её судьбой. Это – Елена Владимировна Мамонова, Геннадий Николаевич Бобровников, Фаттах Вахидович Зайнетдинов, Юрий Иванович Иванов, Пётр Фёдорович Лойко, Николай Васильевич Ковов, Иван Иванович Пономаренко, Александр Романович Жигульских, Сергей Семёнович Петров.

Работая «с нуля», на принципах полного самофинансирования и самоокупаемости, не прибегая ни к каким заёмным средствам, Школа выработала устойчивость к конъюнктурным колебаниям, приобрела закалку для работы в самых экстремальных и критических ситуациях, которые за прошедшие годы случались часто.

Чтобы не происходило в мире, стране, Москве или Академии, мы знаем одно, что никто нам «ничего не подарит» и что необходимо искать клиентов и заказчиков, подбирать наиболее интересные тематики и приглашать, приглашать и приглашать слушателей на наши семинары и конференции. То есть нужно постоянно и постоянно работать и работать, и работать лучше и лучше.

Конечно, крайне важным было не останавливаться лишь на одной-двух-трёх тематиках, а постоянно увеличивать их количество, изучая потребности слушателей.

Ярким примером этому служит создание нами Центра «Земля», впоследствии переименованного в Центр «Земля и недвижимость». Он стал специализироваться на обучение кадров по проблемам землепользования и управления недвижимостью и достиг хороших результатов. И даже несмотря на непрекращающиеся, к сожалению, преобразования в органах федеральной власти по этому направлению, интерес к земельной тематике и к нашим семинарам не ослабевает.

И всё же небольшое количество тематик семинаров ушло в прошлое. Наверное и не следует об этом жалеть – ведь жизнь и потребности жизни идут вперёд. Многие меняются, много появляется того,

чего не было раньше. Значит и нам следует на это ориентироваться! Мы и старались так делать всегда! Поэтому-то Школа «Интенсив» и существует уже около двадцати лет, в то время как и Академия, да и многие министерства и ведомства, предприятия и учреждения уже по несколько раз преобразовывались и меняли свои названия.

...В фотоархиве Школы имеется фотография первой группы слушателей (сентябрь 1991 г.). Их было всего девять человек – больше не удалось в то «смутное время» собрать даже по очень «модной» «биржевой теме» (тогда ведь многим казалось, что всё будет продаваться только через товарно-сырьевые биржи). Но уже через два-три месяца у нас появились группы в тридцать и сорок, а через годы – конференции даже с тысячами участников. Теперь, чтобы сделать памятную фотографию на некоторых семинарах приходится иногда распределять слушателей на несколько групп – иначе все вместе

они не помещаются на парадной академической лестнице...

Позднее, с годами стало очевидно, что **название «Интенсив»** было дано Школе очень удачно и с большой прозорливостью.

Оно отвечает не только интенсивной краткосрочной форме обучения в Школе, но и **определяет сам дух её работы – быстрый, энергичный, интенсивный** – без академической медлительности и нерасторопности, присущих некоторым другим подобным нашей структурам.

Эта интенсивность теперь так прочно вошла во всё, относящееся к Школе, что даже не подвергается сомнению. А если возникает вопрос о возможности или невозможности какого-либо мероприятия, то ответ всегда очевиден – «... невозможного нет!». И никогда ещё Школа не подвела своих слушателей и заказчиков.

А наградой и стимулом к непрекращающемуся улучшению работы Школы являются не только зарабатываемые деньги, а

и слова благодарности наших слушателей за удачно и хорошо проведённые мероприятия.

Школа стала для каждого работника даже «не вторым домом», а, скорее всего, «первым домом», поскольку здесь проходит значительная часть нашей жизни. И эта «семейная атмосфера» также в целом положительно сказывается на результатах работы, не развивая «всепрощенчество», а повышая требовательность каждого к итогам своего труда и труда всего коллектива Школы...

Примечательно, что в Школе практически отсутствует текучесть кадров. Подбор новых работников осуществляется тщательно и крайне осторожно, с тем, чтобы они быстрее и органичнее вписались в состав команды единомышленников. Не забываются также те, кто по состоянию здоровья уже не может принимать активное участие в деятельности Школы. Уделяется внимание семьям ушедших в мир иной. Под-

держиваются добрые отношения со всеми бывшими и настоящими клиентами, коллегами, слушателями, преподавателями, партнёрами, заказчиками. Сотни и тысячи красочных поздравительных новогодних открыток и писем разлетаются ежегодно из Школы к адресатам по всей России. **В содержащихся в них словах поздравлений, признательности и благодарности за совместную работу – вся суть «Интенсива»** – нашего «второго» и «первого» дома, нашей гордости, нашего настоящего и, хочется очень верить, нашего будущего!!!

г. Москва, 1991–2010 гг.

БЕЛОЕ ПЛАМЯ

Белым пламенем каждую весну **по-**лыхает этот куст высокой, вытянувшейся аж до пятого этажа жилого дома, **черёмухи**. Это белое сияние – горение, длится недолго – всего где-то около недели, как правило, в середине мая. А каждое утро в другие дни года, проходя мимо этой черёмухи к станции метро, вижу только это и именно это **белое пламя**. Не листва, которая делает зелёным весь куст весной и летом, не яркие красно-жёлтые листья, появляющиеся осенью и не голые ветви, гнущиеся под сильным ветром зимой, а лишь только **белое черёмуховое пламя** стоит всякий раз перед моими глазами...

И мне даже не приходится слишком напрягать своё воображение – сам по себе этот удивительный черёмуховый образ возникает сразу – стоит только взглянуть на это дерево.

Так, наверное, и во многом другом мы часто видим и замечаем лишь только то, что врезалось в нашу память **раз – и навсегда!**

Конечно зимой, когда всё вокруг бело от снега, труднее на чёрных ветвях черёмухи представить «белое пламя». Но иногда в тихую солнечную погоду удаётся.

...Этот образ цветущей черёмухи всё чаще и чаще видится

по мере приближения весны. А уж когда начинают журчать ручьи, петь повесенному птицы, а на деревьях проклёвываются первые листочки, то это желаемое видение всё более и более всплывает

перед глазами. Кажется, что вот именно сегодня, сейчас, сию минуту заполыхает черёмуха этим своим таким выразительным белым пламенем.

...Вот уже и сильно потеплело. Среди тёмных стволов других деревьев, растущих вдоль «пятиэтажки», первой начинает зеленеть наша красавица. Нежная молодая зелень маленькими тонкими остроконечными листочками пробивается из её веток, сливается в общую воздушно-зеленоватую массу, и вот на ней уже явно можно вообразить белое пламя.

Зелёная «картина» стоит достаточно долго. Молодая зелень день за днём темнеет, увеличивается в количестве и постепенно заполняет всё околочерёмуховое пространство. Казалось бы процесс закончен, но нет... Всё находится в ожидании главного...

По утрам взгляд, сразу выхватывает эту зелень из бело-чёрных стволов берёз и веток других деревьев. А затем, когда становится ещё теплее, то оказывается, что черёмуховая зелень темнее и поэтому она так резко выделяется на фоне другой более светлой зелени.

Постепенно всё застывает, сравнивается и смешивается

в одном зелёном месиве. Кажется, что уже более нечего и ждать – так ласкает глаз после зимней оголённости это многоцветно-зелёное море.

Однако нет... **Как вспышка молнии пронизывает всё белое пламя цветущей черёмухи.** Вот, это наконец и происходит! И тогда подолгу стоишь и любишься красотой этого восхитительного создания, вдыхая дурманящий запах её цветения.

...Потом мы неспешно идём, почти как римские императоры, возвращающиеся из походов, по тротуару, усыпанному лепестками, только не роз, а цветов черёмухи и нам остаётся лишь бесконечно восторгаться этим **торжеством природы**, её высшим достижением – **цветением и благоуханием!!!**

ПОВАРОВКА – «ЗАГОРОДНОЕ»

Э

то название – **Поваровка**, начинающееся с той же буквы, как и полюбившаяся нам Пустошка, совсем неожиданно ворвалось в нашу жизнь более десяти лет назад. В начале это было завлекающее, радостное и удачное предложение, укладывающееся в русло нашего стремления получить в своё пользование небольшой участок земли и уголок природы, поближе к Москве и не так далеко, как наша тверская деревенька. Предстоящие трудности, конечно, виделись и предполагались, но не могли заглушить всех тех положительных эмоций и чувств, возникающих при этом.

Уголочек подмосковной природы, с первого знакомства с ним в солнечный июльский день, оказался таким замечательным, что и сегодня, и ежедневно не перестаёт удивлять и **радовать своими прелестями**.

...Конечно, никакими словами и отчётными цифрами невозможно описать и сосчитать «всё», чего стоило оформле-

ние здесь земельных участков для нашего **дачного кооператива** (названного «**Загородное**») и сооружение всех необходимых для его жизнедеятельности объектов: многокилометрового газопровода, газо-

распределительной станции, электрокабеля, трансформаторной подстанции, дороги, водопровода, телефонов с московскими номерами, забора, конторы, сигнализации, уличного освещения и ..., и..., и... (а также ещё и газификация нескольких соседних садоводств и строительство общей автодороги в качестве жеста «доброй воли»).

Даже толстый, итоговый, не на один десяток страниц, отчёт о деятельности первого Правления кооператива и этой нашей очередной «общественной работе» не смог «всё это» вместить. Сколько отнято сил, нервов, здоровья, времени и средств, помимо тех уж очень скромных взносов, внесённых его членами.

Но зато создан и обустроен для жизни и отдыха небольшой и уютный, можно даже назвать «образцовый», подмосковный дачный «городок» со всеми удобствами, почти нетронутой и сохранённой природой и умиротворяющим прудом. **Живите и радуйтесь...**

А вспоминаются почему-то и даже с огромным удовольствием всё же трудности начального периода. То ли потому, что успешно их преодолели и тем самым, хотя бы в своих глазах, несколько выросли и получили высокую оценку. Или может потому, что то время было временем надежд на новую жизнь в будущих домах-дачах. И всё тогда виделось в более розовых и светлых красках.

Это было время «**без заборов**». Участки были отмечены лишь угловыми колышками и можно было свободно, никого не спрашивая, и ни на кого не оглядываясь, проходить

по ним, куда тебе надо. Поэтому появились даже целые тропки – «напрямик» через некоторые участки и сильно наезженные дороги. А грибы – маслята, белые и даже рыжики тоже собирали везде –

всё ещё было общее...

Главное – тогда **всех тянуло друг к другу** – за советом, помощью, подсказкой, инструментом, инвентарём, спичками. И каждый, или почти каждый, готов был подолгу делиться своим опытом «дачного строительства» с другим, а другой, в свою очередь, предлагал помочь в чём-то ином. Сооружали временные столы, сколачивали скамеечки и в тёплую погоду собирались с соседями на дружеские чаепития с душевными песнями, допоздна, под звёздным небом и луной. Даже сочинили свой гимн...

Крайне **бережно отнеслись к природе**. Все участки были размечены так, чтобы максимально сохранить имеющиеся на них деревья, не допуская вырубок и корчевания. Строящиеся дома вписывались в естественный лесной массив. Совместно с лесниками была проделана большая работа по защите леса от напавших на него вредителей – жучков-корое-

дов. Вся эта забота теперь возвращает-ся нам «охапками» **изумительного по чистоте и свежести поваровского воздуха**, разно-гольем птиц, воз-можностью любова-ния игрой белочек и забавным передви-жением ёжиков.

Огромной радостью, и даже почти победой, было **зажжение «голубого огонька» из газопровода** в наших домах. Далось это невероятными усилиями и почти критически – во время первых осенних, предзимних холодов – накануне ноябрьских праздников. Включение газа принесло в наши жилища тепло и горячую воду – комфорт равный городскому, но несравненно лучше – на природе. Жизнь в кооперативе стала круглогодичная – во все времена года, а не только летом.

С особым трепетом **встречали первый Новый год** в тёплых домах. За окном – холод и вьюга, снег, ели и сосны в зимнем убранстве. Кажется, вот-вот из леса действительно придут Дедушка Мороз, Снегурочка и зверюшки... И они приходили, но с голосами наших добрых соседей и друзей. Новый год на даче – это так романтично и прекрасно, и по-настоящему незабываемо!

Потом начались и лыжные прогулки, и катания на санках, и купание в пруду, и походы за грибами, и слушание соловьёв, и чай из самовара, и шашлыки, и..., и..., и....

Однако уже тогда, в первые годы, было заметно стремление «некоторых» быстрее отгородиться от всех высоким, массивным, с кирпичными столбами забором. Им не нужно

было наше дачное сообщество – они, как и в городе, хотели жить, не интересуясь, как и чем живёт сосед за стенкой или забором...

В Пустошке же у нас было совсем по-другому. Люди из своих деревенских изб, после нашего приезда туда, тянулись к нам, к обществу, угощали продуктами со своего подворья, предлагали помощь и жили как родные, почти как одна семья.

... Здесь же – противоположность. От общеня,

от общих дел, забот, задач и стремлений – к «оголтелому индивидуализму» на своей «дачке», стараясь никого не слышать, не видеть и ни к кому на помощь не спешить...

И только небольшое число жителей нашего «оазиса Загородное–Поваровка», по-прежнему, сохранили в своих сердцах и поступках человеческое участие и сочувствие, готовность откликнуться и по первому зову ринуться куда угодно, чтобы кому-то помочь. В первую очередь, это – «наши Потаповы», приехавшие к нам из Ташкента и ставшие за прошедшие годы близкими людьми для многих во всех окрестностях Поваровки. **И когда в их доме, у ворот горит свет, значит у нас, у всех всё в порядке!**

*...Зима без морозов не бывает...
(Народная присказка)*

НЕОБЫКНОВЕННОЕ ОБЫКНОВЕННОЕ

После жаркого лета и сравнительно тёплой осени зима понемногу начала вступать в свои права.

Как и положено ещё издревле, на Покров (четырнадцатого октября) выпал первый снег, и даже была лёгкая метель. Постепенно снег растаял. Но ровно через месяц после этого снова пошёл, да такой пушистый, зимний, что можно было уже ходить на лыжах. Его подсыпало для ноября очень даже немало. Расчищая дороги и тропинки, всем пришлось потрудиться, но с большой радостью, поскольку по снегу уже соскучились.

И даже тепло, неожиданно нахлынувшее в декабре, не смогло этот снег полностью «слизнуть». За городом он лишь «присел», покрылся ледяной коркой и ещё сильнее прилип к прошлогодней траве, хвое, листьям и веткам. Землю он накрыл надёжно и, когда после Нового года затрещали настоящие и давно не испытываемые рождест-

венские морозы, это снежно-ледяное покрывало спасало деревья, кустарники и озимые от промерзания.

Этого снега даже хватило присыпать со всех сторон (для теплоты) ульи с пчёлами, стоящими «на воле» (а не в сарае или в омшаннике). Находясь в этих снежных сугробах, пчёлы подавали признаки жизни лишь куржаками и заиндевшим видом летков своих ульев, почти также, как это происходит и у человека от его дыхания на суровом морозе.

...Еле слышен стал ещё совсем недавно так весело журчащий ручей. Его сковала толстая корка льда. И теперь он зазвучал уже не наподобие старинного клавиесина (встречающегося в музеях и в кино), а наподобие ка-

кого-то другого, незнакомого и даже может быть совсем неизвестного нам музыкального инструмента из многочисленного симфонического оркестра, имя которому – сама Жизнь!

...Ночью на морозном звёздном небе видна бесконечность Вселенной. А днём всё играет и сверкает в солнечных лучах. И хотя низкое зимнее солнце быстро пробегает свою короткую южную дугу, этого вполне доста-

точно, чтобы вдоволь налюбоваться зимней сказкой.

По веткам елей и сосен рукой «неизвестного художника» небрежно разбросан снег, да так искусно и естественно, как, наверное, не удастся изобразить ни одному, даже великому, мастеру живописи.

...Под нашими валенками приятно поскрипывает белый-белый снег и это вновь и вновь возвращает нас всех в детство, в школьные канику-

лы и новогоднюю кутерьму – с лыжами, санками, игрой в снежки и другими замечательными зимними забавами!!!

Поваровка–Москва, 2008–2010 гг.

АКАДЕМИЯ

уть на работу в Академию в одну сторону занимает больше часа. Вечером – обратно домой, в Останкино. И так ежедневно – вот уже более двадцати лет.

За это время неоднократно представлялась возможность поменять работу на более близкую к дому или обменять квартиру с Севера Москвы на её Юг. Каждый раз, при обдумывании такого очередного принятия, а, скорее всего, непринятия решения, чаша весов перевешивала на прежнюю схему жизни. Думаю, не зря!... А первый раз в Академии я побывал у своего друга – Евгения Валерьевича Белкина в январе 1987 года. Тогда Академия общественных наук при ЦК КПСС только переехала с Миусской площади, осваивала новенький красивый комплекс зданий и всё здесь сверкало и блестело, пахло лаком и красками. И когда осенью того же года мне посчастливилось стать консультантом Института повышения квалификации партийных, советских и идеологических кадров Академии, то ещё долго не переставал восхищаться (да и по-прежнему восхищаюсь) её архитектурным обли-

ком (и снаружи и внутри), объёмностью и компактностью одновременно.

Этот облик не померк и сегодня. Академия, по-прежнему, сверкает и блестит, поражает каждого приходящего в неё своей чистотой, порядком, деловой строгостью и современным, несмотря на прошедшие десятилетия, видом. В этом просматривается не только постоянная забота о её состоянии, но и огромный запас прочности, который на длительную перспективу заложили её создатели, в чём с каждым годом убеждаешься всё больше. Это относится к удобной, просторной, с размахом (но не купеческим, а деловым) планировке академических залов, аудиторий и холлов, к высокому качеству использованных отделочных материалов (мрамор, гранит, кирпич, армянский туф, благородные сорта дерева, изящные металлические изделия и разнообразная фурнитура), достойной мебели и инженерному оборудованию. И, конечно, к Клубу интернациональных встреч («КИВу» – так тогда был назван ресторан и кафе «Юго-За-

пад»), а также к роскошным, но не сверх дорогим, люстрам, украшающим многие помещения.

Это прекрасно, но всё же, не это, или, вернее, не только это, здесь главное... **Главное – дух, традиции, отношения работающих в Академии людей:** особый душевный настрой, культура общения, спокойный, а не резкий и не грубый тон всех разговоров и указаний, атмосфера творчества, дружелюбия, гостеприимства и доброжелательности. Везде, даже там, где приходящий не ожидает, он встретит улыбку и участливое понимание его проблем. В этом – вся наша Академия, весь её коллектив, все люди.

На этом и держится наше **академическое братство – в постоянной готовности помочь, оказать содействие, доставить приятное.** И не потому, что «якобы мы очень богатые и, мол, всего у нас много», и не потому, что «мы не сильно загружены и, мол, у нас много свободного времени», и не потому, что «добро на нас сыплется, как из рога изобилия и нам, мол, его девать некуда»..., а **просто по-другому**

мы и не можем! Наверное, это заложено в нас самих и успешно развилось в благоприятной среде, ставшей большинству из нас родной, Академии.

В создание всего этого вложили свои силы, душу и энергию многие поколения руководителей, работников и преподавателей Академии. Вот только некоторые коллеги, с кем мне посчастливилось работать и кого хочется в связи с этим упомянуть – Рудольф Григорьевич Яновский, Алексей Максимович Королёв, Вячеслав Иванович Плакся, Михаил Иванович Корнюхин, Алексей Михайлович Емельянов, Владимир Константинович Егоров, Фёдор Данилович Демидов, Евгения Анатольевна Яблокова, Валерий Иванович Кушлин, Александра Александровна Царёва, Анатолий Иванович Белов, Виктор Иванович Корниенко, Николай Николаевич Полудённый, Юрий Николаевич Юдаков, Иван Дмитриевич Мацкуляк, Сергей Семёнович Вахов, Наталья Сергеевна Журавлёва, Валентина Михайловна Дьячкова, Лариса Николаевна Никитаева, Николай Фёдорович Хлюстов, Михаил Сергеевич Калинин... Замечу, что это, конечно, отнюдь не «Доска Почёта». И всё же, пусть простят меня, что под

многоточием – имена ещё многих и многих других достойных людей нашей Академии!

Все они стремятся **сохранить, продолжить и приумножить добрые академические традиции**. А главным их хранителем долгие годы являлся уважаемый всеми нами Дмитрий Григорьевич Квок – душа, советчик, «вдохновитель и организатор» многих и многих академических дел и начинаний, а также «вершитель» судеб некоторых людей. Его мудрые слова и влияние некоторые из нас продолжают ощущать и сейчас.

... Не всё, конечно, так безоблачно и прозрачно в нашей Академии, как ясное небо в хорошую погоду. Бывает всякое – ведь живём и работаем не в отрыве, а непосредственно в реальной действительности, которая окружает нас в Москве, стране и мире.

Помогает то, что в нашей академической среде, как в Байкале или каком-то «большом плавильном котле», «перевариваются» и «переплавляются» частицы того плохого,

что в неё иногда, к сожалению, попадает. Плохой, случайный человек, грубиян (непроявившийся поначалу) сразу становится заметным, выбивающимся из общего фона Академии.

И если он не изменяется в лучшую сторону, или не покидает Академию, то вокруг него образовывается своеобразное пространство, которое защищает людей и Академию от его пагубного и негативного воздействия. Люди сторонятся его, стараются, по возможности, быть от него подальше и вообще не иметь с ним никаких отношений. Зачем? Ведь других прекрасных людей в Академии достаточно и с ними можно не только делать большие и полезные дела, но и поговорить «по душам» о многом и многом! И, конечно, о главном для всех нас – о том, чтобы **Академия** (теперь носящая громкое и длинное название – Российская академия государственной службы при Президенте Российской Федерации) и **в будущем оставалась ведущим, «элитным» учебным учреждением страны по подготовке и повышению квалификации управленческих кадров**, и чтобы те, кто у нас обучался, рекомендовали своим коллегам учиться именно у нас – в нашей Академии.

Всё это всегда было нашим ориентиром и хочется надеяться, чтобы так было и дальше, дальше, дальше...

В этом нам может пригодиться тот богатый опыт, который коллектив Академии накопил при прохождении драматических периодов своего существования. Это опыт защиты интересов Академии в переломный период осени 1991

года и сложные времена 1993–1994 годов, когда судьба Академии буквально «висела на волоске», и даже уже имелись, подписанные определёнными лицами, документы о прекращении фактически её деятельности. Благодаря усилиям многих самоотверженных людей, душой и сердцем преданных Академии, всё в конечном итоге было благополучно и с меньшими потерями разрешено. Хвала и слава им всем, и помня об этом нужно **ещё дружнее и плодотворнее нам всем трудиться на благо любимой Академии и России!!!**

г. Москва, 1987–2010 гг.

ОСЕННИЙ ЭТЮД

осторожно, несмело ступаю по этому пёстрому и празднично-разноцветному ковру опавших осенних листьев, рассыпанных в таком вызывающем немой восторг и изумление беспорядке. Все они – жёлтые, светло-коричневые, оранжевые, красные, розоватые... представляют собой изумительный набор красок, которому может позавидовать любой и даже выдающийся «мастер кисти».

Листья трогательно шуршат и порхают в воздухе и на устланной ими земле, которая, в отличие от ставшей привычной нашему зрению летней зелени, теперь кажется осо-

бо украшенной к какому-то очень важному событию – очередному торжеству жизни.

Деревья пока не оголились. На многих из них, по-прежнему, зелёная листва, но она теперь уже другого, не летнего от-

тенка. Ещё один миг – и она запылывает огненными цветами и постепенно приобретёт вид подобный листве на соседнем дубе или клёне, которые уже оделись в свой осенний наряд и ласкают наш взгляд своим бесконечно красивым убранством: ярко-жёлтым и светло-красным.

Солнечные лучи добавляют что-то своё в эту палитру красок. Воздух от этого кажется ещё более прозрачным, светлым и, как говорил великий поэт, «хрустальным». Его вдыхаешь с таким же наслаждением, как-будто утоляешь жажду в знойный летний день холодной родниковой водой.

Ярче и выразительнее становится голубизна неба. Более звонко разносятся по лесу голоса и крики. Светлая радость и умиротворение незаметно проникают в наши души и сердца. Кажется, что вместе с опавшими листьями мы и сами немного очищаемся, тоже скидывая что-то ненужное.

И никакой грусти! Только размеренное и определённое ритмом жизни Великой природы Земли естественное чередование и смена времён ещё одного года нашей жизни...

Октябрь 2008 г.

ЗЕМЛЯКИ

Не знаю, как это считать: удачей или хлопотами, отнимающими много времени, но с самого первого дня жизни в столице у меня **не терялись связи со своими земляками**. Где бы здесь не работал, постоянно кто-то звонит, приезжает, пишет, передаёт привет и просит в чём-то помочь. Несмотря ни на что, стараешься не отказать, а что-то всё-таки сделать. И это потом (когда уже сделано) согревает душу и обратной связью находит созвучные отклики.

Поначалу это воспринималось как выполнение какого-то своеобразного долга. Вот, мол, раз тебе посчастливилось перебраться в Москву и «вкусить всех её даров», то

будь добр помоги другим – тем, кто остался в далёкой и суровой сибирской стороне.

С годами «погашение» этого долга должно было бы вроде закончиться – ведь не безмерный же он всё же! Однако это не происходит и до сих пор, а стремление хоть в чём-то помочь землякам превратилось постепенно в устоявшуюся привычку.

По поводу этого домашние смеются – «...долго ли, мол, ещё будет продолжаться эта «эксплуатация»?» Наверное, они правы. Ведь есть определённые пределы всего, а человеческого времени тем более. Да и по всем сегодняшним «модным» правилам и законам «управления временем» всё это необходимо было бы уже давно волевым решением ограничить. Но этого не происходит и... каждый новый телефонный звонок от земляка превращается в очередное («но больше не буду!») сладостное поручение самому себе в ущерб личному времени и времени, которое должно быть уделено семье...

И всё же хорошо, что ты кому-то нужен, и хорошо, что у кого-то есть возможность обратиться к тебе – хуже, когда нет ни того, ни другого. Будем это ценить, а в «съэкономленное время» стараться всё нужное успеть сделать!

...Как то так незаметно случилось, что постепенно наша Школа «Интенсив» стала своеобразным представительством Иркутской области, да и некоторых других сибирских регионов. У нас и в других структурах Академии в различных мероприятиях постоянно принимают участие наши земляки. Но раньше, а особенно ещё в советское время, земляческие отношения не особо приветствовались и к ним относились почти как к «кумовству» и так называемым «днепропетровским эпохам». Хотя ничего плохого в этом не видно – если земляк помогает земляку по вполне оправданному и объективно обоснованным причинам и критериям. И теперь мы стали смелее и с ещё большей гордостью всем стараемся рассказать о нашей малой Родине.

А значительно эта сторона нашей деятельности активизировалась с 1995 года, после знакомства с руководством **Иркутского землячества «Байкал» и представительства Иркутской области в Москве**. В прежние годы о таком «посольстве» в столице мы не могли и мечтать – посчитали бы за неумеренное расточительство государственных средств. Но экономическая жизнь страны резко изменилась и необходимость в таком

«представлении» области появилась. И очень удачно вместе с Представительством заработало наше Землячество, возглавляемое тогда Александром Владимировичем Власовым и Антониной Михайловной Перекальской-Невзоровой. Оно объединило многих наших земляков – иркутян-москвичей на оказание помощи Администрации и населению области.

Со временем Землячество выросло в реальную силу, с которой не только считаются, но на помощь которой многие рассчитывают и полагаются. Немало своих мероприятий оно проводит и в нашей Академии: новогодние вечера, совместное празднование Дня Победы, просмотры документальных кинофильмов, презентации новых книг земляков, а также незабываемые тёплые встречи в **клубе «Литература, искусство, культура»** под почётным председательством уважаемого всеми Валентина Григорьевича Распутина. За эти годы многие работники Академии уже почти выучили гимн Землячества «Славное море – священный Байкал», а байкальская вода в бутылках имеется теперь во всех академических пунктах питания, а не только в ресторане.

Большие возможности для дальнейшего объединения усилий иркутян-москвичей предоставляет и открытый в

Интернете **сайт Землячества «www.baikal77.ru»** (к сожалению, названия сайтов пока пишутся лишь латинским шрифтом, а не русскими буквами). Здесь каждый может ознакомиться с составом

и планами работы Землячества, с информацией о проведённых мероприятиях, об органах власти и событиях в Иркутской области, посмотреть кинофильмы и даже почитать свежие номера иркутских газет. Через «Гостевую книгу» можно общаться с руководством Землячества и друг с другом. Можно и просто полюбоваться красотами и видами Байкала, размещёнными на сайте.

Землячество представляет собой костёр, у которого могут согреться душой и сердцем наши земляки – иркутяне-москвичи. Чтобы он не погас, к нему несут и несут дрова и поленья – материальные, духовные, организационные – большинство членов Землячества, добровольно объединившихся в такую нужную и полезную общественную организацию! И от этого всем нам становится немножко теплее и всё большую помощь каждый из нас может оказать другим землякам, руководству и жителям родной области!

ПОЛУСТАНОК С НАЗВАНИЕМ «БАМ»

каждого из нас немало своих своеобразных полустанков – мест, где жили и живём, где работали и работаем, где встречались, радовались, ликовали и просто были счастливы.

Мне повезло, что у меня был и есть такой **полустанок с названием «БАМ»**. Это не просто населённый пункт, город, столица и не железнодорожная станция, а нечто большее, и не только в пространстве и во времени, а и в самом смысле и содержании этого короткого, но вместившего в себя так много, слова **«Б-А-М»!**

...БАМ стремительно, как вихрь, ворвался в нашу жизнь зимой 1974 года – из радиоприёмников, с экранов телевизоров и кинотеатров, со страниц газет и журналов, из рассказов наших друзей, товарищей и коллег.

Вот так сильно-сильно БАМ гремел первые десять лет – до долгожданных, фактической и символической, стыковок Западного и Восточного его участков на разъезде Балбухта и станции Куанда и открытия сквозного движения поездов по БАМу в канун ноябрьских праздников 1984 года. Вся страна и весь народ вложили в это созидательное дело очень и очень много всего – и материального, и интеллектуального, и духовного и даже частички своих сердец и ку-

сочки своих «малых Родин» со всех концов нашей необъятной Великой Родины – Советского Союза.

Как жаль, что на большее тогда не хватило сил и воли – дальнейшее развитие регионов, прилегающих к построенной в короткие сроки Байкало-Амурской железнодорожной магистрали, практически приостановилось, а точнее, почти не началось. А какие прекрасные и даже детально просчитанные, и с огромной эффективностью для страны, были планы.

Если бы реализовать даже небольшую их часть, то рывок в освоении несметных богатств Сибири и Дальнего Востока на благо всего народа был бы, несомненно, громаден.

...Строительство БАМа, как и все объекты транспортного строительства, имело свою большую «линейную» и «протяжённую» специфику. Здесь не было, как на строительстве гидроэлектростанций и заводов той, захватывающей дух, панорамы башенных кранов, бесконечных колонн динамично снующих самосвалов с бетоном и грунтом, моря сверкающих и тающих в ночи огней электросварки. Строящиеся объекты, трудовые коллективы и бригады были разбросаны друг от друга не на километры, а на десятки и даже сотни километров!

Путеукладчики, которые двигались навстречу друг другу

с Запада и Востока, и за которыми ежедневно следила вся страна, были своего рода «венцом строительства» – они как бы завершали то огромное дело, в котором до них принимали участие десятки, сотни и тысячи людей – рубили просеки, отсыпали насыпи дорог и железнодорожного полотна, строили мосты и придорожную автотрассу, временные посёлки, вокзалы, депо, жилые дома, социальные объекты. Бригады путеукладчиков соединяли это с «внешним миром», с «Большой Землёй», и это являло начало нового этапа продолжения строительства и обустройства всех районов, прилегающих к строящейся железнодорожной магистрали.

...В моей домашней библиотеке имеется большое количество книг и альбомов о БАМе, написанных прекрасными и увлечёнными людьми, с восторгом и спокойно, пусть даже местами немного преувеличенно, но в целом правдиво. Иногда, выбрав время, вновь перелистывая страницы этих

книг и рассматривая многочисленные трогательные бамовские сувениры – от «золотого костыля» до куска ценного минерала – чароита с Читинского участка БАМа, прихожу к выводу, что ничего переписывать (как иногда сейчас делается) в «написанном тогда» не нужно – и в своём и в чужом тексте. Всё должно так и оставаться. «Всеуму», как говорят, «своё время и место», а особенно, в истории.

...Итоговые материалы многих социологических исследований, проведённых в те годы на строительстве БАМа, показали, что это был всплеск очередного энтузиазма молодёжи, но теперь уже не двадцатых, ... не пятидесятых, не шестидесятых, а уже семидесятых «годов».

Подобное было ранее на других ударных комсомольских стройках. **Но это было ранее, у них, – а это «... теперь и у нас – на БАМе»!!!** И хотя в ответах на вопросы анкет социологических опросов многие стеснялись этого и пытались

замаскировать чем-то более «земным», например, «желанием узнать новые места», «материальной заинтересованностью», «возможностью приобретения автомобиля» и т.п., – всё равно это просматривалось, как говорят, «невооружённым глазом». Молодёжь на БАМ, действительно тянуло стремление проявить и испытать себя в трудных условиях, совершить в жизни достойный поступок и сделать полезное дело. Был при этом частично и «здоровый авантюризм», присущий, наверное, большинству первопроходцев и переселенцев во все времена – как и у Колумба, и у Ермака! А всего на строительство БАМа по комсомольским путёвкам из всех уголков страны приехало свыше сорока пяти тысяч юношей и девушек!

Они – строители БАМа, на самом деле стали **героями нашего времени!** И не только те девятнадцать Героев Социалистического Труда, что получили «звёзды» из рук секретаря ЦК КПСС Долгих Владимира Ивановича 27 октября 1984 года в г. Тынде. И не только те немногие, кто получил такие же «звёзды» до и после этого славного события. И не только те, кто был награждён другими высокими правительственными наградами за сооружение объектов БАМа. И не только те, кто получил медаль «За строительство БАМа»

или другие комсомольские, партийные, профсоюзные и советские знаки отличия. А и **все те, кто действительно самоотверженно трудился на стройке века – БАМе, и кто считает это своей высшей наградой в жизни и на слово «бамовец» отзывается, как на своё собственное имя, данное родителями при рождении.**

...Комсомол, БАМ, Иркутск, Байкал, Чита, Чара, Тында, Усть-Кут, Таюра, Магистральный, Ния, Кунерма, Нижнеангарск, Беркакит, Кувыкта... – это бесконечный ряд слов – паролей, на которые мгновенно откликаются «серебряные» струны наших душ и сердец.

За каждым названием всплывают яркие мгновения, тёплые встречи, незабываемые знакомства и познание людей, событий и окружающей нас действительности.

Эти мгновения жизни невозможно забыть, они будут с нами навсегда, как одни из самых дорогих, хотя тогда – в те моменты – мы этого ещё не ощущали. ...Посёлок Звёздный, июль 1974 года. Какой посёлок? Его ещё нет?! Отряд имени XVII съезда ВЛКСМ живёт в палатках. ...А вот уже первый

поезд до станции Улькан – это 1977 год. ...1981 год – приезд отряда «Молодогвардеец» в Северобайкальск... Укладка «Золотого звена»... Открытие сквозного движения поездов по БАМу – 1984 год...

И, конечно, **я благодарен судьбе, что лично знал и знаю людей, кто очень много вложил в сооружение магистрали.** Это – Виктор Лакомов, Феликс Ходаковский, Леонид Казаков, Вячеслав Аксёнов, Александр Бондарь, Иван Варшавский, Владимир Степанищев, Юрий Бочаров, Владимир Мучицын, Валентин Сущевич, Анатолий Орлов, Владимир Сёмин, Юрий Вербицкий, Валерий Нестерович, Алексей Максимов, Баир Балбаров, Сергей Будажапов, Александр Тишутин, Тлютай Бирюкбаев, Александр Акимов, Сергей Рыбаков, Лазарь Бартунаев, Владимир Поздняков, Евгений Словецкий, Виктор Муконин, Владимир Полютов, Константин Владимирович Мохортов, Евгений Михайлович Тяжелников, Борис Николаевич Пастухов, Виктор Максимович Мишин, Николай Васильевич Банников, Ефим Владимирович Басин, Иван Алексеевич Панчуков, Юрий Афанасьевич Есаулков и многие-многие, **чьи имена должны быть навсегда вписаны в Летопись строительства БАМа.**

... Несмотря на прожитые годы, вместе **со словом «БАМ»** в нас, по-прежнему, **оживает ощущение** какой-то свежести чувств и эмоций, неподдельной искренности отношений, сибирского радушия и гостеприимства – **всего, действительно, настоящего и «с-т-о-я-щ-е-г-о», как сам БАМ!**

ЧЕЛОВЕК ПЛАНЕТАРНОГО МАСШТАБА

Ч

еловек планетарного масштаба встречается не так уж часто. Наверное, это так и должно быть. Ведь не могут же все люди быть начальниками – кому-то суждено быть и подчинёнными!

Поэтому человек планетарного масштаба встречается ещё гораздо реже, чем талантливый руководитель или начальник. Его склад ума совершенно особый. Он думает и мыслит категориями и понятиями общепланетарными, а не только своими «местечковыми».

Этот человек, по большому счёту, не принадлежит ни родителям, ни жене, ни детям, ни внукам и даже себе, а вернее, его жизнь и всё существование не принадлежат

только ему. Он – достояние всей планеты!

Даже если ему судьбой уготовано (так вот получилось) заниматься каким-то очень рутинным и совсем не масштабным делом, то всё равно и это, даже самое простое дело, он будет делать с планетарным масштабом и попланетарному. Хотя ему от этого бывает нелегко. И всё же чаще всего такой человек умеет подняться над «суе-той сует». А если обыденность его порою сильно «заса-сывает», то он в какой-то момент осознаёт это и стремится вылезти из этой «топи и трясины».

Конечно, при этом окружающим – родным, близким, коллегам, товарищам и друзьям бывает тоже нелегко. Они вынуждены терпеть его, непонятные им, «закидоны» и «вывороты». Хорошо, если ещё их быт и условия жизни достаточно обеспечены. Труднее, если необходимо постоянно заботиться о «хлебе насущном». Здесь уж сильно не «пофилософствуешь». Нужно выбирать – или то, или дру-гое. А на всё сил порою не хватает...

Поэтому крайне важно, чтобы люди планетарного

масштаба попадали в «свою струю». Тогда им и всем остальным огромная польза!

Эти выдающиеся личности, являясь людьми дела, окружают себя подобными и становятся притягательным центром для деловых и деятельных людей. Им не хочется, да и некогда растрачиваться по пустякам – они всегда заняты важнейшими делами и принятием судьбоносных решений.

Желательно, чтобы близкие им люди понимали это и старались не расходовать их драгоценное время напрасно. Хотя, порою из деликатности и такта, люди планетарного масштаба позволяют себе заниматься даже второстепенными, но кому-то очень нужными делами.

...Вообще-то, **человек планетарного масштаба видит** и чувствует всё происходящее вокруг него сразу **в нескольких измерениях** – вертикально, горизонтально, в плоскости, объёмно и многомерно, а его взгляд и мысль пронизывают толщу времени, быстро проскакивают промежуточные этапы и слои и ухватывают конечное того или иного явления. Это почти **провидение, предсказание** или что-то ещё в этом роде – то, что не под силу другому обыкновенному человеку.

...И мы должны быть счастливы, что имели и имеем редкую возможность жить и работать вместе с **людьми такого планетарного масштаба...!**

СССР – РОССИЯ – ЯПОНИЯ

Знакомство с Японией и японцами произошло, конечно, намного раньше того жаркого июльского дня, когда подлетая к аэропорту Нарита в Токио вместе с двумя баумовцами, впервые воочию увидел эти цветущие острова среди бескрайних морских и океанических просторов.

...Ещё в детстве, читая в журнале «Огонек» (сверхпопулярном в то время) роман о советском разведчике Рихарде Зорге, проникся уважением к богатой культуре и интересным традициям Японии. Позднее, встречаясь с японскими делегациями и туристическими группами в Шелехове, Иркутске и на Байкале, почувствовал бережное отношение япон-

цев к природе и ко всему живому. Подражая им, тоже стал иногда читать газеты «с конца», с последней страницы, хотя привычный у нас порядок расположения информации по важности иной, чем в Японии. Правда, приятно, что некоторые наши газеты тоже помещают «в конце» очень интересные материалы: о спорте, для дома и отдыха.

И всё же, по-настоящему, я узнал Японию именно в ту первую поездку по линии Союза советских обществ дружбы (ССОДа), в руководстве которого впоследствии работал наш прекрасный коллега, «японист» Юрий Иванович Смирнов. Японские друзья провезли нас через большую половину Японии, по её «городам и весям» вплоть до северной оконечности. В этот и последующие мои приезды в страну Восходящего Солнца удалось не только познакомиться с её культурой, достижениями и бытом японцев, а посчастливилось немножко понять их, убедиться в том, как много у нас общего и что многое и им и нам одинаково нравится. Это касается душевных и трогательных японских, советских и рус-

ских песен, вежливости и деликатности в отношениях, понимания основных жизненных ценностей: здоровья, семьи, любимой работы, творчества и существования в гармонии с окружающим миром. При этом «технологические

и технократические успехи» отходят на второй план – они лишь дополняют упомянутое выше.

С того памятного лета 1981 года и до сих пор мне удаётся не прекращать свои отношения с Японией и японцами, участвуя в работе **Общества дружбы «СССР – Япония» (теперь «Россия – Япония»)**, начиная с руководства Молодёжной комиссией, а также периодически принимая в Доме Дружбы на Арбате и в Академии японских друзей.

Хотя теперь уже Общество полностью существует только на общественных началах (без какой-либо финансовой помощи государства) его руководство во главе с Игорем Владимировичем Романенко старается не уменьшить, а максимально увеличить и разнообразить дружеские контакты с японской стороной.

То, что сегодня делается совместно с Посольством Японии в Москве, министерствами культуры и иностранных дел России и Министерством иност-

ранных дел Японии заслуживает всяческой похвалы. Это – регулярное знакомство японской и российской общественности с достижениями культуры наших стран, периодические выступления артистов, кинофестивали, выставки икебаны, «чайные церемонии», гастролы национальных театров, демонстрации «японской кухни». Но самое главное, что через такую «народную дипломатию» устанавливаются прочные, долговременные и надёжные отношения между нашими соседними странами и нашими, хорошо относящимися друг к другу, народами! **Всё это делается от души, искренне, бескорыстно и действительно по-дружески!**

НА РАЗВИЛКАХ ЖИЗНИ

жизни нередко складывается так, что приходится стоять **на развилке и выбирать** направление своего дальнейшего движения. Почти как в известной сказке: «Налево пойдёшь..., направо пойдёшь..., прямо пойдёшь...». Только вот возможностей

этих бывает разное количество и часто с непредсказуемыми и не очень точно прогнозируемыми последствиями.

Ещё чаще бывает, что идёшь или даже бежишь вперёд по казалось бы широкой и далеко просматриваемой дороге и совсем не замечаешь узенькой тропинки в сторону. Проскакиваешь её, а она то возможно и вывела бы на другую, более широкую, а главное, более нужную дорогу. Ну, проскочили, так проскочили – будет, наверное, ещё и другая подобная тропинка. Дорога-жизнь длинная, успеется! И это, по-видимому, правильно, потому что, если уж слишком сожалеть о каждом

несделанном шаге, то жизнь тогда только и будет состоять из одних «вздохов», «ахов» и других подобных восклицаний. Лучше уж повнимательнее **смотреть вперёд и правильно выбирать се-**

бе дальнейшую до- рогу!

Только вот выбор этот, зачастую, зависит не только от тебя, а от многого-многого другого, чего одному человеку изменить не под силу. Так бывает во время войн, революций, социальных

бурь, потрясений и смут, катастроф, различных преобразований и реформ... В такие времена человеку совсем мало остаётся возможностей для выбора своего жизненного пути и часто выбирать приходится лишь между «плохим» и «очень плохим». А скорее всего, его просто несёт вместе со всеми лавина событий, неподвластных ему.

А другого-то времени и не дано. Ведь мы ещё не научились, как в фантастических фильмах, перемещаться во времени: в прошлое или в будущее, то есть туда, куда бы хотелось. Жить надо именно сегодня и сейчас. И с осознанным пониманием непростоты этого и приходится принимать различные, а иногда и нелёгкие решения **на очередных развилках жизни.**

При этом многое проявляется и выявляется в поведении человека, и очень многое зависит от

его личных качеств и чувства собственного достоинства. В такие моменты предельно обнажаются и делаются очевидными отличия одних людей от других, становится видно: «Кто есть кто и на что способен?!».

Именно поэтому крайне важно, чтобы каждый из нас постоянно сохранял и укреплял **чувство человеческого достоинства**, старался **жить с торжеством в душе** от предоставляемой счастливой возможности жизни, а вот государству и власть имущим следовало бы больше заботиться о сбережении нашего народа, языка его общения – русского языка и всей многонациональной культуры России, то есть той среды, в которой мы все развиваемся. Тогда и **выбираемые нами на развилках жизни дороги будут светлее и радостнее...**

СРАЗУ ВСЁ ВМЕСТЕ

то был день частичного солнечного затмения, который, как начиная со вчерашнего вечера говорили по теле

визору астрономы, должен будет повториться теперь только через тридцать два года и даже позднее. И вот он завершился рождением второй нашей внучки! К тому же всё это совпало с Днём высокочтимого святого Серафима Саровского, днями рождения моей бабушки – Серафимы Никифоровны Швецовой и соседки по

даче, да ещё любимым нашим днём – пятницей (завершением трудовой недели). Хотя мы были в отпуске и все пятницы для нас на это время стали обычными днями, всё равно это было очень приятно.

Вот так слилось сразу очень много всего вместе – в один сосуд нашей жизни, теперь уже становящийся очередным туеском доброй памяти! А внучку назвали Зоя, что, говорят, означает «жизнь»...!

Поваровка, 1–5 августа 2008 г.

«НОВЫЙ ГОД» В АВГУСТЕ

Желающих поехать на автобусе с ночёвкой в Архыз было больше чем надо. Этому в немалой степени способствовала, состоявшаяся накануне нашего приезда в санаторий, поездка туда советского и немецкого руководителей, а также то, что по разным причинам не состоялись несколько ранее объявлен-

ных экскурсий на Домбай.

Всем хотелось поближе взглянуть на Кавказ, подышать чистым горным воздухом, да и вообще немного «отойти» от слишком уж солёной ессентукской минеральной воды.

Наш культорганизатор Людмила Ивановна постепенно пе-

реводила записавшихся из резервного списка на места раздумавших ехать, а образовавшаяся инициативная группа из двух энергичных и жизнерадостных отдыхающих, уже объявила сбор всех выезжающих.

Предстояло решить некоторые, так называемые, организационные вопросы. Попросту речь шла о том: делать или не делать шашлык и как: с горячительными напитками или без них?

Естественно, что в «эпоху плюрализма» мнения разделились. Первым, кто заявил о желании кушать шашлык не запивая его горячительными напитками, был Алексей Иванович. Его утверждение, что ему совершенно противопоказано их употребление, а также намёк на вообще «непьющего», были сигналом для некоторых других отдыхающих также заявить о шашлыке без горячительных напитков и внесении соответственно меньшего взноса на организацию вечернего ужина. Однако это делу не помешало. Было решено шашлык делать с напитками по желанию. Более того оказалось, что наша инициативная группа уже отстояла несколько часов в «винной очереди» (здесь тоже шла «антиалкогольная компания») и приобрела определённое количество этих напитков. Излишки же, которые выявились после длительного обсуждения, было решено реализовать следующей группе «санаторных экскурсантов».

Накануне отъезда, рано утром все вместе дружно сходили на рынок, где купили сочных северокавказских помидоров, сладкого перца, фруктов, ткемалевого соуса и различной зелени. Уже по дороге, в поле пополнили продуктовые запасы спелыми кукурузными початками.

Место, куда приехали, оказалось изумительным. Горы нависали со всех сторон. Под окнами здания, где разместились, шумела река Архыз. Вода в ней, как и во всех горных источниках, была ледяная. Но солнце светило так ярко, что удержаться и не искупаться было нельзя.

После прогулки по окрестностям и лёгкого ужина все собрались у костра. Женщины накрывали стол, а мужчины готовили самое главное – шашлык.

Произнесли тост за Кавказ, за природу, за отдых и хорошее настроение.

На удивление всех Алексей Иванович выпил, а не пригубил, стопку, и тут же попросил налить себе ещё... Оказалось, что утром, перед отъездом из санатория он уже подходил к нашей инициативной группе и просил принять дополнение к своему первоначальному взносу, поскольку якобы передумал, решил забыть о всех противопоказаниях и хочет кушать шашлык с горячительными напитками...

Все были немного возбуждены от шашлыка, напитков, шума реки, чистого воздуха и неожиданно опустившейся лунной ночи.

Никто не заметил во сколько раз Алексей Иванович превысил долю своего взноса в шашлычный ужин. Однако, когда у него сломался стакан, всем стало ясно, что не случайно он от-

казывался от шашлыка с горячительными напитками и что жена его не поехала с ним сюда тоже не случайно... Он был уже как на «автопилоте» и, не найдя больше выпивки, начал всем что-то

громко рассказывать и доказывать. Все, смеясь, отделивались от него.

Постепенно зазвучали у костра туристские песни...

Становилось всё прохладнее и прохладнее – сказывался горный резко континентальный климат и приближение

уже близкой осени. Костёр догорел и всех потянуло в помещение, где уже звучала музыка. В гостиной выключили свет и под общие возгласы восторга зажгли небольшой камин. Пламя торжественно и загадочно освещало возбуждённые, радостные и весёлые лица.

Всем показалось, что наступает Новый год... И действительно – за окном темно, где-то шумит река, звучит тихая музыка, горит камин, напоминая горение новогодних свечей и кажется, что вновь приходит сказка...

А в сказку всем нам так хочется иногда верить, хоть бы и раз в году...

...Танцы при свете камина были таинственны и прекрасны. Мужчины стремились быть как можно более галантными и раскованными, делая вид, что танцы для них – самое главное в жизни.

Особенно был великолепен Алексей Иванович. Он сменял одну партнёршу за другой и, несмотря на свой немалый возраст, нисколько не уставал. По всем его манерам, жестам и движениям чувствовалось, что он когда-то был хорошим танцором. Это всё проявлялось в нём подсознательно, по инерции, при звуках очередного танца, поскольку во всём остальном сказывалось выпитое им с шашлыком.

В начале, как и у костра, все несколько побаивались его –

чего бы он снова не натворил. Однако в танце его «автопилот» работал надёжно – ни одну из партнёрш он не уронил и ни одной не наступил на ногу, а всех эффектно приглашал на танец и всех красиво благодарил, нежно целуя их ручки. В нём чувствовалась уже забытая добрая старая школа танца...

Такие танцы не забываются долго... Всем было хорошо и радостно, все были веселы и добры друг к другу.

Потом, одевшись потеплее, пошли гулять по тропинкам – «...вы помните гулянье под луной...».

Было светло – словно днём. Где-то за горным хребтом грохотала гроза, в небо прорывались отблески дальних молний, а здесь всё было спокойно и безмятежно, и по ровной глади пруда не пробежало даже маленькой волны.

При лунном свете всё стало ещё более загадочным и таинственным. Захотелось хороших стихов... Эдуард – наш главный организатор – знал их бессчётное количество. Он чередовал Есенина с Баратынским, Тютчева с Блоком, Пастернака с Пушкиным, Гамзатова с Ахматовой...

После этого снова пели не стареющие туристские песни о Домбае, Шхельде, маршруте... Кипятили в одном из гостиничных номеров маленьким кипятильником воду в графине, заваривали крепкий чай, пили его с карамелью и пряниками небольшими обжигающими глотками и говорили... Снова читали стихи..., снова вполголоса пели песни..., снова танцевали в тёмной гостиной под негромкую музыку...

«Новый год» в августе закончился, как и обычный Новый год под утро...

И дома, в московской квартире нам иногда с женой вспоминается как сказочный сон этот «Новый год» в августе...

Как немного порою нам нужно...

Эссендуки, санаторий «Москва» – Архыз – Москва, 1990 г.

ПОСЛЕДНИЙ СНЕГ ЗИМЫ

ока выйдя из метро дошёл до остановки троллейбуса, снег засыпал меня основательно. Он валил огромными лохматыми хлопьями – как будто было не начало весны, а начало зимы.

...Когда я приехал утренним поездом, снег ещё не шёл, было темно и даже немного накрапывал дождь. До-

жидаясь открытия метро, долго колебался – звонить домой или нет. Затем решил, что звонить и будить так рано домашних не стоит. Пусть спят, как доберусь, так и разбуду.

Поехал под землёй на метро, а наверху в это время пошёл снег. По-видимому, это был последний снег. Хотя, кто знает, что этот снег – последний в эту зиму. Этого знать никто не может, как никто не может предугадать своей судьбы...

Снег падал тихо, даже очень тихо и без малейшего ветерка. Стоя на остановке, я позволял снежинкам мягко опускаться на пальто и шляпу, не торопясь их стряхивать и постепенно превращаясь в снеговика.

Любуясь этим, возможно последним, торжеством зимы, постепенно погружался в какой-то сказочный мир. Только теперь понял, почему нам нравится, когда идёт снег. Наверное, потому, что при этом весь окружающий мир, всё вокруг нас – дома, деревья, опоры с проводами – в какой-то краткий миг, как будто по мановению волшебной палочки,

становятся совершенно необычными, даже неузнаваемыми. От упавшего на них снега они меняют свои очертания, кажутся более толстыми и объёмными, приобретают невероятные формы.

Медленно опускающиеся сверху снежинки создают дополнительный эффект многомерности окружающего пространства. То, к чему привыкли глаза, сквозь эти ослепительной белизны снежные нити, выглядит другим, более привлекательным и даже немного торжественным.

...За короткое время деревья в сквере Цветного бульвара, рядом со старым-новым цирком, стали словно из сказки о Снегурочке. Вот, вся залепленная этим последним снегом, идёт по тротуару и о-н-а с-а-м-а ... И жаль, что это оказывается просто прохожая. Всё-таки здорово – когда тихо-тихо падает снег.

...После, хоть и непродолжительного, присутствия на этом очередном празднике жизни так не хотелось возвращаться к реальности, садиться в ещё поутру свободный, но такой неуместный в этом сказочном мире троллейбус, куда-то ехать и снова и снова входить и вникать в суету обычной городской жизни с её телефонными звонками, огорчениями и радостями.

Захотелось вновь слиться с самой природой и быть хотя бы немного к ней поближе.

А на Цветном бульваре всё ещё продолжал тихо-тихо падать, очевидно, уже последний снег этой зимы....

Москва, 1991 г.

Из ранее неопубликованного

С

ОПАВШИМИ ЛИСТЬЯМИ осень
Уносит бывшие года.
И ясным становится что-то,
И грустно – как никогда!
...Зачем же грустить?
Ведь не даром
Промчались как вихри они,
И только немного усталость
Посеяли в думы мои!

Шелехов, 1973 г.

ОТКЛИКИ ДУШИ

За несколько месяцев после выхода части первой «Пригоршни из туесков памяти» (9 декабря 2005 года) десятки людей направили мне свои письма, открытки, сказали искренние и добрые слова по телефону и при встрече.

Рад, что эта **небольшая**, но вовремя выпущенная и вовремя посланная близким людям и землякам **книга, доставила им в ту позапрошлую, суровую и морозную зиму немного теплоты и радости!**

Читая их отклики, по принципу обратной связи сам наполняешься светом и теплом! И как приятно и радостно видеть и создавать, что многое из изложенного в книге **раскатиستم эхом** отзывается в душах и сердцах людей...

Друг детства – черемховец – Николай Михайлович Яковлев высказал свои чувства (после получения и прочтения книги) весьма трогательно – отправил к нам, в Москву из Черемхово целый мешочек-посылку с кедровыми шишками и орехами, дурманящими и пахнущими тайгой. Их вид так выразителен на этой фотографии...

А в маленькой записке – «...у нас нет слов, чтобы отблагодарить вас...».

...Спасибо за такой подарок – книгу «Пригоршни из тусков памяти». Вот уже в который раз перечитываем её. Эта книга для нас как **Библия Жизни**. В жизни всегда есть светлые и чёрные полосы. Вот и в моей жизни пришла полоса горечи, страданий и отчаяния. Прочитав книгу, ко мне **пришло вдохновение жить...**

*Подольская (Никитина) П.Д.,
с. Черемхово, Красночикоийский
район, Читинская область*

Большое спасибо за Вашу книгу. Я будто вернулась в детство.... **Прочла сразу**, с большим удовольствием. Ждем продолжения!

*Даша, г. Канск,
Красноярский край*

...К дню рождения (Буракову Василию Петровичу 27 января 2006 г. исполнилось 75 лет – *прим. автора*) получили ваш подарок – книгу, **радости было до слёз – читали, перечитываем, а разговору в деревне...** От всей души благодарим Вас за Вашу искренность, доброту и уважение к нам.

*Бураковы В.К. и В.П.,
с. Черемхово, Красночикоийский
район, Читинская область*

...В декабре мы получили... книгу, дед (Соболев Николай Кузьмич – *прим. автора*) от **корки до корки** прочитал, говорил, что окунулся в родную стихию. Спасибо большое за внимание и добрые слова о нас. **Мне понравилась простота, искренность**, каждая строчка пропитана **любовью к родному краю...**

*Соболева Т.Д., с. Красный Чикой,
Читинская область*

...Книгу мы с Олей очень внимательно и с огромнейшим удовольствием прочитали. Книга написана талантливо, интересно. ...Очень **красиво описана природа... жизнь школы... промхоза... Много... слышали о Пустошке, но бо-**

лее подробно о ней узнали из книги. Просто героический труд...! Мы думаем, что Виктору Васильевичу с его писательским талантом нужно продолжать писать книги...

*Корниловы А.И. и О.И.,
г. Шелехов, Иркутская область*

...Говорим Вам огромное спасибо за вашу память к нам... за книгу... Мы Вас с бабой Полей помним и любим. Я ей **сразу же прочитала книгу, она всплакнула, помолилась богу.** Просит у него за вас – чтобы вы никогда не болели, благополучия всем вам! Это её слова. **Ей 87 лет – она всё помнит и с уважением относится ко всей вашей семье...**

*Васильевы П.Ф. и А.Ф.,
с. Черемхово, Красночикийский
район, Читинская область*

...Книгу читаем помаленьку. Молодец Васильевич – **как всё хорошо описал** – память останется...

*Лыкашева Л.Ф. и Лыкашева З.П.,
Пустошка, Тверская область*

Книга очень интересная, я её **прочитала на одном дыхании**, не могла оставить, не прочитав до конца.

Она у меня вызвала воспоминания... ..Она заставляет окунуться в воспоминания прошлого, вспомнить о пережитом, **трудном, но по-своему замечательном времени, и о том, что ещё есть на земле уголки с красивой природой и добрыми людьми.**

*Мария Михайловна Костенко,
г. Москва*

Прочитал «Пригоршни из туесков памяти», **как будто испил воды из родника...**

*Десятерик В.И.,
писатель, г. Москва*

О людях написано как о трудолюбивых пчёлках, а о пчёлах – как о людях. Всё с большой теплотой и любовью...

Белов А.И.,

г. Москва

...Потрясающе душевно!

Таптыгина В.В.,

г. Москва

...Вновь и вновь перечитывая «Пригоршни из туесков памяти», ощущаю себя **у чистого ручья, где всё дышит речной свежестью и запахом тайги...** и будоражу свои воспоминания.

Автор живёт в атмосфере чистых, свежих воспоминаний и затягивает туда своего читателя. Свежесть и чистота нравственного чувства изложенного – главное... Автор поэтически воспринимает то, что его окружает, что он видит. **Всё у него простое, настоящее, искреннее.** Чувствуется, что он ищет совершенство в простоте.

...Дополнения эпистолярным жанром... придают достоверность изложенному...

...Автор скромнен в своих начинаниях. Чувствуются нерастраченные силы...

Швецова Е.Е.,

г. Иркутск

Моё семейство прочло Вашу книгу. До глубины души нас тронуло **Ваше отношение к судьбам людей, окружавших Вас и Ваше отношение к Малой Родине, Ваши мысли, что стало с нею.** Всё это созвучно и знакомо – последствия 20 века – все «перипетии» нанесли невосполнимый урон душе народа.

*Житова Л.Г.,
г. Иркутск*

Прочитали книгу «от и до» **со слезами на глазах.** Потому что Вы описали от нашего детства до заката нашей жизни. То, что Вы описываете – нам с женой знакомы эти края.... Ведь мы с женой служили в этих краях.... **Какая богатая природа, какие там живут замечательные люди.** У нас много там осталось друзей, со многими имеем связи. Мы там прожили 17 лет...

*Ивановы В.П. и З.С.,
г. Смоленск*

Внимательно прочёл «Пригоршни из туесков памяти»... Скажу без лести (она не уместна – ибо нет цели): «**Ты – молодец**».

Я давно подумывал над подобной публикацией. Спросят зачем? Всё просто: я считаю, что дети, внуки наши, родные, близкие и друзья должны, наконец, включиться в процесс **активного размышления о трагической недавней истории каждого из нас и страны в целом.** Включиться, пока не поздно...

...Вот какие мысли... пробудили твои «пригоршни» воспоминаний о доброй, честной, трудной, но исключительно человеческой и потому прекрасной русской жизни в совсем недавнем прошлом, отданном нами добровольно, по дурацкой нашей простоте на поругание всякой нечести.

Ничего, выживем! Как правильно ты написал в главе «Война, победа и победители»: «...хочется верить и надеяться, что никаким силам не удастся одолеть наш народ и наших людей, которые вынесли невероятные муки, тяготы и лишения ради жизни грядущих поколений!». **Выживем и исправим, наладим в России всё по-уму.**

Суцевич В.А., не менявший цвета знамени, убеждений и друзей на грязных перекрёстках последнего двадцатилетия, г. Москва

Если открыть книгу и, не заостряясь умом на подробно прописанных человеческих именах и географических названиях, начать читать её, стараясь поймать ту гармонию, которая позволит как бы дышать тебе вместе с автором, то вскоре начинаешь понимать, что что-то подобное ты уже читал, но не сейчас, а много раньше, когда мир только открывался тебе. Кто это? В. Шукшин – нет. В. Распутин? Тоже нет. Наверное, В. Солоухин? Но Солоухин – религиозен и очень религиозен, но не на показ, а скрыто, внутренне. А здесь и «Спас медовый» и «Благодать» с маленькой буквы. В чём

дело? Да, наверное, в том, что, войдя в возраст маститой зрелости, **автор, имея и душу, и сердце**, но не как формально принадлежавшие человеку некие члены, а живую душу и тонкое сердце **дал буйство им на листе бумаги**. Да, профессионализм и литературный опыт выдают автора, как «одного из нас». Но где наши книги о красоте Божьего мира? Их нет. Наверное, потому, что у нас уже нет того **«избытка сердца»**, заставляющего идти на не рациональные поступки, а у Виктора Васильевича он есть. Наверное, потому и школа «Интенсив» уже три «пятилетки» совершая своё не всегда яркое и лишённое большой романтики дело, имеет необычно стабильный человеческий коллектив, во многом напоминающий добрую семью.

Если образ великого Ч.Чаплина, это маленький человек, стеснённый и всячески униженный современным жестоким миром, то в книге Виктора Васильевича **любой человеческий персонаж при всей его быть может социальной незаметности – это всегда фигура значимая и неповторимая в своей красоте**. А ведь каждый человек есть образ Божий. Поэтому книга, в которой ни разу не встречается слово «Бог», а употребляется лишь реально никогда не существующая некая «Природа», является, на мой взгляд, вполне христианской – воспевающей и красоту Человека, и величие Божественного Откровения, коим и является окружающий нас первозданный мир.

Хочется надеяться, что, осознав так тонко красоту Божьего мира, Виктор Васильевич сможет до конца преодолеть лживые стереотипы прошлого и, не останавливаясь на спасительном пути, войдёт в вечную Радость Творца всех и вся.
Да поможет ему Бог!

*Священник Сергей Лакутин,
Настоятель Храма
Преображения Господня с. Куженкино,
Бологовского района Тверской области*

...Казалось бы, автор в своём повествовании должен был больше внимания уделить себе, собственному «я». Однако его биографическая **повесть посвящена** замечательным, **истинно русским людям** ... Удивительно, с **какой теплотой он описывает этих скромных российских людей**, своих родных и близких, земляков. Все они, как правило, были великолепными профессионалами в своих делах и, в то же время, чрезвычайно добрыми и отзывчивыми людьми. В книге воспоминания о них органически связаны с описанием ландшафтов, сибирской природы и природы центральной России. И всё это – **от души и с любовью...**

*Бобровников Г.Н.,
академик, доктор технических наук,
профессор, г. Москва*

...Книгу твою читала и **плакала от воспоминаний** тех далёких времён и о тех людях, которые жили и трудились на благо нашей страны. Особенно о с. Черемхово и окрестностях. **Всё это знакомое и дорогое, незабываемое ...**

*Юдина Г.М.,
г. Днепропетровск,
Украина*

... **Когда читаешь эту книгу, становится тепло на душе...** Такое описание природы и добрых людей, живущих на просторах России, ранее встречать не доводилось...

... «Переваривая» это издание, я с особой теплотой вспоминаю места, людей и природу уникального края. Во многом ещё и потому, что **всё это написано с душевной теплотой, откровенно и проникновенно. Книгу прочитала «залпом», не отрываясь...**

*Веселовская Н.В.,
заслуженная артистка России,
киноактриса, г. Москва*

...Пишет **незнакомая Вам** Ольга Дмитриевна Чабаненко, которой довелось встретиться с Вашей книжечкой «Пригоршни из туесков памяти» и, **не отрываясь, прочесть** с повышенным интересом...

...Вы так **душевно, с такой трепетной теплотой** ведёте повествование, что чувствуется во всём неподдельная искренняя любовь к родному краю и та неповторимая есенинская привязанность, не отторгнутая никакой цивилизацией.

...Во время войны, в эвакуации парёнки из брюквы здорово выручали, так же, как и парёная репа и тыква, запечённая в русской печи. И Вы хорошо об этом пишете, очень правдиво.

...Спасибо...**за эту маленькую, но очень дорогую и близкую книжицу**, которая всколыхнула столько ностальгических воспоминаний и хорошо, что есть такие благодарные своей малой Родине люди, как Вы, искренне, без оглядки **повествуете по принципу: «прежде и теперь...».**

*Чабаненко О.Д.,
г. Москва*

... Устно и письменно поделились своими впечатлениями о книге также:

Хайрюзов В.Н. – писатель (г. Иркутск), Осиповы В.П. и З.П. (г. Санкт-Петербург), Иванов А.П. (г. Нелидово), Дёмина В.П. (с. Козлы, Тверская область), Герасименко Т.Н. (г. Болшево, Московская область), Степанец Н.А. (г. Мытищи, Московская область), Вахрин Ю.И. (г. Иркутск), Францев С.И. (г. Чита); Малько Л.Н., Федосеев И.В., Невзорова А.М., Карнаухов С.В., Корчажинская И.М., Абдуллаев Н.А., Астафьева Т.И., Васильев Н.М., Копаев И.В., Поздняков В.Г., Шумский Г.В., Невзорова Ю.Ю., Мацкуляк И.Д., Мамонова Е.В., Прокофьев С.Е., Слепцов Н.С., Комов Н.В., Самсонова Л.П., Синякин С.Ю., Ососкова Л.А., Квок М.И., Иванова Н.С., Макаров Н.И., Пономаренко И.И., Алимпиева Н.А., Лойко П.Ф., Миронова Г.Г., Голубинская Т.Е., Жигульских А.Р., Фаризов О.И., Оверчук А.Л., Бережной П.П. – из г. Москвы и многие другие.

Всем моим **гениальным и дорогим читателям** огромное спасибо и **благодарность за проявленное внимание и совместное «погружение» и сопереживание** отдельных мгновений нашей жизни на прекрасной российской земле!

Виктор Воронов
сентябрь 2007 г.

МЫ – «ИВАНЫ, ... ПОМНЯЩИЕ СВОЁ РОДСТВО»

Прочитав судьбинные «Пригоршни из туесков памяти» Виктора Воронова, я воскликнул: «Нет, неправду говорят, что «Мы – Иваны, не помнящие своё родство». По крайней мере, не все. У нас у каждого есть свой наполненный «туесок памяти», важно его сберечь, не потерять в суете сует, а передать его содержимое своим детям и внукам. В нём-то ведь заложен скреп поколений. Без него навсегда пропадает «Малая Родина», выпадая, как кирпичики, из Храма нашей Матери-Родины. Это подтачивает её величавую статустность, её скрепы, как в произведении Валентина Распутина – земляка автора, вскрывающего «родники народной памяти» в знаменитом «Прощании с Матёрой». Прощание Матрёны Никифоровны с ожидаемым затоплением родной деревни, где живут в памяти героини её родители и родные деды и прадеды, – трагический разрыв поколений. Сегодня психоаналитики назвали бы это – прощанием с семейным менталитетом, со своим

коллективным сознанием, когда рвутся родовые нити между прошлым, настоящим и будущим.

А без памяти о прошлом – не бывает ни настоящего, ни будущего. Кто стреляет в своё прошлое, убивает его в себе и других, тот не имеет будущего. Это закон. И Виктор ярко, публицистично, может сам того не осознавая, обращается к нам с незримым призывом следовать в фарватере этого закона. Чем старше мы становимся, тем острее тоска по детству, по Малой Родине. Этим мы – русские, отличаемся от многих «цивилизованных» народов мира, а многие эмигранты, даже самые успешные на Западе, испытывают тоску по России и завещают похоронить их в русской земле.

В подтверждение, вот один из вороновских «туесков памяти». Виктор открывает свою книгу замечательными словами: «А с прожитыми годами всё больше и больше ощущаешь потребность и даже жгучую необходимость *в глотке из светлого и чистого родника детства – глотке Родины*». Спасибо тебе, дружище, что ты подарил «глоток Родины» из «чистого родника детства». И не только детства.

Похвально, что видишь себя, свою судьбу *не только в самом себе и для себя, а в других*: в твоём героическом Дезде и не менее героическом Отце, в родных и близких, в любимой учительнице, друзьях и товарищах. Своими сибирскими «ссученными нитками» ты сшил общинный **улей памяти** под названием «Черемхово» – родную свою деревню. При прочтении книги вспоминаются слова из песни: «Деревня моя – деревянная дальняя... А я всё не еду, дела и дела». Не едем, потому что утопаем в городской суете.

Виктор, наперекор суете, как когда-то в детстве переплывал бурную сибирскую реку, регулярно наезжает в родные края. И не только! «Ссученными нитями» памяти он связал воедино и Черемхово, и Чикой, и Борзю, и Шелехов, и среднерусские «Пустошку» и «Поваровку». Но центр судьбы, её «гора», на которую смотрел, любясь в детстве, – это

же, конечно, Байкал. А с ним и память об Иркутске.

Зимой Байкал покрывается метровой толщей льда. Это вовсе не толща, а чистейший хрустальный фокус, через него видно глубинное

дно. Мне оно представилось глубинным центром земной вселенной и неким загадочным менталитетом России. Оттуда, из глубин этой неповторимой жемчужины, исходит, как при извержении вулкана, некая исполинная духовная сила. Она заряжает сибиряков силой духа (как известно, это признано историей Великой Отечественной). А Байкал как Бог наделяет своих сыновей талантом. Или как бы сказал учёный-психолог Карл Юнг, даром «визионерского творчества». К ним я отношу В. Распутина, А. Вампилова и других писателей. И просто сибиряков. И учительницу Виктора по математике Соболеву Татьяну Дмитриевну. Как тут не вспомнишь «Уроки французского». А как важно помнить сегодня своего отца – советского «нэпмана» – директора коопзверопромхоза. И своих земляков – черемховцев, не только не давших умереть селу, каких тысячи по России, но и умноживших и расширивших его. Это ли не подвиг в наше смутное время перемен. А забытые геологи, открывшие нефтяные, газовые и прочие родники, чем живёт и выживает современная Россия. А позабытые герои БАМа! «Подвиг их бессмертен» – как писали о таких поэты. Где же новая «Братская ГЭС»? Новый «БАМ»?

При моём восторге от прочитанного, не могу не сказать об одной горчинке, выпавшей на меня из «туесков» Викто-

ра. Как жаль, что мы живём в Москве, оторвавшись от своей «Матёры», работаем вместе, встречаемся, иногда беседуем, *но почти ничего не знаем о себе, друг о друге*. Более того – порой занимаемся самоедством и злобой к другим. Откуда эта чертовщина? От некой заразы что ли или от наследственной болезни, от какого-то ментального гена, который я называю «русопатией», т.е. чисто русским геном, от которого – «патия» – заражение болезнью.

Иногда говорят про нас, что мы якобы живём по принципу – «если сосед живёт хорошо, а я плохо, то пусть у соседа корова сдохнет». Многие же другие этносы кучкуются, помогают друг другу. Но, надо признать, что и русские «не льком шиты». Да, наш характер, по определению Д. Лихачёва, состоит из «противовесов», есть в нём много и хорошего, и плохого. *Как сегодня важно увидеть хорошее в нас самих и в других*. Жаль, что сегодня едят и показывают чаще плохое, от чего боль и болезнь усиливается. Так сегодня не хватает доброго слова, хотя знаем русскую поговорку – «доброе слово и кошке приятно». А ведь доброта, широта души, интуитивная сила разума – это всё наши ментальные качества. (О доброте и широте русской души писали В.О. Ключевский, Н.О. Лосский, Н.А. Бердяев и др.). Об «умопомрачительной русской философии» писал В.В. Розанов. А мы всё о плохом сегодня. Вот почему для меня «пригоршни» В. Воронова – это пригоршни доброты больших рук, засыпанные «в туесок памяти» о добрых сибиряках.

Спасибо Виктору, что **его книга – своеобразное лекарство для всех нас. Лекарство от беспамятства, грядущего или нагрянувшего социального одиночества и ностальгии по своему детству** – босоногому, но счастливому. Спасибо за **психотерапию памяти**, как важно, чтоб мы были все Иванами, помнящими своё Родство, свою малую Родину, без которой не бывает Родины большой – России. Ей вновь нужна Победа. Победа – «одна на всех, мы за ценой

не постоим», – как пели герои в фильме «Белорусский вокзал». Поэтому, книга В. Воронова, его эссе – эссе о памяти родных, близких, друзей, о крае родимом – это хороший пример для подражания по формуле: «Возьмёмся за руки, друзья!» И каждый со своими «пригоршнями» и «туесками», или «камушками на ладони» (по В. Солоухину...) войдёт в наш общий Храм человеческой души – Россию, и тогда спасём его для себя, детей, внуков и правнуков наших. Не будем плодить только грусть с воспоминанием некрасовских слов (к сожалению, судьбинных):

*«Жаль только – жить в эту пору прекрасную
Уж не придётся – ни мне, ни тебе».*

Прочитав «туески памяти», появляется уверенность – наш общий Храм души – Россия, будет прекрасен в недалёком историческом будущем. А потомки, в своих уже «туесках памяти», напи-

шут с благодарностью (хотя бы за рождение и выживание) о своих отцах и дедах. И тогда не сбьются чёрным замыслам заокеанских предсказателей и политтехнологов о распаде, реликте России. Мы уже опять умеем играть на «Шахматной доске». Умели же побеждать и Наполеона, и Гитлера, и всяких других «прихожан» на нашу землю. Сумеем и впредь постоять за себя. Только порох надо держать сухим, как это умеет делать охотник в сибирской тайге, понимая, что иначе не выживет. Надобно разумать, что развал СССР – это та

же трагедия, что произошла в «Прощании с Матёрой», только на мировом уровне. Как бы она не повторилась с Россией. Чтоб не повторилась – надо избавляться от исторического беспамятства. Наш порох – сила духа народного, наша духовность. «Нет ничего страшнее духовного банкротства» – завещал нам иркутянин А. Вампилов.

Друзья! Коллеги! Товарищи! Господа!

Постарайтесь и вы, как Виктор Воронов, по воле ли «охотничьей страсти» или по воле инстинкта сохранения памяти о себе, родных и близких, написать нечто подобное. И вы испытаете великое чувство вдохновения, как пережил, очевидно, автор «туесков», когда писал такие строки, как: «Сердце твоё при этом вначале как бы обрывается и замирает, а затем начинает трепыхаться, как крылья взлетевшей птицы, и учащённо колотиться от неожиданно нахлынувшего ... азарта». В результате совокупного азарта может сложиться, казалось бы, несбыточное – Энциклопедия «Моя малая и большая Родина».

И в завершение у меня искренне просятся слова И.С. Тургенева: «Эта Ваша книга такая прелесть, что и сказать нельзя». Сказать можно, молчать нельзя о судьбе нашей.

С признанием за удовольствие от прочитанного!

В.Д. ПОПОВ – философ и публицист,
заведующий кафедрой информационной политики
Российской академии государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
д.ф.н., профессор.
г. Москва, 2006 г.

И СНОВА ОТКЛИКИ ДУШИ... (2007-2010 гг.)

Из записи встречи в клубе «Литература, искусство, культура» Иркутского землячества «Байкал», в связи с изданием второй части «Пригоршни из туюсков памяти» (г. Москва, 22 апреля 2008 г.).

В.Г. Распутин (писатель, г. Москва)

...Он ещё не совсем настоящий писатель... и у него получается гораздо интереснее... а другой бы мог всё усложнив, испортить... от доброты и простоты душевной видит всё... не устаёт жить... не устаёт удивляться жизни... в торговле... пишет любопытное... чувствуется, что он испытывает любовь ко всему этому... к котёнку... также с мёдом, с

пчёлами... Добрую, очень добрую на удивление книгу написал... так литература и должна расширяться... Будем ждать следующей книги!

В.Н. Хайрюзов (писатель, г. Москва)

...Хорошая книга... немаленькая книжка... всех людей, которые оторвались немножко от Родины она возвращает на свои малые Родины, откуда... вышли... книга настраивает на добрый, хороший лад, читающих её... как глоток воздуха... свидание с ...местами, без которых они жить не могут... Заряжаешься энергией...

И.В. Федосеев (г. Москва)

...открыл «туески» в метро, по дороге домой. И через несколько минут забыл про всё окружающее, погрузился в мир красоты и гармонии, в мир простых забот и хлопот, которыми живут... близкие и понятные люди. Ощущение от чтения такое, как-будто пьёшь воду из горной речки, ощущаешь прилив сил, лёгкость в душе и теле. ...А станцию свою... проехал. Очнулся, когда диктор сказал: «...поезд дальше не идёт, просьба выйти из вагона»...

В.Г. Поздняков (г. Москва)

...Мне так приятно было читать... такая искренность... такая правда... Душевно рассказывает обо всём... как льётся мёд... как щёлкать кедровые орехи... ловить омуля... делать расколдку... говорит с болью о многом... А какие фотографии! ...Интерес к слову, интерес к изложению...

С.В. Карнаухов (писатель, г. Москва)

...Огромная семья иркутских писателей и литераторов... пополнилась... Всё искреннее и много познавательного...

И.В. Копаев (г. Москва)

...Вложил свою душу в эту добрую работу... Многие эпизоды точно повторяют мою жизнь... как будто написано про меня... Соединил человеческое с природой... творчество обогащает человека... в другом измерении писатели находятся...

Л.И. Чичерина (г. Москва)

...Прочитала... вспомнилось всё... пионеров... комсомол... неужели всё это было?... народ... людей... друзей... как первый раз искупались в Байкале... Книга лежит... на прикроватной тумбочке... перед сном читаю... желаю написать ещё не одну книгу... пишите и мы будем чувствовать себя людьми с большой буквы...

Также в ходе вышеупомянутой встречи своё мнение высказали **А.М. Невзорова-Перекальская (г. Москва), П.П. Бережной (г. Москва), А.В. Федосеева (г. Иркутск), Г.В. Шумский (г. Москва), В.С. Рязанов (г. Москва), С.Г. Левченко (г. Иркутск), Е.В. Мамонова (г. Москва), Р.Я. Княжевский (г. Москва), О.И. Фаризов (г. Москва) и др.**

... с большим и всё нарастающим интересом читал эти небольшие по объёму, но такие душевные, добрые, полные любви к людям и к самой жизни... миниатюры. ...искренний восторг перед самой жизнью трогателен и заразителен. ...Казалось... навсегда уходят из нашего языка неуместные в нём простые сердечные слова. Наши газеты их уже порядком подрастеряли. Но вот читаешь страницы, написанные не потомком просвещённого русского дворянства, хранителя чистой русской речи, не профессиональным литератором или филологом, а нормальным современным человеком, и душа радуется – нет, ещё не всё потеряно!... И листая страницы... возвращаешься в мир своей молодости, когда мы

были по-настоящему счастливы, но стали понимать это запоздало...

***Л.И. Шинкарёв,
писатель, г. Москва***

... Книга взволновала нас, как будто мы снова прожили наши Черемховские годы. ...Только сейчас понимаешь, с какими светлыми и уникальными людьми сводила нас жизнь, внешне скромными и неприметными, но душевно богатыми и светлыми. ...Книга сеет добро и она нужна сейчас, когда вокруг злоба и нечистоты, труды твои не напрасны...

***Анатолий Васильевич
и Нинель Никитовна Мельниковы, г. Чита***

...автор с особой любовью и трепетом описывает красоты Чикойской земли, нашу природу, вспоминает рыбалку на тайменя, сбор груздей и рыжиков, людей, хороших и добрых, которые окружали в детстве и ранней юности...

***Светлана Бородина,
Газета «Знамя труда», № 46,
с. Красный Чикой Забайкальского края***

...в полном потрясении от прочитанной «одним залпом» исповеди-истории светлого торжества и бытия НАШЕЙ с Вами РОДИНЫ под названием ЧЕРЕМХОВО!!!! Мне показалось, что всё описанное я только что ПРОЖИЛА и почувствовала тонко-пряное дыхание деревеньки. ...вновь прошла дорогой-тропой моей юности по страничкам Вашей книги. Снова «увидела» Вашими глазами близкое и понятное и такое далёкое, но столь трогательное...

***Л.Ю. Разумова (Прахова),
г. Дубна, Московская область
(дочь директора Черемховской средней школы,
заслуженный учитель Российской Федерации)***

«Пригоршни из туесков памяти» – ... тёплое, лирическое и многогранное название! ...до сих пор как реликвию храню свой комсомольский билет, который ты, будучи секретарём комитета комсомола, вручил мне на вечное хранение... Читаешь книгу и понимаешь, ведь я также думаю и чувствую! Но не каждому дано так тепло и просто писать о главном в жизни... Пиши, с нетерпением будем ждать новых книг...

***Валентина Сафёлкина,
г. Шелехов, Иркутская область***

...книга «Пригоршни из туесков памяти» потрясла меня своей добротой, теплом, верой, любовью, удивительным языком и стилем. ...долго думал о том, как небольшая книга смогла перевернуть всё моё сознание, заставить меня переосмыслить многое из моей жизни, некоторые ценности. ...ПАМЯТЬ. Как не хватает её многим! ...ШИРОТА ДУШИ. Как сжата она у многих суетой и нравственной пустотой сегодняшнего бытия!... СЛОВО. Как мало сегодня в нём доброты и хороших помыслов! ...книга – это призыв жить не зря, по-моему мнению – это произведение сродни творению твоего великого земляка В. Распутина...

А.П. Мальцев, г. Москва

...понятное и полностью разделяемое мной твоё видение того времени, роли комсомола. ...Твоё творчество я обозначила как прозу в стихах! ...какое владение словом! Умение в обыденном увидеть красоту и воспеть её. Я уже теперь и сомневаюсь, может ли что-либо окружающее нас быть обыденным. ...Изумительно хороши фотографии: информативны, к месту и без перебора...

***Наталья Крупицкая,
г. Шелехов, Иркутская область***

...Иную книгу прочитаешь, а через время в памяти ничего не остаётся, а «Пригоршни из туесков памяти» ...созвучна жизни, она трогает душу. Мама, ей 87 лет, начала читать вечером, и так до глубокой ночи, пока не дочитала. Внук – Саша несколько раз расспрашивал о Барсе, о других сюжетах книги. У меня чтение – возвращение в прошлое, осмысление жизни... ...автор в сложных переплетениях жизни сохранил тонкое восприятие мира и талант по его отражению.

Л.А. Зубенко, г. Москва

...О сибиряках слышала много хорошего от родителей, со многими из них была знакома. Это замечательные труженики, преданные своему делу и Родине. Вы так тепло и душевно пишете о них, что это доставляет особенное удовольствие... ...У нас такой замечательный, такой трудолюбивый и такой терпеливый народ, он заслуживает того, чтобы о нём так тепло и правдиво писали...

Н.А. Алимпиева, г. Москва

...Спасибо... за «лекарство» для души, ума и сердца, за нежную любовь к «малой» Родине и боль за судьбы людей...
...Как и первую, вторую книгу «проглотила» разом, как будто глоток сибирского свежего воздуха с Байкала... ...беру книгу, чтобы взять из неё горсточку добра, тепла и радости...

Е.А.Яблокова, г. Москва

...Так писать... может человек хорошо знающий, внимательный и наблюдательный за явлениями природы, сам прошедший всё это в жизни и потрогавший всё своими руками и почувствовавший всем своим существом и сердцем...

***А.П. и В.К. Ивановы,
г. Нелидово, Тверская область***

...Ярко представлена жизнь молодого поколения Сибири. ...Комсомол создавал необыкновенную ауру созидания, уважения, гордости за свою страну, и это ёмко и интересно прослеживается в книге... Прочитав книгу, я вспомнила годы работы моего мужа Сафонова Геннадия Васильевича в комсомоле (работал первым секретарём Иркутского обкома ВЛКСМ – прим. автора)...

***Неля Ивановна Сафонова,
г. Москва***

...в душе стало так жаль, что ушло то время, что очень мало я его застала, потому что не стало комсомола...

***С.В. Зыкова,
г. Шелехов, Иркутская область***

...Побольше бы таких книг для широкого круга читателей, может быть и люди стали бы добрее, мягче и дружнее, одним словом человечнее. ...все мы из таких вот «туесков памяти»...

М.И. Стаханов, г. Москва

...Прочитал литературную часть Вашего сайта, а также в Ленинке Вашу книгу – поздравляю с прозой высокого качества...

***Б.Т. Жигмытов, поэт,
гг. Москва – Улан-Удэ – Иркутск***

Также полезные советы, пожелания и отзывы высказали **В.С. Волкоедов (г. Москва), В.С. Боляев (г. Воронеж), В.А. Сущевич (г. Москва), Г.А. Фролов (г. Москва), Б.О. и Л.В. Барбараш (г. Москва), А.В. и М.В. Сафёлкины (г. Москва), В.А. Мельников (г. Чита), П.Д. Подольская (с. Черемхово Красночичкойского района Читинской области), В.И. Демидова (г. Москва), Л.И. Яковлев (г. Москва), В.И. Супрун (г. Новосибирск), Л.А. Фролов (г. Москва)** и многие другие.

Опубликование «всега этого» (к сожалению, в сокращённом виде, хотя многие «письма и отзывы» заслуживают большего, как прекрасные произведения забываемого сейчас эпистолярного жанра) – **выражение искренней признательности и благодарности за внимание, проявленное к моим «туескам» и книгам!**

Виктор Воронов

Страница из Элитной охотничьей энциклопедии,
издательство «Барс», Москва, 2004 г.

Лучшие люди России в деле охоты, рыболовства и сохранения экологического благополучия родной природы

ВОРОНОВ Василий Георгиевич (1920–1994). Охотовед. Биолог. Участник и инвалид Великой Отечественной войны – командир сапёрного взвода Первой Ударной штурмовой комсомольской инженерно-сапёрной бригады Резерва Верховного Главнокомандования.

Родился 14 января 1920 в деревне Тайна, Газимуро-Заводского района Читинской области. В 1937 окончил курсы техников лесного хозяйства и лесоустройства при Иркутском областном управлении лесов местного значения. В 1962 заочно с отличием окончил Иркутский пушно-меховой техникум по специальности товароведение животного и пушно-мехового сырья. До войны работал директором лесхоза в селе Бырка Читинской области. Но своё призвание нашёл в разведении зверей и разумном использовании природного богатства забайкальской тайги. С 1958 по 1968 руководил созданным им Верхне-Чикойским коопзверопромхозом в селе Черемхово Красночикойского района Читинской области с общей площадью таёжных угодий более

1 млн 300 тыс. га, в т.ч. более 220 тыс. га плодоносящих кедровников.

Небольшим коллективом этого хозяйства в составе 63 штатных охотников и около 200 охотников-любителей с соблюдением норм отстрела и отлова зверей и рыбы ежегодно добывалось до 1500 экземпляров знаменитого баргузинского соболя, около 35 тыс. белок, свыше 250 тонн кедровых орех, около 7 тонн мяса диких животных, свыше 4 тыс. тонн рыбы, по 7 тонн ягод и грибов.

С 1968 по 1980 В. Воронов возглавлял Борзинское зверохозяйство в степном районе Читинской области. Первое стадо норвежских голубых песцов состояло из 150 голов (125 самок). К 1976 под руководством Василия Георгиевича поголовье увеличилось до 2216 голов, в т.ч. 1803 самок. На Иркутскую пушно-меховую базу было отправлено около 14 тысяч шкурок голубого песца высокого качества. Лучшие партии меха голубого песца особо отмечались на Международном аукционе в г. Ленинграде.

Верным другом и неизменным помощником В. Воронова была жена – Е.Е. Швецова, работавшая долгое время учителем русского языка и литературы, завучем, директором Черемховской средней школы и проводившая большую разъяснительную и пропагандистскую работу по охране природы среди учащихся и жителей населённых пунктов Забайкалья.

В семейной атмосфере любви к труду, людям, природе и родному забайкальскому краю с помощью бабушки Серафимы Никифоровны, воспитаны трое сыновей. Виктор, известный в стране и за рубежом учёный-экономист, после увлечения охотой и рыбалкой на берегах Байкала, стал в свободное время заниматься пчеловодством на Подмосковной земле. Владимир был отменным рыболовом на реках Чикой, Иркут и Ангара, а также на погранзаставе острова Ратманова на Чукотке. Владислав увлекается охотой и рыбалкой, возглавляет общество охотников и рыболовов Иркутского

завода сборного железобетона, руководит на общественных началах охотничьим приписным хозяйством завода.

По инициативе В. Воронова впервые в стране в 60-х годах XX столетия в селе Черемхово был построен Дом охотника.

На протяжении многих лет верными соратниками и помощниками В. Воронова в развитии охотничьего хозяйства и природоохранной деятельности были Н.К. Соболев, Н.Г. Шекунов, В.А. Кривошеев (на фото слева направо), В.П. Бураков, И.Х. Хафизов, Т.Е. Швецов, В.Г. Васильев, Г.И. Пярых, В.П. Никитин и др.

В.Г. Воронов награждён двумя орденами Отечественной войны I и II степени, орденом Красной Звезды, орденом Богдана Хмельницкого, орденом Трудового Красного Знамени,

многими медалями Правительства Российской Федерации и ВДНХ СССР.

П. Бережной

СЛОВО О БАЙКАЛЕ

(Из выступления на Международной конференции «Управление земельными ресурсами с особым акцентом на защите окружающей среды в районе озера Байкал» в городе Иркутске 6 июля 2006 года)

...Тематика нашей конференции, события настоящего времени и последних десятилетий прошлого XX и нынешнего XXI веков позволяют более взвешенно посмотреть на проблемы взаимодействия человека, общества и экономики с природой, окружающей нас средой обитания и, в целом, с Землёй вообще!

В этом плане – Байкал – является самым лучшим примером!

Мы привыкли называть Байкал уникальным природным явлением, объектом природы с особыми и только во многом ему присущими характеристиками и компонентами.

Это, действительно, так!

Мы привыкли, что Байкал кормит нас омулем и другими рыбными деликатесами, а окружающая его тайга позволяет добывать баргузинского соболя, кедровые орехи и много всего полезного для нашей жизни.

Мы уже почти забыли, что вода Байкала, с помощью

каскада гидроэлектростанций на Ангаре, обеспечивает целый наш Восточно-Сибирский регион электроэнергией и теплом!

Мы постепенно свыкаемся с мыслью, что Байкал – это своеобразная «индустрия» здоровья и отдыха, доход от которой должен направляться на природоохранные мероприятия в пользу самого же Байкала и людей, проживающих вокруг него.

Мы уже привыкли и радуемся, что воду Байкала можно пить не только на Байкале, не только в Иркутске, не только на реке Ангаре, а и в других городах, приобретая её, разлитую в бутылки. Опять же доход от этого должен идти на пользу Байкала и населения, проживающего вокруг него.

Но мы не привыкли и никогда не привыкнем к пренебрежительному отношению к Байкалу, которое было продемонстрировано в ходе недавнего решения вопроса о трассе известного нефтепровода.

В этом ключе, Байкал из явления природного и, в известной степени, экономического становится явлением социальным, в высшей степени, общественным.

Посмотрите, как этот нефтепровод и судьба Байкала всколыхнули десятки и сотни тысяч людей вокруг Байкала и далеко за его пределами, и даже за пределами нашей страны.

В лучах этой проблемы ярко высветились те люди, кто готов был ради выгоды, ради какой-то целесообразности (то ли политической, то ли экономической – не совсем даже понятно) рискнуть Байкалом – этим чудом природы, нашим красавцем и нашим кормильцем. И в этот момент, когда над нашим Байкалом сгустились чёрные, мрачные и злые тучи, когда над ним завис «Дамоклов меч» – проектируемый нефтепровод, все мы замерли в ожидании и надежде на разумное «разруливание» ситуации.

Очень хорошо и прекрасно, что таких плохих людей оказалось не так уж много, и здорово, что Президент России Путин Владимир Владимирович принял разумное и здоровое реше-

ние по прокладке нефтепровода на безопасном расстоянии от Байкала.

Мы должны поблагодарить всех, кто внёс в это решение свой посильный вклад! И в первую очередь наших иркутян, руководителей Иркутской области и Сибирского отделения Российской академии наук (Н.П. Лавёрова, А.Э. Конторовича, В.К. Круглова и других).

Байкал стал своеобразным рубежом, после которого хотелось бы верить, что больше никогда не будут приниматься непродуманные решения!

Поэтому-то Байкал является не просто символом чистоты, он становится социальным явлением, оказывающим влияние на другие процессы в стране.

Вспомним, что испокон веков наши предки относились к Байкалу с особым трепетом.

Ведь и в нашей любимой и известной всем песне он именуется не иначе, как «...священный Байкал» («Славное море – священный Байкал»!!!).

Всё это не случайно! Веками в нашем обществе, в нашем народе формировалось и устанавливалось это трепетное и уважительное отношение к Байкалу. И не надо это разрушать!

Не надо снисходительно к этому относиться, как к чему-то языческому и не соответствующему требованиям сегодняшнего времени.

Мы и так столько полезного и нужного людям «наразрушали», что пора бы остановиться! И подумать!

Глядя на кристально чистый и прекрасный Байкал, надо ска-

зять «нет» всем попыткам наносить вред не только Байкалу, а и всему природному богатству нашей страны, да и всей Земли в целом!

Многое, несомненно, зависит от каждого из нас – потому что и Байкал, и природу должны беречь все мы, всё население нашей страны.

Ведь и мусор на берегах Байкала и берегах наших других прекрасных рек, озёр, прудов, морей разбрасываем все мы – люди, приезжающие и населяющие эти территории.

Никто же с Луны или из космоса нам весь этот мусор не подбрасывает, и отравляющие стоки и выбросы с заводов и фабрик не устраивает.

Поэтому необходимо постоянно повышать наш общий уровень цивилизованности и правильного взаимодействия с природой!

Перефразирую известное изречение, что по тому, как

человек относится к матери, к своим родителям, можно сделать суждение о нём. Также и по тому, как человек относится к Байкалу, к матери-природе можно в целом судить о нём, можно сделать выводы о его положительных и отрицательных качествах!

Об этом нам всем нужно постоянно говорить и при обучении детей в школах, студентов в вузах, руководителей и специалистов на различных курсах повышения квалификации и на рабочих совещаниях, во всех средствах массовой информации, в новых книгах – везде!

В конечном итоге, от этого зависит судьба не только Байка-

ла, не только других прекрасных природных уголков нашей страны, а и будущее всего нашего народа и населения планеты Земля!

Думаю, что хорошо бы от имени нашей сегодняшней Международной конференции обратиться к Президенту России, Государственной Думе и Правительству страны с предложением ускорить установление водоохранной зоны Байкала, которую по закону « Об охране озера Байкал» должно было ещё с 1999 года определить Правительство.

Хорошо бы, если это было внесено поправками в сам Закон о Байкале, но если даже будет Постановление Правительства – тоже будет неплохо.

Тогда все попытки типа «недавнего нефтепровода» будут аргументированно отклоняться на более ранней стадии их проработки.

По-видимому, эта водоохранная зона Байкала должна проходить по вершинам хребтов горных массивов, водосбор с которых стекает в Байкал.

Конечно, есть трудности, например, с рекой Селенгой – где здесь считать водоохранную зону, и в других подобных случаях.

Наверное, эту водоохранную зону следует определять по отдельным сторонам Байкала и отдельным его частям с определённой спецификой и особенностями – то есть разную, а не одинаковую.

Очень важно чётко определить режим использования этой водоохранной зоны Байкала, то есть, что можно там делать, производить и т.п., что категорически нельзя, что-то нельзя с оговорками, а что-то можно, но при соблюдении определённых условий.

Хорошо бы, если и Администрация и Законодательное Собрание Иркутской области, также в порядке законодательной инициативы, вышли с этим вопросом в Государственную Думу и Правительство страны.

Хотелось бы, чтобы Росприроднадзор, Роснедвижимость и Проект ТАСИС тоже внесли в это судьбоносное решение свой вклад.

Понятно, что это очень непростой вопрос. Нужно разработать особые подходы, методику и порядок определения этой специфической водоохранной зоны Байкала. И это важно не только для Байкала!

На примере Байкала эту методику можно будет затем применять на других озёрах, реках, прудах и морях нашей страны!

И Байкал, и каждый из нас в этом можем и должны помочь нам всем, и Байкалу в первую очередь!

Учителям, учащимся и работникам
Черемховской средней школы
Жителям села Черемхово Красночикоийского района
Читинской области

УВАЖАЕМЫЕ ЗЕМЛЯКИ, ДРУЗЬЯ, ТОВАРИЩИ!

С огромной радостью приветствуем и обнимаем учителей, учащихся и работников прошлых, настоящих и будущих лет Черемховской средней школы, земляков-черемховцев всех поколений – «гуранов», «семейских» ... и славных забайкальцев и россиян!

Желаем всем доброго здоровья, бодрости духа, личного и семейного счастья, благополучия, успехов и удачи во всех делах и начинаниях на благо России и родного Забайкалья!

Любите жизнь – она так быстротечна – и стремитесь, чтобы она постоянно становилась хотя бы немного лучше для всех!

С искренним уважением и поклоном

Директор Черемховской средней школы, завуч, учитель русского языка и литературы 1951–1969 гг.

Швецова
Евдокия Ефимовна

Выпускник школы 1967 года,
«серебряный медалист»

Воронов
Виктор Васильевич

Учащийся 9 класса (1969 г.)

Воронов
Владислав Васильевич

И все наши семьи
Вороновых-Швецовых!

**И вечно живут в нашей
памяти и сердцах:**

Директор Верхне-Чикойского
коопзверопромхоза, ветеран
Великой Отечественной войны

Воронов
Василий Георгиевич

Бабушка

Швецова
Серафима Никифоровна

Выпускник школы 1969 года,
воин-пограничник заставы
острова Ратманова

Воронов
Владимир Васильевич

Чита – Черемхово – Борзя – Иркутск – Шелехов – Москва –
– полустанки нашей жизни

25 июня 2002 г.

Письмо директору Черемховской
средней школы Красночикийского
района Читинской области
ШАЛБЕЦКОМУ В.С.

Дорогой Валерий Спиридонович! Здравствуйте!

Спасибо за приглашение присутствовать на юбилее
вверенной Вам школы. Время так быстро пробежало. И всё
осталось в славных воспоминаниях.

Школа 45 лет назад была реорганизована в среднюю.
Вопреки желаниям районного управления. Шла славная битва
в пути, из которой не всегда выходил победителем.

Хочется выразить запоздалую признательность
родительской общественности, местному самоуправлению
с. Черемхово, с. Афонькино, с. Ядрихино, с. Зашулан, Усть-
Ямаровки, курорта Ямаровки (директору Митрошину). Они
были верными союзниками в этом общем нужном деле.
Укрепляли материальную базу школы.

Порукой в работе был славный педагогический коллектив.
Стиль работы каждого был индивидуален.

Это и:

Иванова Татьяна Николаевна,
Гостева Зинаида Григорьевна,
Кожемякина Серафима Ивановна,
Баранов Василий Алексеевич,
Баранова Анна Ионовна,

Разумов Юрий Николаевич,
Разумова Валентина Максимовна,
Иванов Николай Феокистович,

Бураков Василий Петрович,
Климов Юрий Михайлович (мастер спорта по гимнастике),
Лопаницын Пётр Семёнович (музыкальный виртуоз),
Соболева Татьяна Дмитриевна,

Мельников Анатолий Васильевич (моя правая рука. Чтобы в
школе всегда был свет и работал радиоузел).

И многие другие...

(Увы, «иных уж нет, а те далече...»).

В работе школы жил лейтмотив – учить каждого и учить хорошо. Как это удавалось?! Но школа была для ученика. И школе дети любили.

Формирование навыков самостоятельно добывать знания, увлечённость спортом, художественной самодеятельностью, любовь к поэзии... – магистральные направления в работе педагогического коллектива.

*...И теперь я всех вас видеть жажду,
Некогда любившие меня,
Мною не прощённые однажды
Или не простившие меня...*

(Р. Гамзатов)

Сейчас новое время. Новые песни. Технические средства обучения в достатке. Работа школы усложнена. Главной фигурой в школе был и остаётся Учитель. Ему, Учителю, отданы сердца детей. Так каждый день за них в тревоге. За их сердца идут бои. И надо быть солдатом, чтобы не сдать высот и выиграть бои...

Валерий Спиридонович, спасибо Вам за тёплый, искренний приём моих сыновей в стенах родного дома и родной школы. Они были равными среди равных. Вы оставили у них приятное впечатление во всём.

Желаю педагогическому коллективу здоровья, благополучия в семьях, творческих успехов и удач!

С новым учебным годом! И молодым юбилеем!

С уважением Швецова Евдокия Ефимовна,
учитель русского языка и литературы, завуч и директор Черемховской средней школы с 1951 по 1969 гг., кавалер ордена «Знак Почета», Юбилейной медали «К 100-летию со дня рождения В.И. Ленина», ветеран педагогического труда.

г. Иркутск

14 августа 2002 г.

**Главе
сельского поселения «Черемховское»
Любови Афанасьевне
Столяровой (Грешиловой),
Всем жителям села Черемхово
и прилегающих к нему населённых пунктов**

Дорогие земляки-черемховцы!

От всей души горячо и сердечно поздравляем всех жителей близкого и дорогого нам села Черемхово и прилегающих к нему населённых пунктов со славным 125-летием!

Село Черемхово Красночикийского района Читинской области является для нас одним из «полустанков жизни», местом рождения и малой Родины!

Вместе, по-одиночке, с родственниками, земляками, коллегами и друзьями мы довольно часто вспоминаем родное Черемхово, многих его жителей разных лет и перед нами вновь и вновь всплывают прекрасные мгновения нашей совместной с вами жизни на «верхнечикийской стороне».

Нам также приятно вспомнить совсем ещё недавние встречи во время нашего кратковременного посещения Черемхово в июле 2002 года. В первой и второй частях небольшой книги «Пригоршни из туесков памяти», к сожалению, не имелось возможности рассказать ещё о многих и многих достойных и уважаемых жителях нашего Черемхово. Поэтому просим правильно понимать, что под теми, кого мы упомянули в книге, как собирательные и типичные образы наших черемховцев, мы подразумеваем и других наших односельчан –

семейских, гуранов, забайкальцев – людей настоящих и преданных своему делу и нашему Отечеству!

Ещё раз поздравляя всех с юбилейной датой, желаем всем вам доброго здоровья, прекрасного настроения, радости и счастья, любви к жизни, ко всему живому, к природе, к близким людям, к нашей стране и к нашему народу!

Удачи во всех ваших добрых делах на благо нашей великой России и Забайкальского края!

С низким поклоном и уважением

Швецова Евдокия Ефимовна – директор Черемховской средней школы, завуч, учитель русского языка и литературы 1951–1969 гг., ветеран педагогического труда, кавалер ордена Знак Почёта (г. Иркутск),

Воронов Виктор Васильевич – выпускник Черемховской средней школы 1967 года, директор Международной школы управления «Интенсив» Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации, профессор, заслуженный экономист Российской Федерации (г. Москва),

Воронов Владислав Васильевич – учащийся 9 класса Черемховской средней школы (1969 год), директор по производству ОАО «Иркутский завод сборного железобетона» (г. Иркутск),

а также все наши семьи – **Вороновы-Швцовы**

Уверены, что вместе с нами к этому присоединились бы, а возможно и присоединяются вечно живущие в нашей памяти.

Воронов Василий Георгиевич – директор Верхне-Чиркеевского коопзверопромхоза, ветеран Великой Отечественной войны (1920–1994 гг.).

Швцова Серафима Никифоровна – бабушка (1882–1974 гг.).

Воронов Владимир Васильевич – выпускник Черемховской средней школы 1969 года, воин-пограничник заставы острова Ратманова, заместитель директора Иркутского завода дорожных машин (1951–1997 гг.).

Москва – 9 июля 2009 года – Иркутск – 16 июля 2009 года
– Москва – 6 августа 2009 года

Из личного архива

Устье реки Иркут,
65 «верста» от Байкала,
Иркутский комсомольский острог
Иркутскому областному комсомольскому воеводе,
Председателю Координационного Совета
Иркутского регионального
общественного движения
«Ветераны комсомола»,
нашему другу, товарищу, коллеге и земляку
Анатолию Ивановичу Орлову,
*комсомольцам всех поколений
орденоносной Иркутской области*

Дорогие друзья – комсомольцы!

Примите самые сердечные и горячие поздравления со славным **90-летием Иркутского комсомола!**

Этот юбилей, другие подобные события и память о людях и земле Иркутской согревают нас, по воле судьбы и многим другим причинам заброшенных в столицу любимого Отечества и обогревающихся в суровую столичную чиновничью стужу у костра – нашего **Иркутского землячества «Байкал»**, огонь в котором вот уже более 35 лет поддерживается поленьями из различных уголков нашей необъятной страны и всего мира.

Все мы прекрасно помним события нашей комсомольской юности!

И с гордостью, вместе со всеми, можем сказать, что **Комсомолом, действительно, сделано для страны и нашей области очень многое!**

А перефразируя слова известного поэта, говорим: «И наш труд – вложен в созданное трудом всего советского народа!»

Несмотря на то, что вместе с Комсомолом мы тоже неиз-

бежно прибавляем в своём возрасте, – душой остаёмся всегда молодыми!

Это вселяет во всех нас надежду на новые встречи, уверенность в будущем и стремление постараться ещё многое сделать на благо нашей страны и родной Иркутской области!

Желаем всем вам, дорогие друзья, доброго здоровья, удачи, успехов, радости и счастья в жизни!

- члены ВЛКСМ с незапамятных времён;
- состоящие на учёте в Иркутской областной комсомольской организации **навечно**;
- временно прибывающие в неизвестных и известных направлениях и «околокремлёвском пространстве»;
- истинные иркутяне;
- преданные делу Иркутского комсомола;
- и любящие всех вас,

*Чемезов Сергей Викторович
Миронов Иван Кузьмич
Федосеев Иван Васильевич*

*Воронов Виктор Васильевич
Шумский Григорий Васильевич
Невзорова Антонина Михайловна
Распутин Валентин Григорьевич
Поздняков Владимир Георгиевич
Антипин Евстафий Никитич
Корчажинская Ильвера Михайловна
Хайрюзов Валерий Николаевич
Карнаухов Степан Васильевич
Зубарев Борис Матвеевич
Ежевский Александр Александрович
Вольнов Борис Валентинович
Чичерина Людмила Ивановна
Худякова Людмила Александровна
Княжевский Ростислав Яковлевич
Коваленко Геннадий Яковлевич
Куракина Татьяна Николаевна
Миронова Галина Геннадьевна
Ротов Александр Георгиевич
Ротова Ольга Петровна
Масалов Владимир Георгиевич
Баснин Леонид Сергеевич
Соловьёв Анатолий Иванович и другие.
Всего 532 члена Иркутского землячества «Байкал» (полный список на сайте www.baikal77.ru), а также наши семьи, друзья и товарищи.*

Послание скреплено подписью и печатью иркутско-московского земляческого воеводы – Президента Иркутского землячества «Байкал» С.В. Чемезова.

29 апреля 2010 г.

г. Москва

Из личного архива

**Первым секретарям
Шелеховского горкома ВЛКСМ
В.В. Поздняку и
В.В. Коцюрубскому,
всем ветеранам
Шелеховского комсомола**

**Уважаемые Владислав Викторович
и Василий Владимирович!
Дорогие друзья-комсомольцы!**

С огромным удовольствием поздравляю всех вас с нашим дорогим праздником – Днём рождения Комсомола и 55-летием Шелеховского Комсомола!

Естественно, что совершенно невозможно вместить в короткие письма, телефонные звонки и написанные нами книги все славные события и дела нашей комсомольской юности. И, тем не менее, каждый раз, встречаясь и общаясь друг с другом, мы вновь и вновь заново переживаем это прекрасное время – время надежд, добрых чувств, искреннего отношения ко всему!

Пусть подольше для каждого из нас светит эта путеводная звезда по имени «Комсомол»!

Доброго здоровья, удачи, успехов, радости и счастья в жизни!

Всегда душой и сердцем с вами

Виктор Воронов
29 октября 2009 г., г. Москва

МГНОВЕНИЯ ЖИЗНИ НА ФОТОГРАФИЯХ В ТУЕСКАХ КНИГИ

а обложке:

1-я стр. – *Байкал летом. Берёзки.*

*Туески с кедровыми орехами
и шишками*

2-я стр. – *Багульник. Забайкалье*

3-я стр. – *Пруд в Поваровке летом*

4-я стр. – *У домашней библиотеки с
любимыми книгами*

Внизу страниц книги:

– *Тайга. Горы. Байкал*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Туесок с крышкой и дужкойс. 13

Пригоршня кедровых орех из туескас. 14

Казачи Забайкальского казачьего войска.

Крайний слева – Швецов Ефим Никитич (мой дед)с. 16

Фотография из семейного альбома.

В центре – мой прадед – Швецов Никита Клеонидович

с внучкой Ирой (моей тётей), а крайняя слева –

Швецова Серафима Никифоровна – моя бабушкас. 17

На улице родного села Черемхово. Июль 2002 г.с. 18

У родителей в г. Борзя (большой сбор).

Сентябрь 1981 г. Сидят (слева направо) – невестка –

Раиса Ивановна с сыном – Дмитрием,

мама – Евдокия Ефимовна с внучкой Дарьей,

отец – Василий Георгиевич, невестка –

Галина Фёдоровна с сыном – Никитой.

Стоят (слева направо)– братья:

Владимир, Виктор и Владиславс. 19

<i>Наш дом в Черемхово. Июль 2002 г.</i>	с. 20
<i>Въезд в районный центр – с. Красный Чикой</i>	с. 22
<i>Таёжная речка Ямаровка</i>	с. 23
<i>В горах Забайкалья. Вид на долину</i>	с. 24
<i>Чикой – река моего детства</i>	с. 25
<i>Хариус</i>	с. 28
<i>На берегу Чикоя. Бураков Василий Петрович (июль 2002 г.)</i>	с. 29
<i>Сопки парят</i>	с. 30
<i>Черемховская средняя школа</i>	с. 33
<i>Учительская</i>	с. 35
<i>Школьный двор</i>	с. 38
<i>У крыльца родной школы. Июль 2002 г.</i>	с. 39
<i>Последний звонок в 10 классе. Май 1967 г.</i>	с. 40
<i>Верхнечикойский коопзверопромхоз</i>	с. 42
<i>Бурундук</i>	с. 43
<i>Тайга и река – кормилицы</i>	с. 44
<i>Хозяин тайги – медведь</i>	с. 45
<i>Ленок</i>	с. 46
<i>На курорте Ямаровка. Июль 2002 г.</i>	с. 48
<i>Въезд в село Черемхово</i>	с. 50
<i>С тётей Полей. Июль 2002 г.</i>	с. 51
<i>В память погибших односельчан</i>	с. 53
<i>Ветераны ударной штурмовой комсомольской резерва ВГК инженерно-сапёрной бригады. Азовское море, июнь 1983 г. (пятый слева – Воронов В.Г.)</i>	с. 55
<i>С дядей Тимой в зале Славы на Поклонной горе в г. Москве. Июнь 2005 г.</i>	с. 56

Пустошкинские просторы	с. 58
Наш дом в Пустошке	с. 60
Сын – Владислав с племянницей – Леной и конём	с. 61
Рамка с запечатанным мёдом	с. 64
Льющийся мёд	с. 67
Пасека в Пустошке	с. 68
Работа с пчёлами у улья	с. 70
Баня в Поваровке	с. 73
Долгожданная встреча в Поваровке (большой сбор) (слева направо – жена – Лариса Михайловна, её мать – Валентина Ивановна, брат – Владислав Васильевич, мама – Евдокия Ефимовна, Виктор Васильевич, сын – Владислав, жена брата – Галина Фёдоровна), август 2005 г.	с. 74
Марина – человек XXI века у самовара XIX века	с. 76
Стогование сена с Виктором Ивановичем Лыкашевым в Пустошке	с. 77
Наши молодые (сын и невестка) на лыжной прогулке в подмосковном лесу	с. 78
Черемховские горы и сопки – места охоты в детстве	с. 79
Утки	с. 80
«Охота – пуще неволи». Воронов Владислав Васильевич с добытым изюбром	с. 80
Осень в Пустошке	с. 81
Плоды общего с пчёлами труда	с. 82
Ещё не выше ромашек в Пустошке	с. 84
Розы в Поваровке	с. 85
Цветущий жасмин	с. 86

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

- Родословное дерево, музей, г. Владимир**с. 89
- Семейные фотоальбомы**с. 90
- Мама – Швецова Е.Е. с невесткой Раисой Ивановной, правнучкой Мариной и женой внука Дмитрия – Ольгой. г. Иркутск, 2007 г.**с. 92
- Тимофей Ефимович Швецов в музее на Поклонной горе в г. Москве, 2005 г.**с. 92
- У крыльца дома в Поваровке**
(слева направо – Вороновы: Владислав Викторович, Кира Владиславовна, Анна Владимировна, Лариса Михайловна, Виктор Васильевич. Татьяна Михайловна Маркова). 2007 г.с. 93
- Памятная медаль фестиваля «Шелехов – юность моя», 1976 г.**с. 95
- Комсомольская путёвка и значок бойца Всесоюзного ударного комсомольского отряда имени XIX съезда ВЛКСМ**с. 96
- Шелеховские реликвии разных лет**с. 96
- Делегаты Шелеховской городской отчётно-выборной комсомольской конференции, ДК «Строитель», октябрь 1975 г.**с. 97
- Жюри творческих отчётов трудовых коллективов треста «Иркутскалюминстрой», 1974 г.**с. 98
- Руководство треста «Иркутскалюминстрой» на творческих отчётах трудовых коллективов стройки (В.Ф. Зубрилин, И.Г. Сизых, В.И. Зубков), 1975 г.**с. 99
- После торжественного вручения комсомольских билетов нового образца у Доски Почета треста «Иркутскалюминстрой», 1975 г.**с. 100

Мандат делегата VI конференции Шелеховской городской партийной организации, 1975 г.....	с. 101
Делегаты Иркутской областной отчётно-выборной комсомольской конференции от г. Шелехов с зам. зав. отделом Иркутского обкома КПСС В.И. Потаповым, 1976 г.	с. 102
У памятника борцам революции в г. Иркутске с участниками областного торжественного заседания в честь 60-летия ВЛКСМ, 1978 г.	с. 103
Делегаты XVIII съезда ВЛКСМ от Иркутской области в Кремле, апрель 1978 г.	с. 104
Иркутский обком ВЛКСМ, 1977 г.	с. 106
Почётная грамота ЦК ВЛКСМ и другие комсомольские награды и знаки	с. 107
Комсомольский значок (справа) и знак ЦК ВЛКСМ «За активную работу в комсомоле»	с. 108
Отдел рабочей молодежи ЦК ВЛКСМ, 1981 г.	с. 109
Комсомольские реликвии разных лет	с. 110
Нерюнгри, панорама ударной стройки, 1984 г.	с. 111
БАМ, п. Чара, «...Только вертолётom можно долететь...», лето 1981 г.	с. 113
На XII Всемирном фестивале молодёжи и студентов в г. Москве, август 1985 г.	с. 114
Комсомольские работники – представители союзных республик, краёв, областей и ЦК ВЛКСМ при открытии сквозного движения поездов по БАМу, 27 октября 1984 г.	с. 115
Вместе с героями БАМа в ЦК ВЛКСМ, 1985 г.	с. 116
У Валентина Григорьевича Распутина на даче около Байкала, июль 2007 г.	с. 117
Байкал из окна поезда	с. 118

Пляж на Байкале	с. 118
Шахматы и Байкал	с. 119
Подлёдный лов омуля, 1978 г.	с. 120
Байкал. Малое море.....	с. 121
Рыбацкая удача на Байкале	с. 122
Омуль на рожнях	с. 123
С командой родственников на Байкале	с. 124
На катере «Багульник» с австрийскими гостями в байкальской бухте	с. 124
Представление первой части «Пригоршни из туесков памяти» в Иркутском землячестве «Байкал», 2006 г.....	с. 125
Восторг от Байкала с американским певцом Дином Ридом.....	с. 125
Купание в Байкале с Дином Ридом	с. 126
Исполнение песни «Славное море – священный Байкал» на просторах Байкала.....	с. 126
Бокал воды прямо из Байкала	с. 127
Наша труженица – пчёлка	с. 128
Рамка с мёдом и деткой	с. 129
Бриллиантовый мёд в сотах под крышкой улья.....	с. 130
Магазин с рамками с запечатанным мёдом	с. 131
Рой пчёл – «собака на дереве»	с. 131
Щедрые плоды труда пчёл.....	с. 132
Любимое лакомство.....	с. 133
Чаепитие в Пустошке.....	с. 133
Черёмуховое цветение	с. 134
У пчелиных просторов	с. 135
Царь грибов	с. 138

<i>Белый гриб</i>	с. 139
<i>Ещё один белый гриб</i>	с. 139
<i>Стройный подосиновик</i>	с. 140
<i>Опята – баянные кнопочки</i>	с. 141
<i>Зимняя сказка</i>	с. 142
<i>Солнечные лучи на снегу</i>	с. 143
<i>Лыжня в лесу</i>	с. 144
<i>Рядом с заячьими следами</i>	с. 145
<i>Первые проталины</i>	с. 147
<i>Подснежники</i>	с. 148
<i>У дождевой росинки</i>	с. 149
<i>Главный медонос – иван-чай</i>	с. 150
<i>Яблони в цвету</i>	с. 151
<i>Десерт со своего дачного участка</i>	с. 152
<i>Завтрак в Пустошке</i>	с. 152
<i>Туман приближается к пасеке</i>	с. 153
<i>Цветущее утро</i>	с. 154
<i>Багряный клён</i>	с. 155
<i>Начало зимы</i>	с. 156
<i>Новогодние сладости</i>	с. 157
<i>Поздравления с Новым годом</i>	с. 158
<i>Мгновение радости</i>	с. 158
<i>Барс-а с дочкой</i>	с. 160
<i>Любимый цветок</i>	с. 161
<i>Малиновое чудо</i>	с. 162
<i>Гордость хозяйки</i>	с. 163
<i>Наши пасека и дом</i>	с. 165
<i>Цветущая голубизна</i>	с. 166

<i>Иван да Марья</i>	с. 168
<i>Иркутское море</i>	с. 169
<i>Могучая сосна</i>	с. 170

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

<i>С братьями у берёзки. Черемхово, 1960 г.</i>	с. 173
<i>Черемхово – 125 лет</i>	с. 174
<i>Саянские горы синеют вдали</i>	с. 174
<i>В Администрации Иркутской области</i>	с. 175
<i>Чудо природы</i>	с. 176
<i>Бухта Байкала</i>	с. 177
<i>На улице Пустошки (слева направо – Воронов В.В., Крылов И.М., Иванова Д.А., Корнилова В.И., Осипова З.П., Осипов В.П., Смирнова А.С., Лыкашева Л.Ф., Воронова Л.М.)</i>	с. 179
<i>Космос – Белка и Стрелка. Лёд. ВДНХ. Москва</i>	с. 180
<i>Под флагом России</i>	с. 181
<i>На зональном семинаре комсомольского актива области. п. Мама, 1979 г.</i>	с. 182
<i>Северобайкальск. 1 мая 1981 г.</i>	с. 183
<i>На XIX съезде ВЛКСМ, 1982 г.</i>	с. 184
<i>В Оргкомитете XII Всемирного фестиваля молодёжи и студентов в г. Москве, 1985 г.</i>	с. 185
<i>Комсомолу – 90. Москва, 2008 г.</i>	с. 186
<i>С друзьями – Ф.Э. Шереги и Е.В. Белкиным</i>	с. 187
<i>Редкая встреча</i>	с. 188
<i>Друзья встречаются вновь..., 2010 г.</i>	с. 189
<i>Среди багульника</i>	с. 191
<i>Во всей красе</i>	с. 193

«На перекуре»	с. 194
Игра «в догонялки»	с. 195
В поисках запасов с осени	с. 196
На «обеде» у хозяев	с. 196
Таёжное пристанище	с. 197
Дачное счастье	с. 198
В Останкино – ВДНХ	с. 200
Уютный уголок для всех поколений	с. 201
«Новоиспечённые» инженеры-строители	с. 203
Иркутский политехнический институт, строительный факультет, выпуск 1972 г.....	с. 204
Занятия на военной кафедре.....	с. 205
На военных сборах, 1972 г.	с. 206
Спустя тридцать лет	с. 207
«За однокашников...» с С.М. Квитко, 2010 г.	с. 208
Семинар руководящих работников Росместпрома, 1991 г.....	с. 209
Семинар руководителей Роскомзема, 1993 г.	с. 210
Пятилетие Школы «Интенсив», 1996 г.	с. 211
Семинар руководителей контрольно-ревизионных органов Минфина России, 1998 г.	с. 212
Ежегодная аудиторская конференция, 2004 г.	с. 213
Выступление практика и профессионала – заместителя руководителя Федерального казначейства С.Е. Прокофьева на телемосте в Школе «Интенсив»	с. 213
Семинар руководящих работников Росземкадастра ...	с. 214
Конференция с проектом ТАСИС.....	с. 214
Очередная конференция–семинар.....	с. 215

Коллектив Международной школы управления «Интенсив» РАГС, 2008 г.	с. 216
Черёмухи... «гроздь душистые...»	с. 217
Ветка черёмухи	с. 218
Белое черёмуховое пламя	с. 219
Весенний этюд	с. 220
Помощники пчеловода	с. 221
Долгожданное яблоко	с. 222
Лесной гость	с. 222
На грибном привале	с. 223
Речка Радомля зимой	с. 224
«А лес стоит загадочный»	с. 225
Снежная сказка	с. 226
Зимовка пчёл в снегу	с. 226
Снежные забавы	с. 227
Снегомер	с. 227
Академия	с. 228
С завкафедрой АОН при ЦК КПСС академиком Л.И. Абалкиным	с. 229
С Президентом Российской Федерации В.В. Путиным, 2000 г.	с. 230
С академиками РАСХН А.М. Емельяновым и Н.В. Комовым	с. 231
X Всероссийская конференция «Бухгалтерский учёт, налогообложение и аудит в России – 2009»	с. 232
Телеконференция с руководством Федерального казначейства в школе «Интенсив», 2008 г.	с. 233
Совместная с Институтом госзакупок ежегодная конференция–семинар	с. 234

Осенний этюд	с. 235
Краски осени	с. 236
В Иркутском землячестве «Байкал» (два фото)	с. 237
.....	с. 238
С земляками на 90-летию комсомола. <i>Москва, 2008 г.</i>	с. 239
С земляками – слушателями Академии	с. 240
После встречи в клубе «Иркутск – Москва: Литература, искусство, культура»	с. 241
Схема-карта БАМ	с. 242
Укладка «золотого звена» БАМа, 1984 г.	с. 243
С Ю.А. Беляковым – зав.сектором ЦК КПСС и героями БАМа после укладки «золотого звена» ..	с. 244
Посёлок Куанда. Читинская область. Стыковка БАМа	с. 245
Бамовские реликвии	с. 246
Книги о БАМе и бамовцах	с. 247
С Д.Г. Квок в Школе «Интенсив»	с. 249
С В.Г. Распутиным	с. 250
Япония. Нагоя, 1988 г.	с. 252
Российско-японский симпозиум	с. 253
Японская сакура	с. 254
С Министром Посольства Японии в Москве Ё. Акимото (два фото)	с. 254
.....	с. 255
На развилке	с. 256
По «Золотому кольцу России», г. Владимир	с. 257
Три поколения	с. 257
В «Легенде Байкала». п. Листвянка, 2009 г.	с. 258

Первый именинный торт	с. 259
А это уже через год	с. 259
Празднуем все вместе	с. 260
<i>Из ранее неопубликованного</i>	
...Есть только миг называемый отпуском	с. 261
Приэльбрусье	с. 262
В горах Кавказа	с. 263
Горная река	с. 264
И снова в зимнем убранстве	с. 266
Весеннее солнечное небо	с. 267
Раздумья. Е.Е. Швецова, 2008 г.	с. 268
<i>Из личного архива</i>	
Дары кедра из Черемхово	с. 269
Бабушка, мама и трое братьев. Черемхово, 1958 г. ...	с. 271
Поздравления с юбилеем, 2005 г.	с. 271
Встреча юбилея в Листвянке, 2004 г.	с. 273
В агитпоезде на БАМе, 1984 г.	с. 275
Наши родственники на ВДНХ, 2005 г.	с. 278
В.Д. Попов в Академии	с. 280
«...Вот кто-то с горочки спустился...»	с. 282
В жарках (В.Г. Распутин (справа) и В.Я. Курбатов) ..	с. 284
Клуб «Литература, искусство, культура» Иркутского землячества «Байкал», 22 апреля 2008 г.	с. 286
Семинар с главными бухгалтерами подведомственных РАГС учебных заведений. 2000 г.	с. 291
Портрет отца – Воронова Василия Георгиевича	с. 294

Охотники с директором коопзверопромхоза (слева направо – Воронов В.Г., Соболев Н.К., Шекунов Н.Г., Кривошеев В.А.)	с. 296
На Международной конференции в зале Администрации Иркутской области. Июль 2006 г. (три фото)	с. 297
.....	с. 299
.....	с. 300
Берег Байкала	с. 302
Юбилейный концерт в Черемхово, 2009 г.	с. 308
Схема планируемого национального парка «Чикой»	с. 309
90-летие Иркутского комсомола, 2010 г.	с. 311
...А жизнь продолжается. Байкал, 14 июля 2010 г....	с. 326

С этой **нашей песней** на слова Михаила Танича
мы не расstaёмся вот уже много лет

НА ДАЛЬНЕЙ СТАНЦИИ СОЙДУ

а дальней станции сойду,
Трава – по пояс!
И хорошо, с былым наедине,
Бродить в полях
Ничем, ничем не беспокоясь
По васильковой
Синей тишине.

На дальней станции сойду, –
Запахнет мёдом!
Живой воды попью у журавля!
Тут всё – моё,
И мы, и мы отсюда родом –
И васильки,
И я, и тополя.

На дальней станции сойду, –
Необходимой,
С высокой ветки
В детство загляну,
Ты мне опять позволь,
Позволь, мой край родимый,
Быть посвящённым в эту тишину!

На дальней станции сойду, –
Трава – по пояс!
Зайду в траву, –
Как в море – босиком!
И без меня обратный
Скорый-скорый поезд
Растает где-то
В шуме городском.

Воронов Виктор Васильевич

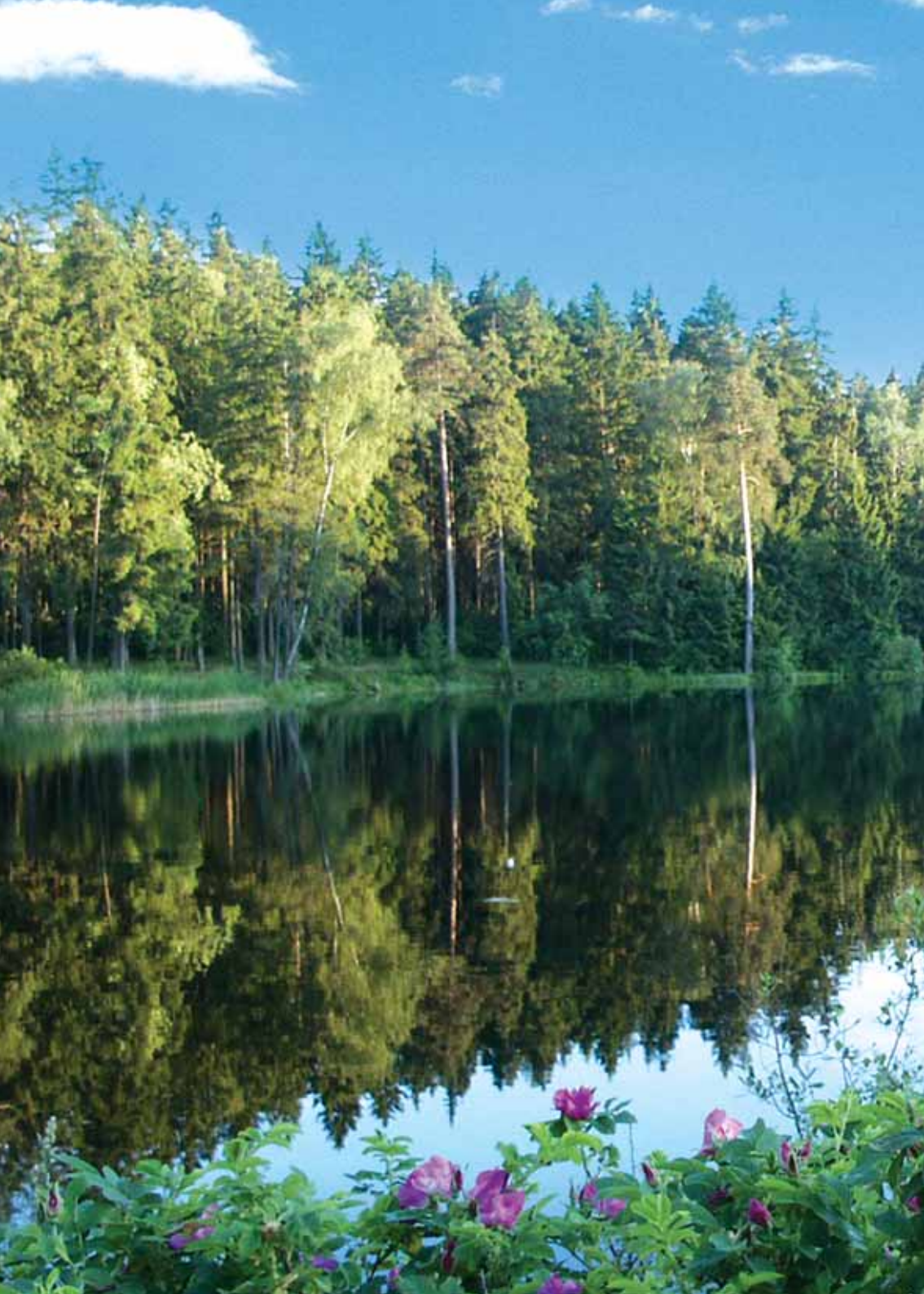
Пригоршни из туесков памяти

Части первая, вторая и третья

Редактирование и корректура *Н.С. Майорова*
Оформление обложки *И.А. Петрович*
компьютерная вёрстка *В.А. Богоутдинов*

Подписано в печать 16.08.2010. Формат 60x84 ¹/₁₆. Тираж 1000 экз.
Усл. печ. л. 20,5. Гарнитура «Helios». Печать офсетная.
Заказ № 306/1П

Отпечатано в ООО «Издательство Проспект»
119606, Москва, пр-т Вернадского, 84

Российская академия государственной службы
при Президенте Российской Федерации

*Международная школа управления
«ИНТЕНСИВ»*

19 ёàò â ðõàðà îáðàçîâàëüíõ òñëóá!

ВСЕРОССИЙСКИЕ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ
КОНФЕРЕНЦИИ, КОНГРЕССЫ,
СИМПОЗИУМЫ

СЕМИНАРЫ И КОНСУЛЬТАЦИИ ДЛЯ
РУКОВОДИТЕЛЕЙ И СПЕЦИАЛИСТОВ ПО
НАЛОГООБЛОЖЕНИЮ, БУХГАЛТЕРСКОМУ УЧЁТУ,
ФИНАНСОВОМУ АНАЛИЗУ, АУДИТУ, МАРКЕТИНГУ,
ПРАВУ, УПРАВЛЕНИЮ ЗЕМЕЛЬНЫМИ РЕСУРСАМИ, КАДАСТРУ ОБЪЕКТОВ
НЕДВИЖИМОСТИ, ДЕЛОВОМУ ЭТИКЕТУ И ДР.

ПОДГОТОВКА И ПОВЫШЕНИЕ
КВАЛИФИКАЦИИ АУДИТОРОВ,
ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ БУХГАЛТЕРОВ,
ОЦЕНЩИКОВ

Отзывы, замечания, пожелания, предложения, фотографии и материалы для следующих изданий автор просит направлять по адресу:

119606, Москва, пр-т Вернадского, 84, РАГС
**Международная школа управления
«Интенсив».**

Эл. почта:

intensiv@ur.rags.ru, voronov@ur.rags.ru, vvoronov@bk.ru.

Тел./факс: 436-02-09, 436-03-25, 436-00-11, 615-47-27

сайты: voronovv.ru, воронов.рф

Воронов Виктор Васильевич родился в 1950 году в г. Чите. После окончания Иркутского политехнического института по специальности «инженер - строитель», начал трудовую деятельность на строительстве Иркутского алюминиевого завода в г. Шелехов – мастер, прораб, секретарь комитета комсомола треста «Иркутскалюминстрой». Работал первым секретарём Шелеховского горкома ВЛКСМ, вторым секретарём Иркутского обкома комсомола, ответственным организатором Отдела рабочей молодёжи Центрального Комитета ВЛКСМ (курировал строительство Байкало-Амурской железнодорожной магистрали), заместителем начальника Управления Министерства транспортного строительства СССР, консультантом Института повышения квалификации Академии общественных наук ЦК КПСС, а с 1991 года – **директор Международной школы управления «Интенсив» Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАГС).**

Заслуженный экономист Российской Федерации, профессор кафедры финансов и отраслевой экономики РАГС, член Экспертно-правового Совета при полномочном представителе Президента Российской Федерации в Центральном федеральном округе, член Учёного Совета РАГС, член Центрального Правления Общества дружбы «Россия – Япония», заместитель председателя Правления Иркутского землячества «Байкал» (г. Москва). Автор ряда книг, учебников, публикаций, статей и эссе по экономике, аудиту, финансовому менеджменту, о комсомоле, строителях, БАМе и другом. Пчеловод-любитель, увлекается фото- и видеосъёмками. Имеет государственные и другие награды.

